

НАУЧНОЕ ОБОЗРЕНИЕ САЯНО-АЛТАЯ

Рецензируемый
научный журнал
Номер 1(07), 2014
Периодичность – 2 раза в год
Серия: История
Выпуск 1

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор
д-р ист. наук **В. Н. Тузужекова**
Ответственный секретарь
канд. ист. наук **Н. А. Данькина**,
канд. ист. наук **М. Г. Степанов**,
канд. ист. наук **В. К. Чертыков**

УЧРЕДИТЕЛИ:

Министерство образования и науки
Республики Хакасия
ГБНИУ РХ «Хакасский
научно-исследовательский институт языка,
литературы и истории»
(ГБНИУ РХ «ХакНИИЯЛИ»)

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

655017, г. Абакан,
ул. Щетинкина, 23, ГБНИУ РХ «ХакНИИЯЛИ»
Телефон 8 (3902) 22–31–71
E-mail: **khaknauka@mail.ru**
Зав. редакцией:
Надежда Анатольевна Данькина

НАШ АДРЕС В ИНТЕРНЕТЕ:

<http://www.haknii.ru>

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

И. Г. Смолина (председатель)
канд. юр. наук (Абакан)
Л. В. Анжиганова
д-р филос. наук (Абакан)
Б. В. Базаров
член-кор. РАН (Улан-Удэ)
К. А. Бичелдей
д-р филол. наук (Кызыл)
Н. М. Екеева
канд. ист. наук (Горно-Алтайск)
Г. А. Салата
канд. пед. наук (Абакан)
Ю. С. Худяков
д-р ист. наук (Новосибирск)

Журнал зарегистрирован в ФС по
надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ
№ ФС 77-48678
Подписной индекс 25199 в каталоге
агентства «Роспечать»

ISBN 978-5-7091-0714-4

- © Министерство образования
и науки Республики Хакасия, 2014
- © ГБНИУ РХ «ХакНИИЯЛИ», 2014
- © Оформление. ГБУ РХ «Хакасское книжное
издательство», 2014

СОДЕРЖАНИЕ

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ И ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА

Манихейство – показатель контактов средневекового населения Хакасско-Минусинской котловины 4
Угдыжеков Э. В.

Древние кыргызы (хакасы) и огузы (туркмены) по данным «Огузнаме» и китайских источников 9
Соегов М.

Тенгрианство – приоритетная основа культурной самоидентификации казахов15
Кабжанов А. Т.

Предварительное прочтение древнетюркской рунической надписи на арфе, классифицированной как музыкальный инструмент из Северо-Западной Монголии19
Осава Т.

ИСТОРИЯ И ЭКОНОМИКА РОССИИ И ЕЕ РЕГИОНОВ

К очеркам истории развития промышленности Хакасии. Советский период (1920–1940 гг.)... 28
Шулбаев В. К.

Уголовное преследование советских граждан по политическим мотивам в 1939–1941 гг. (на примере Хакасской автономной области)..... 33
Степанов М. Г.

Взаимодействие семьи и школы в воспитательном процессе в городах Хакасии (вторая половина 1940-х – 1950-е гг.)..... 38
Кискидосова Т. А.

Экономическая реформа 1965 г.: замыслы и результаты (на материалах Хакасии) 42
Дроздов А. И.

У потомков мелецких татар.....47
Кривоногов В. П.

Результаты повторного выбора депутата городского совета как фактор оценки его деятельности в отчетный период (по данным exit poll 8 сентября 2013 г. в г. Красноярске)..... 56
Злотковский В. И.

Миграционные процессы в Туве в современный период..... 63
Анайбан З. В.

Идентификация социально-культурных трансформаций у тюрков Южной Сибири и перспективы сохранения наследия в начале XXI века.....71
Кимеев В. М., Терентьев В. И.

ПЕРСОНАЛИИ

С. П. Ултургашев – организатор, педагог, ученый, общественный деятель76
Тугужекова В. Н.

Ученые секретари ХакНИИЯЛИ 78
Данькина Н. А.

Александр Кенель в Ленинградской консерватории: истоки профессионализма 84
Барабаш В. П.

Из жизни сибирского купца 1860-х гг.: к биографии Ивана Михайловича Башурова91
Комлева Е. В.

Н. Н. Козьмин и изучение социального строя орхонских тюрков VI–VIII вв. 96
Тишин В. В.

CONTENTS

ANCIENT HISTORY AND TRADITIONAL CULTURE

Manichaeism is a mark of contacts of medieval population of the Khakass-Minusinsk depression..... 4
Ugdyzhekov E. V.

The ancient Kyrghyz (Khakas) and Oghuz (Turkmen), according to «Oghuzname» and Chinese sources 9
Soyegov M.

Tengriism is a priority basis of the Kazakhs' cultural self-identification15
Kabzhanov A. T.

Preliminary reading of the Old Turkic Runic inscription on the Harp typed musical Instrument from the Northwestern Mongolia19
Ōsawa T.

HISTORY AND ECONOMY RUSSIA AND ITS REGIONS

To historical outlines of the development of production industry in khakassia. the soviet period (1920–1940 s)..... 28
Shulbayev V. K.

Criminal prosecution of the Soviet citizens on political grounds in the 1939–1941s (by the example of the Khakass autonomous region)..... 33
Stepanov M. G.

Interaction of a family and school in educational process in cities of Khakassia (the second half of the 1940–1950s) 38
Kiskidosova T. A.

The economic reform of the 1965th: plans and results (based on materials of Khakassia).....	42	<i>PERSONALIA</i>	
Drozdov A. I.		S. P. Ulturgashev is an organizer, teacher, scholar, public person.....	76
Descendants of the Meletsky Tatars.....	47	Tuguzhekova V. N.	
Krивonogov V. P.		Academic secretaries of KhRILLH.....	78
The results of re-election of a city council member as a factor of evaluation of their activity during the first election term (based on the exit poll, held on the 8th of September, 2013 in Krasnoyarsk)	56	Dankina N. A.	
Zlotkovskij V. I.		Alexander Kenel at Leningrad conservatory: origins of professionalism.....	84
Migration processes in contemporary Tuva		Barabash V. P.	
Abstract.....	63	From the life of Siberian merchant in the 1860s: to Ivan M. Bashurov's biography.....	91
Anayban Z. V.		Komleva E. V.	
The identification of the Turkic peoples' sociocultural transformations in Southern Siberia and the heritage conservation perspectives in the beginning of the XXI century	71	N.N. Kozmin and the Study of the Social System of Orkhon Türks of 6th – 8th centuries	96Ц
Kimeev V. M., Terentyev V. I.		Tishin V. V.	

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ И ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА

МАНИХЕЙСТВО – ПОКАЗАТЕЛЬ КОНТАКТОВ СРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ ХАКАССКО-МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ

Угдыжеков Э. В.

УДК 273. 21

В работе рассмотрены разные подходы к изучению влияния манихейства на мировоззрение, традиции, культуру населения средневековой Хакасско-Минусинской котловины. Для более широкого понимания сути манихейства как религии, как секты рассмотрено мнение философов, манихеев, христианских теологов.

Ключевые слова: манихейство, Хакасско-Минусинская котловина, религия, секты, мировоззрение, Передняя Азия.

В последние годы автор данной публикации обратил внимание на внешнеэкономические контакты древнего и средневекового населения Хакасско-Минусинской котловины. Одним из многих факторов, демонстрирующих контакты населения ХМК с внешним миром, является манихейство.

Как известно, основателем религиозного учения манихейства является Мани (216–276). Он, путешествуя в конце 230-х гг. по Ирану, Средней Азии и Индии, познакомился с буддизмом, брахманизмом, местными религиозными культурами. В начале 240-х гг. Мани начал проповедовать свое учение в Иране, но быстро вступил в конфликт с шахом из-за религиозных разногласий с христианством, местными культурами и зороастризмом. В последующие годы Мани проповедовал свое учение в соседних странах, где получил много последователей. Когда он вернулся в Иран, то был заключен в тюрьму, где был казнен. Мани оставил несколько религиозно-этических сочинений, некоторые из которых сохранились до наших дней [1, с. 26]. В основе манихейства как религиозного учения лежит принцип дуализма, который утверждает извечность борьбы двух богов, где один бог воплощает добро, свет, т. е. дух, а другой – зло и тьму, т. е. материю. Окружающий материальный мир манихейство считает воплощением зла, а цель мирового развития – «спасе-

ние» частиц света, заключенных в душе человека, от власти материи. Эта цель достигалась крайним аскетизмом: отказом от мяса и некоторых видов растительной пищи, обетом безбрачия, требованием не касаться руками всего «тленного». Стройная организация сект манихеев оформилась в конце III – начале IV в. Манихейские секты распространились на Ближнем Востоке, в восточных областях Римской империи, в Средней Азии, в Индии, в Китае. Однако принятие христианства в качестве государственной религии Римской империи положило начало преследованию манихейства. Возникший ислам в VIII–IX вв. продолжил преследование манихейских общин, но в некоторых областях Средней Азии и Восточного Туркестана манихейские общины существовали еще очень долго, а в Уйгурском каганате манихейство на несколько десятилетий было объявлено официальной религией. Пессимистическая проповедь аскетизма привела к вырождению манихейства в узкое сектантство к XIII в. [2, с. 35].

Как видим, в официальных советских исторических энциклопедиях информация о распространении манихейства в Хакасии, в Хакасско-Минусинской котловине отсутствует. Поэтому публикация известного археолога Л. Р. Кызласова об открытии так называемого северного манихейства вызывает интерес. Л. Р. и И. Л. Кызласовы постарались представить ряд разнопла-

новых доказательств, включая информацию о стране манихеев мыслителя – Абу-р-Райхан ал-Бируни, писавшего на арабском языке [3].

По мнению Л. Р. Кызласова, Мани считал зороастризм, христианство, буддизм одной и той же правильной верой, которая была искажена людским непониманием. Поэтому Мани решил, что его призвание восстановить правильную веру, что он – «посланник бога Истины», т. к. он – Мани – трудолюбивый ученый и писатель. По принятой традиции Мани изложил канон своего учения в семи книгах, сам изобрел манихейскую письменность на основе арамейского письма, был одаренным художником, выработавшим стиль миниатюр для украшения манихейских книг. В манихействе большая роль отдавалась астральным культам, которые производились «людьми в белых одеждах». Так стали называть манихейских астрологов-звездопоклонников и астрономов, так как они носили белые головные уборы и белые одеяния [4, с. 10]. Северное манихейство, которое, по мнению Л. Р. Кызласова, определяется по таким признакам, как остатки культовых сооружений и зданий, как изображения муже-дев, как фраза «худай» (о боже), которую специалист-тюрколог Р. Д. Сунчугашев и этнограф Е. В. Самрина считают персидским заимствованием [1].

«Кудай ‘небо’; *рел.* ‘Верхний мир, небожители’. Ср. алт. *кудай* ‘бог, божество; духи-небожители, обитающие в верхней среде, т. е. на небе’, хак. диал., алт. диал., шор., каз., кирг. *кудай* ‘бог’, чул.-тюрк. *кудай* ~ *кутай* то же, хак. *худай* ‘бог, господь’; перен. ‘религия’, турк. *худа*: й, С. 260. тат. *хода(й)* ‘бог, всевышний’. Считается персидским заимствованием (<*huddāy*). Тув. *кудай* ранее, вероятно, означало ‘Верхний мир, небожители’, а затем приобрело значение ‘небо как место обитания божеств’ (>‘небо’). В тувинских шаманских камланиях *кудай* обозначает небо как материальную субстанцию и как «мифическое небо, где живет род небесных шаманов» [5, с. 259–260].

Слово «худай» использовалось как в этнографическое время, так и в настоящее время хакасами. Однако прямая связь слова с манихейством – вопрос дискуссионный. Факт заимствования слова из персидского языка не является

доказательством того, что это слово заимствовано непосредственно из манихейства, а не из различных персидских местных культов, зороастризма, митраизма и других древних культов Передней Азии.

Интересен довод в пользу существования манихейства в Хакасии, представленный И. Л. Кызласовым. Он обнаружил в Хакасии, близ озера Фыркал, на скале Крес-хая руническую надпись, перевод которой позволяет говорить о ней как о манихейской: «Вложите совершенную душу (буквально: нутро)» [6, с. 188]. Другие рунические надписи, по мнению И. Л. Кызласова, тоже можно понимать как манихейские: похвалы за благоустройство земель, текст: «благое преумножается путем уничтожения греховного» [4, с. 36].

Важным фактором, подтверждающим существование манихейства у средневекового населения Хакаско-Минусинской котловины, являются высказывания Абу-р-Райхана Мухаммеда Ибн-Ахмед Ал-Бируни о Мани и манихействе. Арабский мудрец сообщает о загадочной северной стране, принявшей манихейство в раннем средневековье [7, с. 188]. Однако, как известно, вопросы религии – вопросы тонкие, деликатные, и информация от путешественников о вероисповедании народа далекой загадочной северной страны заведомо зыбкая система доказательств.

Таким образом, представленные факты о манихейской религии позволяют допустить мысль о культурных и экономических связях населения Хакаско-Минусинской земли с народами Передней Азии в раннем средневековье. Однако свидетельства, что слово «худай» и подвязывание «чалама» – доказательство манихейства – логически сильно размыты. Время, когда манихейство официально прекратило существовать в Хакасии, не установлено. Данный вывод требует дальнейших исследований и уточнений.

Действительный член Петровской академии наук и искусств Н. И. Рыбаков обратил внимание на несовпадение манихейской терминологии с современными определениями ментальности. Поэтому попытки строить «модели» прошлого на основе ограниченных доступных свидетельств являются угрозой потери достоверности о реальном манихействе. Угасшая религия

не представлена в живых институтах, в устной культуре, в социальной среде, которые могли стать предметом современного научного анализа. Есть данные об андрогинности камнеграфического искусства – изображений енисейских «загадочных фигур» – муже-дев, но Н. И. Рыбаков поясняет, что название «муже-девы», или «андрогины», – современная интерпретация, что сами они говорили о себе как о «братьях и сестрах», о «девах и девственницах», об «Избранниках и Избранницах», «о девах чистых, невестах светлого жениха (Иисуса)». Сами манихеи допускали по отношению к своей внешности то, что они облачены в женские одежды. Ссылаясь на аль-Бируни, Н. И. Рыбаков говорит о манихеях как о воинстве, проживающем в стране, где «нет мужчин и женщин и нет половых органов», отмечая, что культ двуполости – древняя традиция Востока, отражающая стремление к единству с «двуполым прасуществом, или прародителем», что это древний лейтмотив инициационных церемоний, распространенный на большой территории дохристианского мира. Автор, опираясь на источники и работы исследователей, представил данные о существовании таких традиций в дохристианских религиях Азии, Африки и Европы. По мнению Н. И. Рыбакова, тайна всех древних религий: история женщины – символ, имеющий необходимость стать мужчиной, чтобы достичь совершенства, мистического воссоединения мужчины с прасуществом (первоматерью) [8, с. 14]. Подобная проблематика близка и зороастризму.

Н. И. Рыбаков, говоря об облике енисейских загадочных фигур с такими признаками, как длиннополые одеяния, детали убора и другими атрибутами, сообщает, что первооткрыватель фигур изначально отнес их к традиции жречества, считая их изображением священнослужителей, жрецов-духовников, адептов каких-то пришлых религиозных сообществ. Но фрагменты сведений о переодевании шамана в деву не могут быть продвинуты дальше объяснения психофизиологического начала в человеке (мужского и женского) и «ритуальной двуполости шамана» [8, с. 15]. Н. И. Рыбаков, ссылаясь на широкий круг первоисточников и исследований ученых, отмечает гностический характер многих

дохристианских религий, включая тем самым манихейство в широкий круг гностических течений [9, с. 202].

Первые люди – Адам и Ева, их потомки – поле битвы светлых и темных сил. Адама просветил Иисус-Сияние, воплощенный в Еву, который (Адам) вкусил яблоко с дерева познания, что среди гностиков и манихеев считается благом. Отсюда гностическо-манихейская полемика «вопросов и ответов», «что было, что есть и что будет». Отсюда предложение О. Менхен-Хельфена, поддержанное Н. И. Рыбаковым и рядом других исследователей XX в.: несмотря на сложность осмысления «загадочных фигур», «принять предложенное решение: они – манихеи» [8, с. 16]. Н. И. Рыбаков представил подробное описание обнаруженных им памятников, анализ которых привел его к выводу о манихейском характере изображений. Он пояснил, почему эти материалы, как и материалы других исследований, не могут считаться несторианскими или чисто таштыкскими. Кое-что пояснит факт неоднократной обводки как «таштыкских», так и «средневековых» изображений, так как мотивы отводок не просты. Н. И. Рыбаков считает изображения «Муже-дев в мантиях» – «неким подвижным элементом гностической религиозной структуры» во взаимосвязях культур Средневековья. Но у исследователя нет ответа на вопрос, какая секта манихеев пришла на Енисей, нет хронологии их продвижения, есть данные китайских хроник, есть рассуждения современных ученых [8, с. 17–20].

Теперь рассмотрим труды древних мыслителей, астрономов, теологов, которые контактировали непосредственно с представителями манихейского учения.

Обратим внимание на точку зрения св. Августина, который много лет разделял взгляды манихеев, но со временем стал не просто христианином, а одним из отцов христианской теологии. «Ведь анатомия со всей ясностью показала, что они (мысли) берут начало в мозге». И еще св. Августин писал: «Qui ex puncto cerebri centro sensus omnes quinaria distribuone diffudit». Перевод: «Который [Бог] распространяет все чувства по пяти направлениям из точки мозга, как из центра» [10, с. 28, 368]. И далее: «Ибо,

как не раз замечает св. Августин, человек со времени грехопадения до такой степени привык уделять внимание одним лишь телесным вещам, образы которых входят в наш мозг через чувства, что большинство людей полагают, будто они не могут помыслить вещь, если они не в состоянии ее вообразить, т. е. представить себе в каком-либо телесном образе, как будто у нас есть только один способ мыслить (*penser*) и представлять (*concevoir*)» [10, с. 32–33]. Французские философы XVII в. – последователи Рене Декарда – демонстрируют способ умозаключения, в котором гибко сочетаются здравый смысл и способность распознавать истину и ложь.

«Как совершенно справедливо заметил св. Августин в своей книге «О пользе веры», подобное расположение ума весьма предосудительно по двум причинам. Во-первых, человек, безосновательно убежденный, что он знает истину, становится неспособным ее воспринять. Во-вторых, эта самоуверенность и чрезмерная смелость не говорят о ясном уме. *Opinari, duas ob res turpissimum est, quod discere non potest qui sibi jam se scire persuasit, et per se ipsa temeritas non bene affecti animi signum est* (С. 369. Мнить, [а не знать], весьма постыдно по двум причинам: ведь не может учиться тот, кто убедил себя, что уже владеет знаниями, да и сама по себе самоуверенность является признаком малоодаренной души») [10, с. 45, 369].

Как видим, последователи основателя рационализма строго различают простые умозаключения, основанные на фактах и умозаключения, не основанные на фактах, которые часто выводят нас к проблемам религии, требующим веры. Перейдем к рассмотрению взглядов непосредственно Августина, который долгие годы был убежденным сторонником манихейства, был членом манихейских сект, но, став зрелым человеком, принял христианство, а еще позже объявлен святым Августином. Известный философ, логик, математик, социолог XX в., лауреат Нобелевской премии по литературе Бертран Рассел провел анализ деятельности Августина, опираясь на его труды.

Св. Августин родился в 354 г. в Северной Африке – провинции Римской империи, здесь он провел большую часть жизни. Августин в моло-

дости придерживался манихейства и стал католиком, находясь уже в Милане в 386 г. В 396 г. он был назначен епископом городка Гиппона, недалеко от Карфагена. Здесь он прожил до своей смерти в 430 г. В молодости он изучал риторику, потом обратился к философии, занимался астрологией, к которой в поздние годы относился враждебно. Причиной изменения отношения к манихейству стала астрономия, так как астрономическое объяснение солнцестояний, равноденствий, смены времен года, смены дня и ночи даже самый ученый последователь манихейства объяснить Августину не смог. Он назвал манихейство религией, впавшей в религиозное заблуждение, которое выдается с авторитетным видом за истину, познанную с помощью божественного вдохновения. Для разрешения сомнений Августин побеседовал с манихейским епископом Фавстом, считавшимся самым ученым в секте. Фавст признался, что не имеет познаний в свободных науках, что он читал речи Цицерона, немного сочинений Сенеки и не разбирается в астрономии. В итоге Августин заявил, что книги манихеев «...наполнены нескончаемыми баснями о небе и звездах, о Солнце и Луне, которые не согласуются с тем, что было открыто астрономами». Честность Фавста вызвала уважение Августина. «По-моему, сдержанная скромность и сознание в своем незнании лучше кичливой заносчивости и притязаний на знание; таким и являлся мне Фавст при всех вопросах более трудных и утонченных» [11, с. 325–331]. Став ревностным католиком в последний период жизни, Августин относился к еретикам намного строже. Потеряв уверенность в правоте манихеев в астрономии, Августин продолжал поддерживать связь с ними, так как соглашался с их мнением, что «когда мы грешим, то это не мы грешим, а грешит в нас не знаю какая-то другая природа», и считал, что зло является некоей субстанцией. То есть еще до перехода в христианство Августин задумался о проблеме греха. Еще раньше Августин увлекался скептицизмом. Обращение Августина в христианство произошло в Милане после длительных бесед с известным и «знаменитым мужем целого мира» – Амвросием. Обращение Августина ускорила мать-католичка, приехавшая в Милан [11, с. 325–331].

Из древнегреческих философов Августин познакомился с трудами неоплатоников, некоторые из них были переведены с греческого языка на латинский. Августин нашел в платонизме метафизическую доктрину логоса, но не нашел ни доктрины воплощения, ни вытекающей из него доктрины человеческого спасения. Доктрины, подобные идеям Платона, существовали в орфизме и других мистических религиях, но они, видимо, были незнакомы Августину. На основе идей Платона Августин разорвал с дуализмом манихеев, считая, что зло происходит не от некоей субстанции, а от извращенности воли. Вернувшись в Африку, занимаясь обязанностями епископа, Августин взялся за полемические сочинения «против различных еретиков – донатистов, манихеев и пелагиан» [11, с. 332]. Рассел, анализируя труды св. Августина, считает лучшим из философских сочинений св. Августина – книгу одиннадцатую «Исповеди». В первой главе Книги бытия Августин отстаивает библейскую версию против манихеев, говоря о сотворении мира Богом из ничего при первой возможности [11, с. 333]. Эта идея была неведома греческой философии. Платон, говоря о сотворении мира, считал, что Бог придал форму первичной материи, с ним был согласен и Аристотель. Субстанция вечна, только форма существует благодаря воле Бога [11, с. 334].

Рассел, излагая идеи св. Августина, говорит, что «побуждение к греху возникло из души, а не из плоти. Платоники и манихеи заблуждаются, приписывая происхождение греха природе плоти, хотя платоники и более терпимы, чем манихеи» [11, с. 339].

Рассел считает, что св. Августин, развивая свою теорию времени, предвосхитил субъективную теорию времени Канта. Субъективизм имеет более ранний интеллектуальный аспект и более поздний эмоциональный аспект. Эмоциональный аспект субъективизма – одержимость чувством греха [11, с. 335]. Несмотря на отказ от манихейства, видимо, одержимость чувством греха во взглядах Августина, кроме христианских черт, сохраняет и манихейское влияние.

По мнению Рассела, субъективизм св. Августина предвосхитил как теорию времени Канта, так и *cogito* Декарта, что ставит Августина как

философа на высокое место [11]. Однако эта теория сделала время существующим в нашем уме, а не в природе.

Стоики осуждали всякие страсти, а св. Августин считал, что есть страсти, волнующие души христиан, которые могут побуждать их к добродетели; «гнев или сострадание *per se* (сами по себе – *лат.*) не должны предаваться осуждению», надо выяснить причину этой страсти. Платоники – правильное воззрение о Боге, но заблуждались о богах. «Заблуждались они и в том, что не признавали доктрины воплощения» [11, с. 338]. Адам и Ева согрешили и стали смертны, их дети и потомки тоже стали смертны. «Съедение яблока – не только естественная смерть, но и вечная смерть, то есть проклятие» [11, с. 339]. «Грехи Адама ввергли бы в вечную смерть (то есть проклятие) всех людей, если бы многих не спасла от нее благодать Божья. Побуждение к греху возникло из души, а не из плоти. Платоники и манихеи заблуждаются, приписывая происхождение греха природе плоти, хотя платоники и более терпимы, чем манихеи». Возмездие человеческому роду за грех Адама – справедливо, ибо через этот грех человек сделался и по плоти духовным, и плотским по духу [11]. Как известно, Августин в молодости не вел ангельскую жизнь, одновременно в свободное время он рассуждал о проблеме греха. Порвав с манихейством и став католиком, он отвел много места в своей «Исповеди» рассуждениям о природе греха.

Считаем, что однозначно разобраться в сути манихейской религии для человека начала XXI в. почти невозможно. Однако, собрав разносторонние факты о манихейской религии, о людях, непосредственно знакомых с манихейством, с близкими к манихейству религиозными течениями, мы можем сказать следующее: манихейство входило в широкий круг религиозных воззрений, которые теологи, философы, современные историки религии называют широким течением гностических учений, предшествующих распространению ортодоксального христианства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мани // Советская историческая энциклопедия. Т. 9. Мальта – Нахимов / Гл. редактор Е. М. Жуков. – М., 1966.
2. Манихейство // Советская историческая энциклопедия. Т. 9. Мальта – Нахимов / Гл. редактор Е. М. Жуков. – М., 1966.
3. Манихейский семинар. Открытие государственной религии средневековых хакасов. Кызласов, Л. Р. Северное манихейство и его роль в развитии народов Сибири и Центральной Азии. Мани и манихейство. По свидетельствам Абу-р-Райхан ал-Бируни (с приложением рецензии В. В. Розена на издание арабского текста «Индии» Бируни / Редактор и составитель серии д. и. н. И. Л. Кызласов. – Абакан, 1999.
4. Кызласов, Л. Р. Северное манихейство и его роль в культурном развитии народов Сибири и Центральной Азии // Открытие государственной религии древних хакасов. Хакасская археологическая экспедиция. Университетская библиотека. Книга 2. Манихейский семинар. Выпуск 1 / Редактор и составитель серии д. и. н. И. Л. Кызласов. – Абакан, 1999.
5. Татаринцев, Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Т. III. К, Л. – Новосибирск, 2004.
6. Кызласов, И. Л. Рунические письменности евразийских степей. – М., 1994.
7. Абу-р-Райхан ал-Бируни о Мани и манихействе // Манихейский семинар / Редактор и составитель серии д. и. н. И. Л. Кызласов. – Абакан, 1999.
8. Рыбаков, Н. И. Вопросы северного манихейства // Енисейская провинция. Альманах. Выпуск 3; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева. – Красноярск, 2007.
9. История философии в кратком изложении / Пер. с чеш. И. И. Богута. – М., 1991.
10. Арно, А. и Николь, П. Логика, или Искусство мыслить. – М., 1991.
11. Рассел, Б. История западной философии. В 3 кн.: 2-е изд., испр. / Подгот. текста В. В. Целищева. – Новосибирск, 1997.

ДРЕВНИЕ КЫРГЫЗЫ (ХАКАСЫ) И ОГУЗЫ (ТУРКМЕНЫ) ПО ДАННЫМ «ОГУЗНАМЕ» И КИТАЙСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Соегов М.

УДК 903

В статье путем сравнения данных имеющихся источников подвергались новому освещению отдельные вопросы истории древних предков современных туркмен и хакасов. Автор предпринял попытку ввести в научный оборот новый перевод китайского источника, рассказывающего о древних кыргызах.

Ключевые слова: **древняя тюркская история, Мао-Дун/Огуз-хан, хунну, огузы, кыргызы, перевод источников.**

Главный визирь и придворный историк государства Хулагуидов (Ильханидов) в Иране Рашид-ад-дин Фазлуллах Хамадани (1247–1318), еврей по национальности, в главе об огузах и туркменах («Огузнаме») своего четырехтомного труда «Сборник летописей» («Джами' ат-таварих») писал: «С течением времени эти народы (т. е. тюрки – М. С.) разделились на

многочисленные роды, [да и] во всякую эпоху из каждого подразделения возникали [новые] подразделения, и каждое по определенной причине и поводу получило свое имя и прозвище, подобно **огузам**, каковой народ теперь в целом называют **туркменами** [туркман], они же разделяются на **кипчаков, калачей, канлы'ев, карлуков** и другие относящиеся к ним племена» (курсив наш

– М. С.). В другом месте своей работы по этому поводу Рашид-ад-дин писал, что «всем дядьям и родам, которые к нему присоединились, он (Огуз – М. С.) дал имя уйгур, так как значение этого слова на тюркском языке – соединяться и помогать. Все племена уйгуров [происходят] от их рода. Другое племя он назвал канлы. Племена: кипчак, калач и агач-эри также происходят от того народа, который соединился с Огузом и смешался с его родом» [1, с. 74–75, 83].

Хивинский хан и историк Абу-л-Гази Бахадур-хан (1603 – 1664) писал во введении следующие слова по поводу написания своего сочинения «Шеджере-и теракиме» («Родословное древо туркмен»): «...туркменские муллы, шейхи и беки прослышали, что я хорошо знаю историю; и вот однажды все они пришли (ко мне) и сказали: «У нас (в народе) есть много (разных списков) сказания об Огузе («Огузнаме»), но нет (ни одного) хорошего: все они (полны) ошибок и друг с другом не сходятся; каждый из них в своем роде». И когда они высказали просьбу: «Было бы хорошо, если бы была одна правильная, достойная доверия история», я уважал их просьбу... Этой книге мы давали название «Родословное древо туркмен»... Теперь мы поведем речь со (всеми) подробностями, (начиная) с Адама и до сего времени, т. е. до тысяча семьдесят первого года (166–1661 г. н. э. – М. С.), о том, что мы знаем о туркменах и об илях, которые присоединялись к туркменам и которые впоследствии носили имя туркмен» [2, с. 35–37]. Из этого явствует, что, во-первых, сочинение Абу-л-Гази Бахадур-хана «Родословное древо туркмен» является одним из «Огузнаме», существующих среди народа с давних времен, и, во-вторых, в них, наряду с рассказами о «исконно» туркменах (т. е. тех племенах, которые являются потомками и последующими поколениями 24 внуков Огуз-хана), имеются также сведения о других этносах, вошедших в состав туркмен в разные периоды истории. Эти сведения о 24 внуках Огуз-хана находят свое соответствие в 24 военачальниках хунну (сюнну), содержащихся в китайских анналах, а известное деление огузо-туркменских племен на бозок и учок отражается у хунну делением их на правое и левое крыло [см. 3, с. 5, 12; 4, с. 281–288].

О значении данного источника для исторических изысканий неоднократно высказались ученые. Некоторые из них приводятся в работе А. Н. Кононова – второго после А. Г. Туманского (Ашхабад, 1897 г.) русского переводчика, издателя и исследователя сочинения Абу-л-Гази Бахадур-хана. Еще В. В. Бартольд (1869–1930), использовавший «Родословное древо туркмен» в своем «Очерке истории туркменского народа» (издан в 1929 г.), отметил, что это – «специальное историческое сочинение о туркменах, какого ни об одном из других турецких (т. е. тюркских) народов нет» (стр. 36). Г. И. Карпов (1890–1947), внесший значительный вклад в изучение истории туркмен и Туркмении, тоже считал, что «Родословное древо туркмен» дает ценные сведения для изучения истории туркменских племен. «Несмотря на... хронологическую путаницу и анахронизмы, – замечает С. П. Толстов, – «родословная туркмен» при критическом расчленении на ее составные компоненты и соответствующем их историческом анализе может стать документом чрезвычайной важности не только для поздней, но и для ранней истории туркмен». А. Ю. Якубовский (1886–1953), крупный знаток истории туркмен, утверждал, что «единственным источником, который до некоторой степени обрисовывает этот процесс (т. е. процесс сложения новых племенных организаций и объединения туркмен), являются работы Абульгази «Шеджере-и турк» («Родословное древо тюрк» – М. С.), и «Шеджере-и таракимэ» («Родословное древо туркмен» – М. С.), особенно последняя» [2, с. 20–21]. Эти слова можно полностью отнести и к «Огузнаме» Рашид-ад-дина.

Махмуд Кашгарский в своем известном словаре «Диван-у лугат ат-тюрк» (XI в.) неоднократно констатировал, что «Огузы – это есть туркмены» [5–I, с. 55], «Туркмены – это есть огузы» [5–III, с. 412], «Карлуки – отдельны от огузов, но они также являются туркменами» [5–I, с. 473]. Средневековый ученый отделяет огузских туркмен (Oğuz Türkmenleri) от царствующих в то время тюрков (Hakanlı Türkler), т. е. карлукских туркмен, которые управляли Караханидским государством [5–I, с. 14].

В средние века туркмены представляли собой некий суперэтнос. По словам Э. В. Севор-

тяна (1901–1978), не случайно «в те далекие века туркмены в глазах своих соседей представлялись видным народом» [6, с. 273]. А. Е. Крымский (1871–1942) вслед за А. Н. Самойловичем (1880–1938) юго-западную группу тюркских языков, куда входят современные туркменский, турецкий, азербайджанский и гагаузский языки, исторически называет огузо-туркменской группой. Он точно определяет также язык письменных памятников VIII в. с берегов р. Орхон, называя его «огузским» [7, с. 13, 28–29]. Об этнониме «туркме(н)», который встречается в памятнике Бильге-кагану, писал М. Соегов [8, с. 96–121].

Старые списки «Огузнаме», т. е. эпические сказания о легендарной родословной туркмен и их прародителе Огуз-хане, являясь сборниками исторических легенд, содержат сведения о древней истории, в том числе о военных походах как Мао-Дуна (Модэ-хан, правил в 209–174 гг. до н. э.), правителя азиатских гуннов (хунну), так и Аттилы (400–453 гг. н. э.), правителя европейских гуннов. Как известно, первый переводчик китайских исторических хроник на русский язык Н. Я. Бичурин (Иакинф, 1777–1853) считал могущественного правителя хунну Модэ-хана и древнего родоначальника современных туркмен Огуз-хана одним и тем же историческим лицом. О бурных боевых деяниях Мао-Дуна (Модэ-хана) рассказывается в китайских анналах, часть из них вошла в «Огузнаме» и связана с именем Огуз-хана [см. 9, с. 56–57; 10, с. 129–130].

В «Родословном древе туркмен» Абу-л-Гази (следовательно, и в тех «Огузнаме», которые легли в его основу, в том числе в сочинении Рашид-ад-дина) непосредственно туркменская история начинается с рассказов о родоначальнике туркмен Огуз-хане, который, по китайским источникам, соответствует правителю хуннов Модэ-хану/Мао-Дуну. Затем, как и ожидается, логически следует история гектюрок (с главы «О царствовании Ынал-Йавы-хана» и далее), а с глав «О царствовании Кара-хана, сына Мор-Йавы» и «О царствовании Бугра-хана» начинается история туркменского государства Караханидов. Далее по хронологии в соответствующих главах расположены рассказы о правителях туркменских государств Газневидов, Сельджукидов и т. д. Путем сравнительного анализа

данных «Родословного древа туркмен» с Орханскими надписями нами также установлено, что правителями Гектюрокского государства (Древнетюркского каганата) были выходцы из огузо-туркменского племени чепни, онгоном (священной птицей, т. е. богиней) которых, согласно сочинению Абу-л-Гази, является Хумай/Умай [12, с. 455–456; 13, с. 158–163].

Абу-л-Гази в специальном разделе своей работы после перечисления имен 6-и сыновей и 24-х внуков Огуз-хана приводит еще имена его 22-х внуков, родившихся у этих шести сыновей Огуз-хана от наложниц. Среди них имеется и имя *Кыргыз*. Он одновременно добавляет, что «какой из них от какого из сыновей Огуз-хана – не известно» [2, с. 50–51]. В свою очередь, здесь же отметим, что, согласно туркменской народной этимологии, этноним *кыргыз* исторически восходит к словосочетанию *кырк огуз*, т. е. ‘сорок огузов’.

Рашид-ад-дин упоминает кыргызов (киргизов), когда сообщает о племенах булагачин и кэрэмучин: «[Оба] они обитали в пределах [той же местности] Баргуджин-Токум и у самого края страны киргизов. Они близки друг к другу. В этом государстве [Иране] из них никто не известен; также никто из эмиров и не-эмиров этих племен не пользуется известностью и не знаменит» [1, с. 122]. Вслед за этим он пишет о племенах урасут, теленгут и куштеми и, в частности, о киргизах приводит следующие данные: «Племя тайджиут было лесным вследствие того, что их стоянки были между страной монголов, киргизов и баргутов. У этих племен [урасут, теленгут и куштеми] страна была расположена по ту сторону киргизов, [на расстоянии] около одного месяца пути» [1, с. 123].

Более конкретные сведения о стране древних кыргызов содержит труд Рашид-ад-дине в разделе «Племя киргиз». Цитируем его сокращенно, опустив в основном те места, где говорится о захватнических походах Чингисхана в их страну в начале XIII в.: ««Киргиз и Кэм-кэмджиут – две области, смежные друг с другом; обе они составляют одно владение [мамлакаты]. Кэм-Кэмджиут – большая река (верховья р. Енисей – М. С.), одною стороною она соприкасается с областью монголов [Могулистан] и одна [ее] граница – с рекой Селенгой, где сидят племена тайджиутов; одна сторона

соприкасается с [бассейном] большой реки, которую называют Анкара-мурэн, доходя до пределов области Ибир-Сибир (современная Сибирь – М. С.). Одна сторона Кэм-Кэмджиута соприкасается с местностями и горами, где сидят племена найманов... В этих областях много городов и селений и кочевники многочисленны. Титул [каждого] их государя, хотя бы он имел другое имя, – инал, а родовое имя тех из этой области, кто пользуется уважением и известностью, – иди. Государь ее был... [пропуск]. Название другой области – Еди-Орун, государя тамошнего называли Урус-инал» [1, с. 150].

Махмуд Кашгарский (XI в.) в начале своего словаря, говоря о сборе этнолингвистических материалов среди тюркского населения, отмечает, что он с той целью побывал у следующих племен: туркмен-огузов, чигилей, ягма (т. е. карлуков – М. С.) и кыргызов [см. 5–I, с. 4].

Если работы мусульманских авторов – М. Кашгарского, Рашид-ад-дина и Абу-л-Гази – содержат о древних кыргызах в основном географические и отчасти этнические сведения, то в китайских хрониках очень много данных об их этнографии.

Как отмечает Ю. С. Худяков, в источниках, повествующих о периоде правления в Китае династии Хань, кыргызы называются гэгунь, или гяньгунь (цзекунь, цзянькунь). В сочинениях, описывающих события, относящиеся к середине I тыс. н. э., кыргызы именуются хэгу, кигу, гегу (цегу, цзегу). В конце I – начале II тыс. н. э. китайцы передавали данный этноним в форме хэгусы, хягясы (сяцзясы). В XIII в. он передавался формой цзилицзисы. В источниках, относящихся ко времени правления династии Тан, древние термины гяньгунь (цзянькунь) отождествляются со средневековыми хягясы, хагасы (сяцзясы). После расшифровки орхонских рунических надписей, в которых упоминаются кыргызы, отождествление их с хягясами (сяцзясами) и гянгунями (цзянькунями) китайских летописей стало неоспоримым [см. 14].

Как явствует из русского перевода материалов по истории сюнну, изданные В. С. Таскиным в 1968 г. (второй выпуск – 1973 г.) с предисловием и примечаниями, первое упоминание о кыргызах по «Ши цзи» («Исторические записки») относится

к 201 г. до нашей эры и связано с расширением Мао-Дуном (т. е. Огуз-ханом – М. С.) границ государства Хунну (Сюнну) на востоке до Кореи, а на западе до современного Синьцзяна [10, с. 41].

Перед тем как перейти к следующему вопросу, будет уместно привести здесь слова С. Е. Малова из его доклада «Изучение древних тюркских языков», прочитанного на Первом Всесоюзном Тюркологическом съезде, который заседал 26 февраля – 6 марта 1926 года в г. Баку, столице Азербайджана: «Язык этих енисейских памятников принадлежит кыргызам; язык памятников Орхонских и реки Селенги принадлежит древним огузам» [11, с. 140].

Одной из задач, поставленной автором перед собой в данной статье, является введение в русскоязычный научный обиход тех сведений китайских источников о древних кыргызах, которые включены в книгу «Северные соседи Китая» немецкого сиолога Вольфрама Эберхарда (Wolfram Eberhard, 1909–1989), изданного впервые в турецком переводе в 1942 г., т. е. за восемь лет до выхода второго издания труда Н. Я. Бичурина в 1950 г. (второе издание книги В. Эберхарда, которой мы пользовались в своей статье, вышло в 1996 г.). В 1937–1948 гг. Вольфрам Эберхард в качестве приглашенного профессора преподавал в университете Анкары (Турция) историю Китая и издал несколько книг, написанных им самим на турецком языке, а интересующая нас книга В. Эберхарда «Çin'in Şimal Komşuları. Bir Kaynak Kitabı» («Северные соседи Китая. Книга источников») была переведена на турецкий язык Ниметом Улугтугом (Nimet Uluğtuğ).

В. Эберхард, ссылаясь на соответствующую работу знаменитого немецкого китаевода Отто Франке (Otto Franke, 1863–1946), на трёх страницах своей книги приводит основные сведения о кыргызах (сue-gu, т. е. хэгу/кигу/гегу/цегу/цзегу). Хотя эти данные из источника «Н'in-T'ang-shu» («Син Таншу», т. е. «Новая хроника династии Тан») были включены в свое время в первый том труда Н. Я. Бичурина (9, с. 350–353), тем не менее, сравнив между собой русский и турецкий переводы, нетрудно выявить не только ряд различий китайского оригинала, что вполне допустимо для перевода ранних китайских тек-

стов разными авторами, тем более на разные языки, но и другие существенные отличия, которые не позволяют считать эти переводы идеальными. Надеемся, что приводимый ниже русский перевод с турецкого языка (осуществлен автором статьи) окажет помощь в будущем переводчикам-специалистам в работе по выработке варианта текста со сведениями о кыргызах, наиболее идентичного китайскому оригиналу.

«Именуют их то *Sue-gu* (Гйегу), то *Sü-vu* (Гюйву). *H'ünŋ-nu* (Хунны) покорившегося им китайского полководца *Li Linŋ* (Ли Лин) возвели в достоинство *Saŋ Hsien kralı* (западного Чжуки-князя), а *Veŋ Lü* (Вей Люй) поставили государем у *Dinŋ-linŋ* (динлинов). Все эти люди рослы, с красными волосами, с белым лицом и голубыми глазами. Верят, что черный цвет является дурным признаком, и о тех, у кого черные глаза, говорят: «Эти – внуки Ли Лин». Среди них мало мужчин и много женщин. Они горды и стойки. Мужчины татуируют руки себе, а женщины татуируют себе шею. Оба пола живут не раздельно, и посему много распутства. Новый год называют *Mov-ŋı-au* (Маоши ай). Ай – значит месяц. *Üç au* (три месяца) составляют один сезон (четверть) года. Годы считаются двенадцатью знаками: например, год в знаке Инь называют *Karlan ulı* (годом тигра). Климат у них наиболее холодный; даже большие реки до половины промерзают. Сеют просо, пшеницу, ячмень и овёс особого сорта и муку из них мелют ручными мельницами. Просо сеют во втором, а убирают в девятом месяце. Просо используют как еду и из него квасят вино. Нет ни овоща огородного, ни плодов древесных. Лошади плотны и рослы и храбрыми считаются, которые лучше дерутся. Есть верблюды, коровы и овцы, но много у них коров. У богатых сельчан имеется по несколько тысяч голов коров. Из зверей находятся дикая лошадь, *Gu-tu*, желтые овцы, серна, (газели?) и чернохвостые (козы). Чернохвостые (козы) походят на лань, но имеют большой черный хвост. Из рыб есть *Mie* длиной около 7-8 шагов и *Mo-gin* без костей, рот под носом. Из птиц: орёл, дикая утка, ворона, сорока и дикая гусь. Из дерева сосна, береза, вяз, ива и сосна *Pu* (ель?), некоторые деревья столь высоки, что пущенная из лука стрела не долетает до вершины. Но более

всего растёт береза. У них есть золото, железо, олово. После каждого дождя они находят железо, называют его: *Ka-ŋa* (цзяша) и из него делают оружие, крайне острое. Из этого железа постоянно вывозят к *Tu-süe* (тукюе – тюркам из рода ашина). Из оружия имеют луки со стрелами и знамена. Конники прикрывают руки и ноги деревянными щитками; еще на плечах накладывают круглые щитики, которые могли бы защищать от острия стрел и сабель. Их государь называет себя *Ajı* (Ажо), почему и их фамилия прозывается также *Ajı* (Ажо). Они собираются под одним знаменем (*Tu*, по-тюркски – *tuŋ*), предпочитают красный цвет. Прочие прозываются названиями (своих) племён. Любят одеяния из меха соболя и бобра(?). *Ajı* (Ажо) зимою носит соболью шапку, а летом шляпу с золотыми пуговицами, головной убор с коническим верхом и загнутым низом. Все прочие из нижних слоев носят белые валяные шляпы. Любят носить (на поясе) нож и точило. Бедные всегда одеваются в меховое платье и ходят без головного убора. Женщины носят разное платье шерстяное и из серебряных (золотых) нитей или же из шелковых тканей *Ci-bin*. Шелк они получают путем обмена из *An-h'i* (Ань-си – Туркестан) и северного дворца или же у *Ta-ŋı* (таджики и арабы). *Ajı* (Ажо) имеет пребывание у *Çinŋ daŋı* (Черных гор). Его стойбище обнесено деревянными надолбами. Жилище состоит из палатки, обтянутой сукном, и называется *Mi-di-sı-to* (Мидичжы). Вожди племён живут в малых палатках. Зависимые племена и те племена, из которых набирается войско, вносят подати соболями, пасюками и темными пасюками. Государственные служащие разделяются на шесть разрядов: *Kınçlar* (министры), главнокомандующий, офицер, главный архивист, *Gezal* (предводители?) и *Da-gan* (дагани). Министров считается 7, главнокомандующих 3, офицеров 10. Все офицеры командуют войсками. Имеются 15 главных архивистов. Предводители и дагани не имеют чинов (штатного числа). Все племена питаются мясом и кобыльим молоком. Лишь одному *Ajı* (Ажо) дают еще и хлеб. Из музыкальных инструментов имеют флейту *Di*, бубен, флейту *Şinŋ*, а также *Bi-li* и *Gonŋ*. Из игр (зрелищ) употребительны: игры с верблюдами и львами (обученными), джигитовка (вольтижи-

рование на лошадях) и канатоходство (балансирование на веревке). Жертву приносят только богам воды и леса. Для жертвоприношений нет определенного времени. Колдунов (шаманов) называют ган (кам). При браках (свадьбе) калым за невесту платится лошадьми и овцами. Богатые дают по сто и по тысяче голов. При смерти кого-либо (похоронах) не замазывают черной краской свое лицо, только обводят тело покойника в три раза и плачут; а потом сжигают его, собранные же кости через год погребают. И тогда все производят плач. Зимой живут в избах, покрытых древесной корой. Письмо их и язык совершенно сходны с Н'ui-hu (хойхускими – уйгурскими). Законы их очень строги. За разбойничество (воровство?) всегда рубят голову. Если у отца сын разбойник, то его отсеченную голову вешают на шею отца, и он должен носить с собой голову сына до самой смерти. От Ya-sı (т. е. дворца, местопребывания) Aji (Ажо) до Ya-sı (дворца) Н'ui-hu (хойхуско-уйгурской орды) считается 40 дней пути верблюжьего хода» [15, с. 67–69].

В заключение хотелось бы надеяться на укрепление в будущем научных связей между учеными-гуманитариями Туркменистана и сибирских регионов России в деле совместного изучения вопросов нашей древней истории, а также языка, фольклора и этнографии, первые робкие опыты которой [16, с. 270–271; 17, с. 244–249] в последние годы сулят некоторые обнадеживающие результаты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рашид-ад-дин [Фазлуллах Хамадани]. Сборник летописей [Джами' ат-таварих]. Т. I. Книга первая. Перевод с персидского. – М.-Л., 1952.
2. Кононов, А. Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази [Бахадур-хана] хана хивинского. М.-Л., 1958.
3. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам) / Предисловие, перевод и примечания В. С. Таскина. Вып. II. – М., 1973.
4. Соегов, М. О двухкрылой системе управления государством хазарскими правителями в Итиле (Астрахань) и ее древних тюрко-огузских корнях // Гуманитарные исследования. – № 1 (41). – Астрахань, 2012.
5. Atalay, Besim. Divanu lügat-it-türk tercümesi. – Ankara, 1985, cilt I; cilt II, 1986; cilt III, 1986.
6. Севортян, Э. В. Тюркизмы у ранних армянских писателей // Структура и история тюркских языков. Сб. статей. – М., 1971.
7. Кримський, А. Ю. Тюрки, їх мови та літератури. Тюркські мови. Вип. II. – Київ, 2007.
8. Соегов, М. Памятник Бильге-кагану // Miras (Наследие). – № 2. – Ашхабад, 2007.
9. Бичурин, Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. I. – М.-Л., 1950.
10. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам) / Предисловие, перевод и примечания В. С. Таскина. [Вып. I.] – М., 1968.
11. Первый Всесоюзный Тюркологический съезд. Стенографический отчет. – Баку, 1926.
12. Соегов, М. Какому из огузо-туркменских племен принадлежали правители Гөктюркского государства? // Origin of Turkmen people and development of World culture. Abstracts of Reports of the International Scientific Conference. – Ashgabat, 2011.
13. Соегов, М. О родственных узлах тюрков в истории и фольклоре // Вопросы тюркологии. Вып. 7. – Махачкала, 2011.
14. Худяков, Ю. С. Проблемы истории древних кыргызов (первоначальное расселение) // Этнографическое обозрение. – № 5. – 2001. Цитируется по сайту в Интернете: <http://www.kyrgyz.ru/?page=67> (25.06.2012).
15. Eberhard, W. Çin'in Şimal Komşuları. Bir Kaynak Kitabı. 2. Baskı. Türkçeye Çeviren Nimet Uluğdağ. – Ankara, 1996.
16. Екеев, Н. Огузнаме и алтайский эпос: сравнительное изучение и использование в историческом исследовании // Plot of Oguznama as Historical and Cultural Source. Abstracts of Reports of the International Scientific Conference. – Ashgabat, 2010.
17. Соегов, М. Каракалпакское предание о Чингисхане, записанное в 1903 году, в свете данных «Родословного древа туркмен» и некоторых других источников // Тюрко-монгольские народы Центральной Азии: язык, этническая история и фольклор (к 100-летию со дня рождения В. М. Наделяева). Материалы Международной научной конференции (г. Кызыл, 20–23 мая 2012 г.). – Абакан, 2012.

ТЕНГРИАНСТВО – ПРИОРИТЕТНАЯ ОСНОВА КУЛЬТУРНОЙ САМОИНДЕФИКАЦИИ КАЗАХОВ

Кабжанов А. Т.

УДК 94 (47)

Данная статья посвящена культурной идентификации казахов как представителей тюркской группы народов, исконно проповедавших тенгрианство. Анализ мировоззрения казахов показывает, что при явном наличии исламских мотивов доминирующим было и остается тенгрианство.

Ключевые слова: **тенгрианство, культурная идентификация, национальная идентификация, менталитет, религия, «аруах», неофит, ханафитский мазхаб, ислам, суфизм, шежире.**

Тенгрианство – форма древнего учения и миропонимания. Полного согласия среди ученых в понимании сущности тенгрианства пока не сформировалось. Часть исследователей пришла к выводу, что это вероучение приняло форму законченной концепции с онтологией (учение о едином божестве), космологией (концепция трех миров с возможностями взаимного общения), мифологией и демонологией (различение духов-предков от духов природы) к XII–XIII вв. [1, с. 8].

В то же время в одном из древних рукописных источников сообщалось, что к 165 г. до н. э. тюрки уже обладали полностью сложившейся религией с развитым каноном, во многом близким буддийскому, завещанному индийским царем Канишкой, от которого берет начало ветвь буддизма, получившая самостоятельное развитие и оформившаяся как тенгрианство [2, с. 214].

Системного письменного изложения теологической доктрины тенгрианство не оформило и имело небольшой по количеству священный реквизит, благодаря простоте и ясности которого просуществовало несколько тысяч лет в устойчивых формах религиозного ритуала и практики [1, с. 9]. В этом заключалась особенность, выражающаяся в предоставлении свободы и в отсутствии какой-либо идеологии навязанной извне.

В тюркской религии было много культовых обрядов. В китайской летописи сказано: «Тюрки превыше всего чтут огонь, почитают воздух и воду, поют гимн земле, поклоняются же единственно тому, кто создал небо и землю, и называют его Богом (Тенгре)». Свое почитание солнца они объясняли тем, что «Тенгри и

его помощник Кун (Солнце) руководят созданным миром; лучи солнца – нити, посредством которых духи растений сообщаются с солнцем. Тюрки дважды в год приносили жертву солнцу – свету: осенью и в конце января, когда первые отблески солнца показывались на вершинах гор» [2, с. 48]. Луна не являлась объектом поклонения. Ее почитание возникло значительно позже и входило лишь в число традиций, связанных, по-видимому, с лунным календарем, с исламской космологией. Культ огня у тюрков, как и монголов, был связан с верой в его могущественную очистительную силу от зла, дарованную Тенгри. Сохранились сведения византийского посла Земарха (568 г.), который, прежде чем был допущен к хану, прошел обряд очищения огнем. С культом огня связан погребальный обряд тюрков – обычай сожжения умерших. Среди глубоко почитаемых объектов природы у тюрков был металл – железо, из которого ковали оружие. Оно встречается во всех легендах, в которых древние тюрки излагали историю своего происхождения. Хунны первыми в Центральной Азии освоили промышленную добычу железа. «По китайским источникам, развитие металлургии позволило роду Ашина перевооружить свою армию и создать отборные ударные части из латной кавалерии – фули, т. е. бури – волки» [2, с. 229]. «Хунны молились железу и символом его сделали клинок, который римляне называли мечом Марса. На границе тюркской империи византийские послы в VI в. присутствовали при религиозной церемонии, во время которой им поднесли железо» [3, с. 818].

Итак, тенгрианство, будучи оформленной религией, на протяжении многих веков через систему духовных кодов культивировало и социализировало определенные устойчивые этнические константы кочевых народов Степи, где сложился психологический тип «небесных людей»: свободолюбивый тюрк – бесстрашный воин, подвижный, темпераментный от природы, и владелица дома – женщина (мужу принадлежало только оружие). Во всех тюркских родах, племенах и ордах все они были объединены одной идеей Единства через «стремление к Вечному элю» – гаранту порядка в Степи, рожденной еще Мете-шаньюем во II в. до н. э. «При полной политической раздробленности идейное единство тюркских племен сохранялось; этническая традиция, она же сигнальная наследственность, не была нарушена, незабвенные деяния предков вдохновляли их на подвиг» [4, с. 145]. В результате тюрки создали много десятков империй и ханств. Часто война уносила их из родных мест на тысячи километров. Рождаясь в одном краю, тюрк умирал чаще в другом. Его родиной была Степь.

Наиболее выразительными чертами характера тюрков, кроме силы духа и уверенности в будущем, дарованными тенгри, являлись общественная солидарность и уважение к общественному мнению, приверженность к иерархии и дисциплине, особое почтение к старшим, глубокое уважение к матери. Тюркским сообществом изначально пресекались предательство, бегство с поля брани, доносительство, безответственность, ложь. Стремление к естественному образу жизни отражало родственную адекватность тюрков с окружающим одухотворенным ими миром. Тюрк всегда выбирал ясную, четкую, ненагроможденную деталями линию поведения. Обладая широким кругозором и масштабным мышлением, он имел неограниченное доверие и открытость к жизни. Древние тюрки отличались завидной активностью, будучи глубоко религиозными, не делили жизнь на потустороннюю и посюстороннюю, а принимали ее целостно как переход из одного качества в другое в едином для них мире.

В X в. в Степи сложились политические условия тесного взаимодействия религиозных

моделей тенгрианства и ислама. Столкнувшись, они не пришли в непримиримое противоборство между собой: со стороны тюрков благодаря толерантности и правилам веротерпимости в Степи, со стороны мусульман благодаря высоким адаптационным способностям исламской религии. Суфизм как производное ислама наиболее близкий по своей природе к тенгрианству, широко распространившись в Степи, внес некоторые элементы, смягчающие и приспособляющие восприятие кочевыми и полукочевыми народами жестких предписаний и обязанностей мусульман и общины в целом.

Восприятие Тенгри по своим сущностным характеристикам в целом не противоречило восприятию Аллаха. В функционировании общин тенгриан и мусульман также были важные пересекающиеся сходства. Например, свод древних обычаев тюрков и монголов – Яса [1, с. 316] и предписания Корана и сунны:

1. В защиту семьи предоставляли мужчине право жениться на нескольких женщинах, при этом первая жена считалась старшей.

2. Обязывали мужчин уважать жен и верить им; накладывали запрет на спиртное.

3. Предписывали пожилым воспитывать молодежь в любви к своей семье, народу (для тенгриан – к братству «небесных людей» Степи, вне зависимости от рода и племени; для мусульман, вне зависимости от национальности, – ко всем, поклоняющимся Аллаху).

4. Обязывали богатых людей служить общине, помогать бедным.

5. Провозглашали собственником земли государство (правитель от имени государства закреплял за определенные повинности (при преобладании военной, с учетом выслуги лет, причем с правом разжалования за проступки) права на владение землей); понятие продажи земли в культурах отсутствовало вообще.

Однако ислам в Степи получил тюркскую модификацию на основе преимущества культурных традиций тенгрианства, особенностей этнического мироощущения и мировосприятия человека, соотношенного с фактором сосуществования его с одухотворенной природой.

Автор считает, что тенгрианство – это самая истинная религия или форма мировоззрения для

казахов. От его канонов веет родным, теплым. Ислам, при всем уважении к нему, «не родная» религия для народа, его навязали арабы хану Узбеку, а он в свою очередь своим подданным. Тенгрианство казахов – основа не просто их культурной идентичности, но и мировоззрение, сформировавшее суверенитет и независимость государства.

Кто-то боится раскола среди казахов – из-за странного стремления возродить тенгрианство. Автор статьи видит раскол среди казахов из-за распространения фундаментального ислама извне, который против поклонения духам предков, святым могилам и т. д. На самом деле причина в том, что они («ваххабиты», кораниты, салафиты) против веротерпимого тюркского государства, они за халифат без наций, за шариатский суд и прочее. Казахам здесь нет места, им запретят вообще обсуждать идеи о предвечности мира, о несотворенности космоса и прочее.

Предки казахов веровали в Таныр. И эта вера не позволяет верить исламскому фундаментализму. Не задаемся вопросом, кто праведен и кто грешен? Но думаем, что не уважать своих предков мы не имеем никакого права. Многие говорят об отсутствии священных книг, храмов и священных реквизитов, но в данном случае хочется отметить, что у казахов культура, литература и искусство основаны на устном народном творчестве, и это обстоятельство никак не умаляет достоинства казахской культуры. Отсутствие храмов и священных реквизитов свидетельствует о демократичности и либеральности отношении в казахском обществе.

Арабские историки Хишама ибн Мухаммеда аль-Кальби – автор книги «Книга об идолах» («Китаб аль-аснам») и Ибн Хишама – автор книги «Книге жития посланника Аллаха» («Китаб сират расуль Аллах») достаточно честно описали, как Мухамед создал свою религию в пустыне, никто не верил в его слова, были огромные разногласия, и только силой он взял все в свои руки. Еще долгое время после смерти Мухамеда не было Корана. Когда Византия и Иран закончили 26-летнюю войну, были ослаблены ею, тогда и появился халифат, руководимый четырьмя заместителями Мухамеда (праведными халифами), основной задачей которого

был захват ценностей богатых земель соседей, и в эту пору люди становились мусульманами под страхом смерти.

Выдающийся арабский поэт и мыслитель Абу-ль-Аля аль-Маарри (973–1057 или 1058) из Сирии в своем сборнике стихов «Обязательность необязательного» («Лузум ма ля йалзам», или короче «Лузумийят») связал культ камней в Мекке с представлениями и обычаями разных народов и с их религиями. Относясь к исламу как к одной из религий, сменяющихся в обществе с течением времени одна другую, Абу-ль-Аля был чужд нетерпимости к другим вероисповеданиям. С завидной объективностью он относился к заблуждениям последователей любой веры – христианства, иудаизма, зороастризма и ислама. Он писал:

Твердят христиане: «Всесилен Христос». Ну как не дивиться той силе!
Какой бы всесильный безропотно снес,
Когда его смертные били!
Нам хвалят евреи свое божество,
О добром твердят Иегове.
Он добрый? Как странно! Тогда отчего
Он требует жертвенной крови?!
Обряды персидские дико смешны.
Царю удивляюсь Хосрову*:
Ведь, чтобы «очиститься», персы должны
Умыться... мочой коровы.
Разумностью, логикой веры своей
И ты не хвались, мусульманин!
В дороге пройдя мимо сотен камней,
Лишь в Мекке целуешь ты камень.
Религия хитрым сплетением слов
Силки для людей расставляет.
Различны силки – неизменен улов:
Глупец в них всегда попадает.

* [Поэт имел в виду, очевидно, древнеиранского шаха Хосрова II Парвиза, правившего в 591–628 гг.] (Перевод В. Демидчика)

А это значит – в настоящее время нет проблем восстановить нашу исконную веру в бога единого Таныр.

В Исламе нет равных и свободных людей ни в быту, ни в светской жизни, ни на верхах, ни в низах, в особенности по отношению к половому признаку человека.

По канонам тенгрианства, женщина могла воевать наравне с мужчиной, могла руководить родом, народом. Могла, но в исключительных случаях, когда этого требовало спасение семьи или народа. Поэтому именно наших женщин не брали в плен, а сразу убивали в отличие от других народов. Сын, зайдя в юрту, обязательно поклонится сначала матери, а потом отцу. Рыцарское почтение и забота – отражение характера настоящего степняка.

Менталитет тюркской женщины (Томирис, Мать Чингисхана, Дина Нурпейсова, Маншук, Алия и многие другие) – оставаться всегда женщиной, знать свое место хранительницы очага, верной жены, сестры и заботливой матери.

Для казахов важно осознавать то, что ты есть казах; в духовной нише исходить из собственных традиций и обычаев; традиционная одежда, пища, Аруах, шежире (родословная) – это исходные точки казахского мировоззрения.

Отличительная черта тенгрианства от других религий – это его идея. А идея такова: человек рождается на земле для того, чтобы найти свое предназначение; только сам человек может сделать свое имя, самого себя. У казахов всегда уважали за дело.

В христианстве, исламе, иудаизме ничегонеделание считается правильным. Чем меньше делаешь, тем меньше нагресишь, либо повинуйся и будь покорным и только тогда попадешь в рай.

Тенгрианство – это философия и наука. Многие путают, считая, что тенгрианство это религия, но это не так. В тенгрианстве человек и все живые существа – это дети Всевышнего Тенгри. У гор, рек, деревьев, земли есть свои хранители – духи, как у человека принято говорить Аруах. Тенгрианство – это любовь к природе и понимание ее сущности и параллельного мира, где

обитают Аруахи. Аруахи сохранили земли для казахов и дали потомство.

В тенгрианстве нетрая и ада, как в библейских и коранических сказаниях. Рай и ад, согласно пониманию предков, на земле, потому что, как сказано в книгах, рай и ад – все происходит на земле.

Самоидентификация казахов объективно основана на тенгрианстве. Этому свидетельствует казахская ментальность, форма ее мировоззрения, традиции и обычаи, основанные на тенгрианстве. Большинство ученых склонны считать казахов «двоеверцами», с одной стороны, они в основном тенгрианцы, с другой – формально мусульмане. И это обстоятельство связано с толерантной сущностью тенгрианства, которое вобрало в себя ислам, привнося свои коррективы, названные позже мусульманством ханафитского толка. Но в этом имеется недостаток тенгрианства, так как оно всегда может противостоять нападкам извне.

Таким образом, современные казахи, чтобы устоять от натисков неофитов, должны обратить внимание на то, что действительно определило их как нацию, как культуру, на прошлое, чтобы обеспечить себе достойное будущее.

ЛИТЕРАТУРА

1. Безертинов, Р. Н. Тенгрианство – религия тюрков и монголов. – Набережные Челны, 2000.
2. Религии мира. Энциклопедия. – М., 1996. – Т. 6. – Ч. 1.
3. Лависса, Э., Рамбо, А. Всеобщая история. – М., 1897. – Т. II.
4. Гумилев, Л. Н. Тысячелетие вокруг Каспия. – Баку, 1991.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ПРОЧТЕНИЕ ДРЕВНЕТЮРКСКОЙ РУНИЧЕСКОЙ НАДПИСИ НА АРФЕ, КЛАССИФИЦИРОВАННОЙ КАК МУЗЫКАЛЬНЫЙ ИНСТРУМЕНТ ИЗ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ МОНГОЛИИ

Осава Т.

УДК 902.2

Данная работа состоит в толковании древнетюркского текста из 20 строк на корпусе и грифе арфы, классифицированной как музыкальный инструмент, с головой лошади и найденной в захоронении в пещере гор Жаргалант-Хайрхан на территории аймака Ховд на северо-западе Монголии в 2008 г. Согласно лингвистическому анализу, проведенному автором в Боннском историческом музее в ноябре 2012 г., данный рунический текст мог быть выполнен для Бондукара, который являлся дедом того, кто нанес эти руны. На наш взгляд, при жизни Бондукар служил Енисейско-Киргизскому кагану не только в качестве воина, но также и в качестве арфиста. Судя по следам от рунических надписей под черным пояском на шее лошади, после смерти Бондукара его внук пользовался данным инструментом в память об усопшем. Антропологический анализ черепа умершего показал, что, вероятно, он умер в возрасте 26 лет по причине болезни или ранения, полученного в бою на северо-западе Монголии. С исторической точки зрения вплоть до 839 г. н. э. аймак Ховд находился под предводительством кагана древней Уйгурской империи. Таким образом, данное горное захоронение было сооружено приблизительно в середине IX века н. э.

Ключевые слова: музыкальный инструмент, руническая письменность, лингвистический анализ.

PRELIMINARY READING OF THE OLD TURKIC RUNIC INSCRIPTION ON THE HARP TYPED MUSICAL INSTRUMENT FROM THE NORTHWESTERN MONGOLIA

Takashi Ōsawa

Preface

As well known, it is one of the interesting that a musical instrument was newly discovered from the Northwestern Mongolia. That is engraved from the rock cave grave of the Khovd province of the Northwestern Mongolia in July 2008 by Mongol archaeologists. This rock cave grave was firstly discovered by a local shepherd N.Dandar, and later he informed to his son's primary school teacher Enkhtör. And then the archaeologists looked for the very grave on the basis of the informations of Dandar and Enkhtör. This is located in the Nükhen Khad (Nükhan rock) of the Jargalant Khairkhan Mountains in the 1886 m height, in the south of the Kara-Us Lake, between Chandman and Mankhan villages, Khovd province (Map 1).

As Mongolian colleague and German archaeologists reported before, a new rock cave grave was engraved from the Kher Khad (Kher rock)

in the western hill side of the Zhargalant Khairkhan range in the ca. 1886 m height of the Khovd province by Mongolian archaeologists in the July 2008 on the

Map 1. Zhargalant Khairkhan range, in the south of the Kara-us Lake of Northwestern Mongolia

basis of the local peoples' institution [1, pp. 274–292; 2, pp. 365–383].

In this paper, I would like to preliminarily decipher the Old Runic inscription of the ever part of musical instrument and analyze the cultural significance from the archaeological and historical points of views.

1. Our Joint researches in Mongolia 2012 and my revisiting of Old Runic inscription

In August 2008, I could have a chance to directly investigate the musical instrument and the runic inscription with the sincere help from Ts.Törbat without the note and photographical equipment under the rare materials in the Mongolian Archaeological

Fig. 2. Nükhen Khad, Zhargalant Khairkhan. The skull and the musical instrument in situ [2].

in Germany on the March 2012, I tried to confirm the original rock grave of the Zhargalant Khairkhan Mountains of Mongolia during the summer expedition 2012. On the institution of the Mongolian colleagues of Ts. Törbat and D. Batsükh, for the poupose of investigating the natural situation and the surrounding circumstance of this rock cave, I and Mongolian archaeologist G. Lkhundev went journey to complete the mission and succeeded to refind the rock tomb in the 15th August 2012 under the International Joint

Fig. 1. Nükhen Khad, Zhargalant Khairkhan. View from the site to the north (Photo of T. Ōsawa 2012).

Institute and I could confirm the track of the old Turkic runic scripts in the neck and a part of the body of the horse headed musical instrument, however, I felt that it is not so easy to be interpreted at that time.

After the publication of the preliminary report 2008 and the special exhibition and the publication of the museum catalogue of the Medieval Nomad worriers' life and the worldview involving the musical instrument of the Historical Museum of the Bonn city

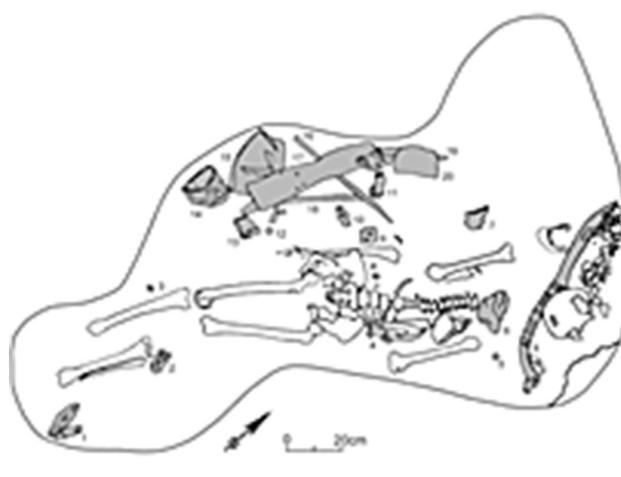

Fig. 3. Nükhen Khad, Zhargalant Khairkhan. Plan of the grave with artefacts in situ [1;2].

archaeological and epigraphical expedition 2012 between Mongol and Japan. These areas are surrounded by the law grass on the hard rock and stone earth, and it is located in the place of North 47°, 37', 43,5» East 52°, 27', 27,3» by the global positioning sistem data and in the 1874 m height of the western ridge of the southern side of the Nükhen Khad Mountain.

Fig.4 Nükhen Khad, Zhargalant Khairkhan.
The musical instrument with horse
head and Runic inscription [2].

As well known, from there a stringed musical instrument was discovered as well as wooden quiver, iron stick, bow, arrows, pair of iron stirrups, wooden saddle beside the dead. According to the preliminary report by Mongolian and German archaeologists (Törbat et al 2009), this rock cave grave is located in the southern middle hills. And from this grave wooden saddle and arrows are observed (Fig.3), and from the cave we can see a human cull and a musical instrument can be observed on the breast [Fig.2,3].

Fig. 5. Nükhen Khad, Zhargalant Khairkhan.
Sound box of the musical instrument [2].

And musical instrument has a size of the 80 cm in length, 10, 5 cm in width and 5, 5 cm in height, and horse-head is bent to the upward and turned face not inside, but outside, that is different from the horse-head of the Mongolian as Morin Chuur and similar stringed instruments.

2. Musical instrument and Ancient Turkic Runic Inscription

As long as I know, runic inscription on the horse-head musical instrument have not been completely deciphered, while we know that respectful German Turcologist Dr. Peter Zieme interpreted the several letters on the stick of the instrument as the preliminary reading (Törbat et al 2009: 377-379). But as P.

Zieme himself also confessed that his interpretation is not sufficient, so he told the possibility of the more credible interpretation of this letters. As the matter of fact, his identification of the runic letters is not supported, for example, the third letter should be not <z>, to be <n> and his reading of <ant etdimiz>'to make an oath' was not fit the Turkic expression as he also mentioned. This part can be read as <bitidimiz> 'we carved (the letters)' as N. Bazilkhan pointed out [3, p. 272].

Recently, in April of 2012, the exhibition named *Die alte Kultur der Steppenkrieger* was held in the Altringer Lades Museum in Bonn city, Germany until the end of the month. In this exhibition, the very instrument was also held. After the exhibition was closed, I and my Turkish colleague Gülbeyaz Abdüllrahman would like the Dr. Michael Schmander to send the photographs of the instrument. As the result, he decided to send us with the permission of Dr. Jan Bemmann of the Chief of the Archaeological Institute of the Bonn University, that is one of the cooperetaed responsible person with the cooperating researching teams with the Mongolian Academy, archaeological Institute. So I am deeply grateful for Dr. Michael Schmander that is the researcher of Lainland local museum of Archaeology, Germany and Prof. Dr. Jan Bemmann. Also I am grateful to Dr. Zieme to send the all photographs relating with the runic scripts of the musical instrument that Micael Shumader had sent him. Moreover after our Archaeological expedition on August 2012 on research the rock cave in the Khovd province, on the November 2013, I could also visit the Bonn city museum and have a chance to research the runic scripts of the musical instrument with the help and kindness of the Dr. Michael Shmauder, Jan Benmmann and several colleagues of the researchers of the blanch of the cultural restoration.

At a glance, according to the photographs that Dr. Micael Shimauder sent me, I could find the more runic scripts not only on the neck of instrument, but also more scripts on the both side that Dr. Zieme found few scripts, and on the bottom and cover parts that nobody had find the scripts. Then when I investigated this materail in the Bonn Musium on the November 2012, I could find more scripts in every parts, that is, there are four lines in the cover, two

lines in the left side, two lines in the bottom part and two lines in the right sides.

Now on the result of my observation and researches, I would like to present my preliminary interpretation. As for the order of this text, the text of the right neck involving the text such as ‘We carved’ can be regarded as the last sentence of this inscription on the basis of the writing system order on the Old Turkic inscription. In my view, this inscription is written from right to the left, that is, from the tail part to the head of the horse, and lines can be regarded that first line is to be down line of the cover, and then the down to the upper line of the left side, and from the down to the upper of the bottom side, and from the down side to the upper of the left side (Fig.14). And as to the transliteration system, I show the basic rule as follows:

(1) Runic inscription on the surface of cover of the body.

This part has four lines of runic scripts proceeding from the right to the left sides that follows from the bottom to upper side as indicated in the following figure [Fig.6].

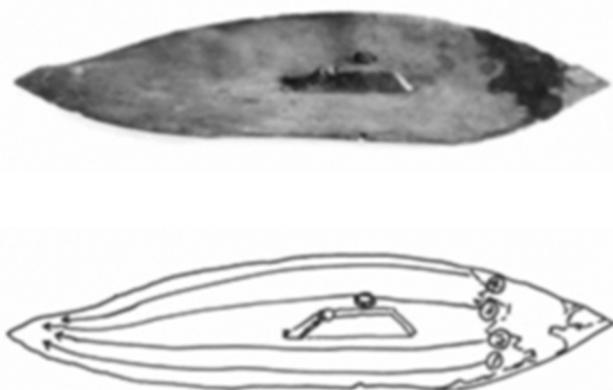

Fig.6: The cover of the body and the the proceeding tradition of the four lines (by Takashi OSAWA).

<Transcription>

- (1) [äsiz]im ä : y(a)γ(i)z y(e)r(i)m(i)z ä : üzä : t(ä)ηrim(i)z ä : küč(i)g : b(ä)rd(i)m ä :
- (2) (ä)s(i)z(i)m ä : y(a)γ(i)z y(e)r(i)m(i)z ä : üzä : t(ä)ηrim(i)z ä : küč(i)g : b(ä)rd(i)m ä :
- (3) y(a)γ(i)z y(e)r(i)m(i)z ä : üzä : t(ä)ηrim(i)z ä : küč(i)g : b(ä)rd(i)m ä :

- (4) y(a)γ(i)z y(e)r(i)m(i)z ä : üzä : t(ä)ηrim(i)z ä : küč(i)g : b(ä)rd(i)m ä : y(ä) :

<Translation>

- (1) I am sorrowful, oh! Our brown Earth-God, oh!, Above, our Tängri-God, oh! I gave my strength, oh!
- (2) I am sorrowful, oh! Our brown Earth-God, oh!, Above, our Tängri-God, oh! I gave my strength, oh!
- (3) Our brown Earth-God, oh!, Above, our Tängri-God, oh! I gave my strength, oh!
- (4) Our brown Earth-God, oh!, Above, our Tängri-God, oh! I gave my strength, oh! I am grieved!

<Note>

On this part, I discovered four Runic lines, however, has almost the same meaning as in the other places.

(2) Runic inscription carved from the tail to the horse-head in the left side of the body.

This part has four lines of runic scripts proceeding from the right to the left sides and from the top to the bottom in the following figure [Fig.7].

Fig.7: The right side of the head and body of the horse and the sketch of the proceeding runic lines (by Takashi OSAWA).

<Transcription>

- (5) üzä : t(ä)ηrim(i)z ä : y(a)γ(i)z : y(e)r(i)m(i)z ä : üzä : t(ä)ηrim(i)z ä : y(a)γ(i)z y(e)r(i)m(i)z ä : küč(i)g : b(ä)rd(i)m ä : üzä : t(ä)ηrim(i)z ä : y(a)γ(i)z y(e)r(i)m(i)z ä : küč(i)g : b(ä)rdim ä : üzä : t(ä)ηrim(i)z ä : y(a)γ(i)z : y(e)r(i)m(i)z ä : küč(i)g : b(ä)rd(i)m ä : üzä

: t(ä)ŋrim(i)z ä : y(a)ŷ(i)z : y(e)r(i)m(i)z ä: küč(i)g : b(ä)rd(i)m ä : y(a)ŷ(i)z : y(e)r(i)m(i)z ä:

(6) y(a)ŷ(i)z y(e)r(i)m(i)z ä: üzä : t(ä)ŋrim(i)z ä : y(a)ŷ(i)z y(e)r(i)m(i)z ä : küč(i)g : b(ä)rd(i)m ä : üzä : t(ä)ŋrim(i)z ä : y(a)ŷ(i)z y(e)r(i)m(i)z ä : küč(i)g : b(ä)rd(i)m ä : y(a)ŷ(i)z y(e)r(i)m(i)z ä: üzä : t(ä)ŋrim(i)z ä : küč(i)g : b(ä)rd(i)m ä :

(7) y(a)ŷ(i)z y(e)r(i)m(i)z ä : üzä : t(ä)ŋrim(i)z ä : küč(i)g : b(ä)rd(i)m ä : üzä : t(ä)ŋrim(i)z ä : y(a)ŷ(i)z y(e)r(i)m(i)z ä : küč(i)g : b(ä)rd(i)m ä : y(a)ŷ(i)z y(e)r(i)m(i)z ä :

(8) q(a)d(a)š : (ä)gč(i) : qirqiz (e)l(i)mkä : b(ä)rd(i) : küč(i)g : qil(a)yu : b(ä)rti ä:

<Translation>

(5) Above, our Täŋri-God, oh! Our brown Earth-God, oh! Above, our Täŋri-God, oh! Our brown Earth-God, oh! I gave my strength, oh! Above, our Täŋri-God, oh! Our brown Earth-God, oh! I gave my strength, oh! Above, our Täŋri-God, oh! Our brown Earth-God, oh! I gave my strength, oh! Above, our Täŋri-God, oh! Our brown Earth-God, oh! I gave my strength, oh! Our brown Earth-God, oh!

(6) Our brown Earth-God, oh! Above, our Täŋri-God, oh! Our brown Earth-God, oh! I gave my strength, oh! Above, our Täŋri-God, oh! Our brown Earth-God, oh! I gave my strength, oh! Our brown Earth-God, oh! Above, our Täŋri-God, oh! I gave my strength, oh! Our brown Earth-God, oh!

I gave my strength, oh! Our brown Earth-God, oh! Above, our Täŋri-God, oh! I gave my strength, oh!

(7) Our brown Earth-God, oh! Above, our Täŋri-God, oh! I gave my strength, oh! Above, our Täŋri-God, oh! Our brown Earth-God, oh! I gave my strength, oh! Our brown Earth-God, oh!

(8) He gave his brother and his elder sister to my Qirqiz country, oh! He did effort and gave his strength!

<Note>

On this part, I newly discovered runic scripts of the four lines except the 8th line that was not interpreted until now. As in other places, we can confirm epitaph phrases on the cult and belief on the Täŋri-God and the Earth-God. What to be caused our attention is that the 8th line was carved more deeply, that is, more cautious, after the other lines. From this

situation, we can regard the other lines as the script of the more early times. As you know, in the 8th sentence, we can first confirm the runic scripts on <Qi r Qi z l m>, that is, <My Qirghiz country> (= My Qirghiz Qaghanate). This tribal name can be identified with ones having same runic spellings in the runic inscriptions of Tonyukuk-20, 23, 27, 29 lines; Köl Tigin-East side 4, 14, 17,20,25, 35, 36th lines, North side 13; Bilge Kaghan-E5, 12, 15,17, 20th lines of the Old Turkic Qaghanate and the inscriptions of Shine-Uz, East side 10-12th lines of the Old Uyghur Qaghanate and the Suji inscription (2nd line) corresponding to the Qirghiz warrior that had invaded and destroyed the old Uyghur Qaghanate around 840 year CE in Mongolia.

(3) Runic inscription carved from the tail to the horse-head in the surface of the cover part.

This part has five lines of the runic scripts proceeded from the right to the left sides and from the lower place to the upper side in the following figure [Fig.8].

<Transcription>

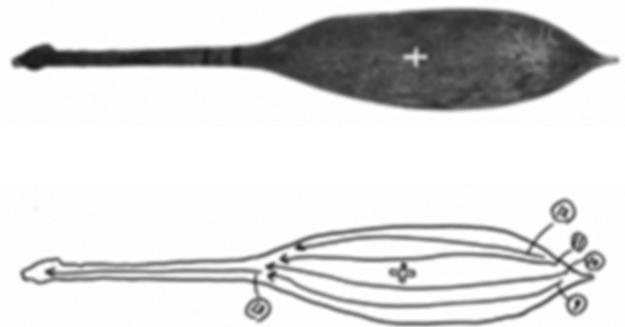

Fig.8: The bottom part and the the sketch of the preceding runic lines (by Takashi OSAWA).

(9) y(a)ŷ(i)z y(e)r(i)m(i)z ä : üzä : t(ä)ŋrim(i)z ä : küč(i)g : b(ä)rd(i)m ä : üzä : t(ä)ŋrim(i)z ä : y(a)ŷ(i)z y(e)r(i)m(i)z ä : küč(i)g : b(ä)rd(i)m ä : y(a)ŷ(i)z y(e)r(i)m(i)z ä : üzä : t(ä)ŋrim(i)z ä :

(10) üzä : t(ä)ŋrim(i)z ä : y(a)ŷ(i)z y(e)r(i)m(i)z ä : küč(i)g : b(ä)rd(i)m ä :

(11) y(a)ŷ(i)z y(e)r(i)m(i)z ä : üzä : t(ä)ŋrim(i)z ä : küč(i)g : b(ä)rd(i)m ä : üzä : t(ä)ŋrim(i)z ä : y(e)r(i)m(i)z ä : küč(i)g : b(ä)rd(i)m ä : y(a)ŷ(i)z y(e)r(i)m(i)z ä :

(12) y(a)ŷ(i)z y(e)r(i)m(i)z ä : üzä : t(ä)ŋrim(i)z ä : y(e)r(i)m(i)z ä : küč(i)g : b(ä)rd(i)m ä : y(a)ŷ(i)z y(e)r(i)m(i)z ä :

(13) y(e)r(i)m(i)z ä : y(a)γ(i)z y(e)r(i)m(i)z ä : üzä : t(ä)ŋrim(i)z ä : y(a)γ(i)z y(e)r(i)m(i)z ä : küč(i)g : b(ä)rd(i)m ä : üzä : t(ä)ŋr(i)m(i)z ä : küč(i)g : b(ä)rd(i)m ä : y(e)r(i)m(i)z ä : (ä)s(i)z(i)m ä :

<Translation>

(9) Our brown Earth-God, oh! Above, our Täŋri-God, oh! I gave my strength, oh! Above, our Täŋri-God, oh! Our brown Earth-God, oh! I gave my strength, oh! Above, our Täŋri-God, oh!

(10) Above, our Täŋri-God, oh! Our brown Earth-God, oh! I gave my strength, oh!

(11) Our brown Earth-God, oh! Above, our Täŋri-God, oh! I gave my strength, oh! Above, our Täŋri-God, oh! Our brown Earth-God, oh! I gave my strength, oh! Our brown Earth-God, oh!

(12) Our brown Earth-God, oh! Above, our Täŋri-God, oh! Our Earth-God, oh! I gave my strength, oh! Our brown Earth-God, oh!

(13) Earth-God, oh! Our brown Earth-God, oh! Above, our Täŋri-God, oh! Our brown Earth-God, oh! I gave my strength, oh! Above, our Täŋri-God, oh! I gave my strength, oh! Our brown Earth-God, oh! I am grieved, oh!

<Note>

As well known, 20th part was shown by Zieme 2009 and the 18th and 19th lines are also shown in the Zieme 2012, however, the interpretation seems to be problematic. Also from the neck and body places, I firstly discovered runic letters of the seven parts, however, this part has epitaph phrases with other places of this instrument.

(4) Runic inscription carved from the tail to the horse-head in the right side[Fig.9].

Fig.9: The left side of the head and the body of the horse and the sketch of the proceeding runic lines (by Takashi OSAWA).

<Transcription>

(14) y(a)γ(i)z y(e)r(i)m(i)z ä : üzä : t(ä)ŋrim(i)z ä : küč(i)g : b(ä)rd(i)m ä : y(a)γ(i)z y(e)r(i)m(i)z ä : t(ä)ŋrim(i)z ä : küč(i)g : b(ä)rd(i)m ä : y(a)γ(i)z y(e)r(i)m(i)z ä : küč(i)g : b(ä)rd(i)m ä :

(15) üzä : t(ä)ŋrim(i)z ä : y(a)γ(i)z y(e)r(i)m(i)z ä : küč(i)g : b(ä)rd(i)m ä : qırqız : (e)l(i)mkä : küč(i)g : b(ä)rd(i)m ä : y(a)γ(i)z y(e)r(i)m(i)z ä : küč(i)g : b(ä)rd(i)m ä :

(16) y(a)γ(i)z y(e)r(i)m(i)z ä : üzä : t(ä)ŋrim(i)z ä : küč(i)g : b(ä)rd(i)m ä : üzä : t(ä)ŋrim(i)z ä : y(a)γ(i)z y(e)r(i)m(i)z ä : küč(i)g : b(ä)rd(i)m ä : (ä)s(i)z(i)m ä : üzä : t(ä)ŋrim(i)z ä : y(a)γ(i)z y(e)r(i)m(i)z ä : y(a)š(i)m : q(i)syä : buŋa : y(a)γ(i)z y(e)r(i)m(i)z ä : küč(i)g : b(ä)rd(i)m ä : t(ä)ŋrim(i)z ä : y(a)γ(i)z y(e)r(i)m(i)z ä : küč(i)g : b(ä)rd(i)m ä : y(e)r(i)m(i)z ä : (ä)s(i)z(i)m ä :

(17) üzä : t(ä)ŋrim(i)z ä : y(a)γ(i)z y(e)r(i)m(i)z ä :

(18) y(a)yl(a)g : q(a)d(i)ŋ (a)č :

(19) t(ä)m(i)r : (ä)gč(i)m ä : (ä)č(i)γ (ä)s(i)z(i)m ä :

(20) y(ä)g(ä)n : bodunčar : (ä)čü (e)r ä : b(i)t(i)d(i)m(i)z ä :

<Translation>

(14) Our brown Earth-God, oh! Above, our Täŋri-God, oh! I gave my strength, oh! Our brown Earth-God, oh! Our Täŋri-God, oh! I gave my strength, oh! Our brown Earth-God, oh! I gave my strength, oh!

(15) Above, our Täŋri-God, oh! Our brown Earth-God, oh! I gave my strength, oh! I gave my strength to my Qırqız country, oh! Our brown Earth-God, oh! Our brown Earth-God, oh!

(16) Our brown Earth-God, oh! Above, our Täŋri-God, oh! I gave my strength, oh! Our brown Earth-God, oh! I gave my strength, oh! I am sorrowful, oh! Above, our Täŋri-God, oh! Our brown Earth-God, oh! My life was very thin (= short), I am regretful! Our brown Earth-God, oh! I gave my strength, oh! Above, our Täŋri-God, oh! Our brown Earth-God, oh! I gave my strength, oh! Our brown Earth-God, oh! I am sorrowful, oh!

(17) Above, our Täŋri-God, oh! Our brown Earth-God, oh!

(18) Summer residence and pine tree! Conquer!

(19) Tämir, my elder sister, oh! What a pity! I am grieved, oh!

(20) Yägän, Bodunčar, Čürä, we wrote (this inscription), oh!.

<Note>

On this part, Zieme tried to decipher the underlining runic parts of the 16, 18-20th lines. But it is very hard to identify the runic letters and decipher the text. Moreover, as in other parts of this instrument, I discovered four Runic lines, however, it has epitaph phrases with other places. Especially the last sentence part is important considering the writer of the inscription and the order of the text.

3. Date of old Runic text and the cult-beliefs of Kirghiz nomad around the Sayan-Altai regions

As long as I investigate carefully the condition and cutting tracks of the runic scripts, they are written by the cutter knife or sharp cutlery. And as we know from the picture of the neck part of the left side, the last thin runic scripts were also covered with black ribbon. And the text is full of the typical mourning words as such as *a, äsizim, ačiy, buŋa. (What a pity! I am grieved, oh!)* as well as expressions relating to the beliefs of the Tängri-God and the Earth-God. These expressions are in particular used for the epitaphs on the death [4, pp.162-164; 5, pp. 246-255]. From these, this text is typical epitaph. And this character reminds us that they have cultural relation with the Yenisei Epitaph. As a matter of fact, from the text, we can attest the term of the ‘*qıryız elimiz*’ (our Kirgiz country — our Kirghiz Kaghanate) and the diseased can be belonged to the old Kirghiz Kaghanate. This is why the text is very similar with the Yenisei Epitaphs.

So, it seems probable to be deal with special purpose for avoiding the evil spirit from the viewpoint of the cult-religious taboo. But from the other viewpoint of the reuse of the tool, I would like to explain this cause, that is, it has the special purpose for protecting the runic letters from touching the hands directly and hold the musical instrument with hand to play the musical instrument. Moreover, we can confirm that there are two type scripts of bold line and thin line, I would like to point out that the first thin scripts for the epitaph was carved when the first deceased worrier that was player of the musical instrument. From my deciphering of this text, the deceased man called *Yägän Bodončar* (grandson or nephew *Bodončar*) and *äčü er* (ancestor, warrior).

And from the 20th sentence of this musical instrument, the dead man was called ‘*Yägän*

Bodončar’ and *äčü er* (ancestor, warrior). And from epitaph, the warrior and music player named *Yägän Bodončar*’ and *äčü er* had been belonged to the Yenisei Qirghiz country and he served the Yenisei Kirghiz Kaghan and gave his family member such as *qadaš* and *egči* to the Qirghiz country during his life time. But from the fact that there are many pieces of black ribbons over the original runic scripts, this musical instrument can be used by the second user that is the buried man of the rock cave grave. Maybe he was the son or the relative warrior of the man that original runic script was carved. According to the analysis on the skeleton by Mongolian and German archaeologists, the diseased man was 26-27 –year old at his death, so he was young. And in my view, the son is also musician as well as his father, ‘*Yägän*’ or ‘*Yägän, Bodončar*’.

Moreover we can say that there is hunting scene at the bottom board of the body. As Jacobson-Tepfer tried to explain on the iconographical and ethnographical view on the comparative studies with similar rock carvings from the one of the Kalbak-Tas rock paiting of the ancinet Turkic periods, and he thought that this hunting scene explained his hunting acts as he did in his lifetime while the key of resolving the secret of this hunting scene of the musical instument is in the inscription.

As we know the dating of the wooden saddle from the carbon analysis method [2, p. 377, Fig. 13], they are belonging from the 770 – 862 years AD. According to their estimating dating, they supposed the date of the Old Turkic periods in Mongolia, but they did not clearly that this grave can be belonged to what Turkic tribal group. In my reading of the runic epitaph, this grave can be belonged to the Yenisei Kirghiz peoples. As long as we know, in the period of the 744—840 years, old Uighur peoples ruled the Mongolian Steppe as follows:

He (Uighur Qaghan) settled down at (the river-head area of) Tez, west of the Qasar tribe. He erected the stockade and established his throne. He spent the whole summer (here).

(The south side-2nd line of the Tes Inscription) [6, pp. 159-162].

As well know, the Tez river flows out from the Tannu uul Mountains into the Uvs Nuur Lake, so we can understand that in 750 year Tängridä bolmıš el etmiš qayan of Old Uighur Qaghate (named *Moyun-*

chor in the ancient Chinese Chronicle) attacked the Čik and Az peoples, and he ruled the northwestern steppe of Mongolia and the northern steppe of the Tannu Uul range. From situation of the during the years of 750-754 AD, we can understand that the northwestern Mongolia from the river head area of the Tes river and the Kögmän-Sayan Mountains and Altai Mountains are ruled under the Old Uighur Empire, so the old Qirghiz Qaghan placed his headquarter in the Abakan Steppe and the northern steppe from the Kögmän yış, ie. the Sayan Mountains, as shown by the first Altın Köl inscription (E28) for whom was established for the old Kirghiz tribal leader named Bars Beg in the Usty-sos steppe near the Askis region of Khakassia [7, pp.117-120]. As it is well known, the northwest defending lines of the Uighur Qaghanate was extended to the basin of the Upper Yenisei until the first half of the second of the 9th century as demonstrated by the fact that the Por-Bazhin in the Tere-Khori Lake and Shagonar castles and likes were established by the second Uighur Qaghan Moyunchur and his successors in the Upper Yenisei of the territory of Tuva by Russian archaeologists such as L.R. Kyzlasov, S. I. Vainshtein, T. Hayashi [4;8;9, pp. 315-316]. But this power distribution map was suddenly changed after the 阿熱 *Aru* Qaghan's enthroning in the 830 years CE. To this relation, we can point out that according to the information of the Chinese Chronicle of Xin-Tangshu 217, Kirghiz Qaghan began to overcome the Sayan Mountains and invade into the southern steppe of the Tannu uul Mountains and placed his headquarter 青山 *qingshan* meaning «Blue Mountain», «Kök yış» in Old Turkic. Under such situation, northwestern area became strategic target of the Qirghiz Qaghan and he attacked and surrendered his enemy under his strong army, and then since the 839 year, he could get the territory and the nomadic peoples of the Northwestern Mongolian Steppe including the area of the rock cave of the Zhargalant Khairkhan Mountains of Kkhovd province. And then he invaded into the western Mongolia and proceeded to the middle Mongolia around the Zavkhan province and Arkhangai province, and then he destroyed the Uighur Qaghan's headquarter—Ordu-Balik (Qarabalgasun) around Orkhon Valley of the old Uighur Qaghanate in 839-840 years. From historical situation, we can assume that the Northwestern Mongolia including the Uvs

Lake, the Kara-us Lake and Sayan-Altai Mountains were ruled by the army and the subjugating tribal groups of the Yenisei Qirghiz Kaghanate under the rule of *Aru* Qaghan. So this rock grave including a musical instrument, at this present, can be dated to the 840 years CE.

Conclusions- toward the restation and origin of a kind of harp typed musical instrument

As the excavation report was published, Mongolian and Germany excavation teams estimated that this instrument may be the origin of the Morin chuur with the horse-head or the riddle instrument. However, we can suppose that this instrument had more than three strings. So it is possible to have the four or five strings.

And the end of the strings can be bound with the pole that protruding stick from the head of horse.

So we can now that this must have been a kind of harp with three or four strings. Recently, a German musical researcher Dr. Susanna Schulz tried to reconstruct this musical instrument in the form of the five-stringed harp on the comparative research with one from the wall painting of Pyanjikent city of Sogdiana in Tajikistan [Fig.10]. This result is so much important and interesting on this root and users from the historical and ethnographical points of views, however, in my opinion, as I analyzed before, we should take into the consideration on why the Yenisei Qirghiz warriors used this harp in the northwest Mongolian regions. However, in my opinion, we should also research the distribution and origin of this harp type instruments on the basis of the musical instruments engraved by S.E. Rudenko in 1949 from the second Pazyrk tombs of the Gorno-Altai region [Fig. 11] [10, p. 42. Tab. 1419-III] and we can understand that same harp-typed musical instrument is even now used in Barnaul region near the Altai Mountain regions[10, p. 42. Tab. 1513-III]. As long as I know, it seems there is such type musical instrument neither in Khakassia, nor in today's in republic of Qirghizistan of Central Asia. So we can analysis that this harp typed musical instrument can be originated from the similar musical instrument of the Scythian culture in the local region that must have been vastly spread to the Western Asia including the Western Siberia, Persian Area and Caucasian area since the 5th BCE. From this viewpoint, I would like to reconsider the origin

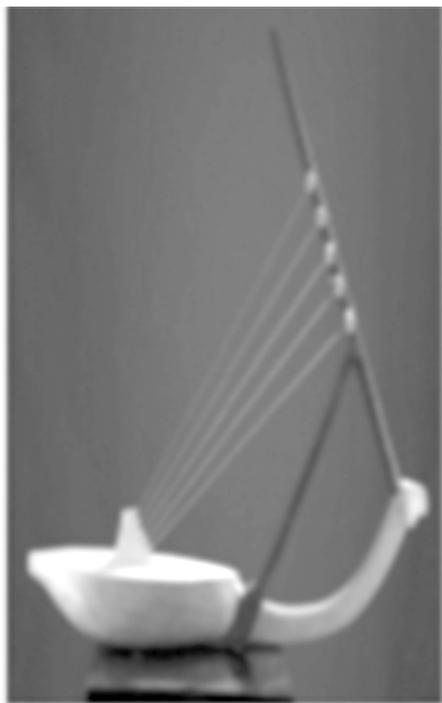

Fig.10: The harp type reconstructed by Susanna, S.

of this type musical instrument and the traditional cultural genesis in the Altai-Sayan areas in future.

Fig.11: Altai type harp reconstructed by the Gnezdilov of Barnaul in 1997 from the fragments of a musical instrument from the II. Pazyrk kurgan of the Gorno-Altai region (96,8 ×12,0×19,0 cm, 5-4 c. BC.) [10, p.42. Tab. 1419-III].

Abbreviations

SKT=Sokrovisha Kul'turi Tuvi: 2006, (Ed.) The Minisery of Tuva et al, Moskva..

Steppen Krieger=Bemmann, J, Müller, S., Shmauder, M (eds.) 2012. *Steppen Krieger, Reiter-nomaden des 7.-14. Jahrhunderts aufs der Mongolei*, Primus Verlag, Darmstadt.

Xin-Tang-shu=Xin Tang shu (new book of the Tang , 618-907), 225 juan, compiled by Quyang Xiu (1007-1072), Zhonghuashuju press, Peijing.

BIBLIOGRAPHIES

5. Törbat, T., Batsükh, D., Batbayar, T. Bayarkhuu, H., Iderkhangai, T. 2008. Mongol Altaigaas Ipersen khadni orshuulguud, *Studia Archaeologica* 2008, VI, pp. 274–292.
6. Törbat, T., Batsükh, D., Bemmann, J., Höllmann, T H, Zieme, P. 2009. A rock tomb ancinet Turkic period in the Zhargalant Khairkhan Mountians, Khovd aimag, with the oldest presearved horse-head fiddle in Mongolia-Preliminary report, *Vor- und Frühgeschichteliche Archäologie Rheinnische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn*. Bonn: University—Bonn Press. pp. 365–383.
7. Bazilkhan, N. 2010. Ertnij Türegijn yeijn Khogzhijn zemseg deerkh bichees : Tüükh-Soel'n Ur'dchislan Sudalgaa, *Bichees Sudlal* 9–23, pp. 272–277.
8. Tekin, T. Orhon Türkçesi Grameri, İstanbul, Simurg. Vainshtein, S.I. (1964) *Drevniya Por-Bazhin, Sovetskaya Etonografiya* 1964, No. 6, pp. 103.
9. Kormushin, I. V. 2008. *Tyurkskii Yeniseiskie Yepitafii, Gramatika Tekstorigiya*, Moskwa, Nauka.
10. Ōsawa, T. 1999. Tes Inscription, T. Moriyasu & A. Ochir (eds.) *Mongorukoku Genzon iseki hibunn choosa kenkyuu hookoku* (The provisional report of researches on historical sites and inscriptions in Mongolia from 1996 to 1988), pp. 158–167.
11. Kormushin, I. V. 1997. *Tyurkskii Yeniseiskie Yepitafii, Teksti I Issledobaniya*, Moskwa, Nauka.
12. Kyzlasov, L. R. 1969 *Istoriya Tuvi v srednie veka*, Moskva.
13. Hayashi, Toshio, 1999 *Soogensekaino tenkai* (Develoyment of the Steppen world) (in Japanese), *Chuuooajia no Kookogaku* (Archaeology of Central Eurasia), pp. 263–339.
14. Bruntsev, V. A. 2011. *Muzikar'nie Instrumenti Narodov Mira, iz V. A. Bruntseva, Illyustrirovannij Katalog*, Sanktpeterburg.

ИСТОРИЯ И ЭКОНОМИКА РОССИИ И ЕЕ РЕГИОНОВ

К ОЧЕРКАМ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ХАКАСИИ. СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (1920–1940 ГГ.)

Шулбаев В. К.

УДК 332.1

В работе на основе материалов Национального архива Республики Хакасия и опубликованной литературы показаны особенности развития промышленности на территории области в 1920–1940-е гг. Основными факторами размещения здесь крупных и средних предприятий золотодобывающей, горнорудной, лесной и деревообрабатывающей, пищевой промышленности народно-хозяйственного значения стали богатые природные и минерально-сырьевые ресурсы и транспортная доступность к ним в недавно образованной Хакасской автономной области. Важнейшими предпосылками развития промышленности послужили и результаты систематических геолого-изыскательских работ, проводимых на ее территории. Вместе с рассмотрением хода развития предприятий союзного значения в работе прослеживаются этапы преобразования мелких кустарных производств в небольшие и средние предприятия местной промышленности, производившие товары для организаций и населения региона.

Ключевые слова: развитие промышленности Хакасии, геолого-разведочные работы, минерально-сырьевые ресурсы, месторождения полезных ископаемых, рудник, рудоуправление, приисковое управление, лесозавод, золотодобывающая, горнорудная, лесная и деревообрабатывающая, пищевая промышленность, перерабатывающая промышленность, промышленность союзного значения, промышленные артели, промкомбинаты, местная промышленность, приисковые и рудничные поселки.

Развитие промышленного производства на территории современной Хакасии в дореволюционный период связано с началом очагового размещения предприятий золотодобычи (1832) и строительством Абаканского железодельного завода (1867). Несколько позже, в начале XX в., здесь появились предприятия по добыче меди: в 1904 г. общество «Енисейская медь» открыло рудник «Юлия», в 1913 г. московскими промышленниками был построен медеплавильный завод на реке Улень. Начались разработки каменного угля в 1901 г. на Изыхских и в 1907 г. Черногорских копиях.

Новые возможности для освоения природных ресурсов и размещения промышленных предприятий появились в Хакасии после завершения строительства Ачинско-Минусинской железной дороги и открытия грузового и пассажирского сообщения на линии Абакан – Ачинск – Красноярск в 1925 г. Ускоренными

темпами стала развиваться золотодобывающая, угольная, лесная и деревообрабатывающая, пищевая отрасли промышленности общесоюзного значения. Существенно расширился рынок сбыта продукции сельского хозяйства области и южных районов Красноярского края. Продукция в основном этих отраслей Хакасии пополняла ресурсы страны, направляемые на индустриализацию народного хозяйства СССР.

В 1920-е гг. в Хакасии началась работа по возрождению горнорудной, прежде всего золотодобывающей промышленности, имевшей солидный и довольно успешный опыт работы в условиях царской России. В этот период в стране, как известно, полным ходом шла реализация ленинского плана ГОЭЛРО, ставшего впоследствии важнейшей составляющей развития национальной промышленности.

В Хакасии в эти годы проводилась ревизия всех уже известных месторождений полезных

ископаемых и были организованы геологоразведочные работы для выявления и оценки новых запасов угля, железа, золота, меди, молибдена, вольфрама и других природных ресурсов.

И вскоре уникальные месторождения цветных металлов области, начиная с территории современных Ширинского и Орджоникидзевского районов, стали постепенно вовлекаться в народно-хозяйственный оборот. Золотодобывающая промышленность этой местности имела достаточные сырьевые запасы как для старательской, так и рудной (Масловская, Случайная и Благодатная жилы) добычи драгоценного металла. Возобновились работы на руднике «Богомдарованный», который в 1922 г. был переименован в рудник «Коммунар», в честь погибших коммунаров. С 1924 г. рудник стал входить в систему треста «Запсибзолото» Народного комиссариата тяжелой промышленности СССР¹.

На юге Хакасии, в Таштыпском районе, шло восстановление разработок россыпных месторождений золота по притокам р. Абакан и верховьям р. Томи. Действовали прииски: «Кизас», «Веселый», «Петропавловский», «Татьянинский».

С 1928 г. отрасль стала быстро развиваться. Государство вкладывает больше средств в проведение геолого-поисковых работ и создание крупных золотодобывающих предприятий вместе с необходимой им сферой обслуживания. Проектными организациями определялись основные направления развития предприятий и подготавливались необходимые документы. Так, в титульном списке треста «Запсибзолото» по капитальному строительству Коммунаровского приискового управления на 1932 г. приводится внушительный по объему перечень объектов строительства. Одновременно планировалось проведение геологоразведочных и горно-подготовительных работ, возведение производственных зданий и сооружений, установка оборудования, создание теплосилового, транспортного и складского хозяйств, строительство жилья, объектов коммунального хозяйства и социально-культурной сферы².

¹ Национальный архив Республики Хакасия (НАРХ). Ф.46. Оп. 1. Д. 84. Лл. 12–14.

² НАРХ. Ф. 164. Оп. 1. Д. 1. Л. 41.

С 1935 г. все золотодобывающие предприятия Хакасии стали работать в системе Государственного золотопромышленного треста «Хакасзолото» Народного комиссариата цветной металлургии СССР. В составе треста в Таштыпском районе, например, были созданы два приисковых управления. По материалам 1941–1942 гг., в Абаканском приисковом управлении действовало 5 старательских артелей, в Балыксинском работало 11 артелей [1].

Здесь на юге области, в сложных горно-таежных условиях создавалось и функционировало золотодобывающее производство, решались вопросы энергообеспечения, технологий, транспорта и связи. При этом строились приисковые поселки со школами, медицинскими пунктами, службами снабжения производства материально-техническими ресурсами и промышленными и продовольственными товарами трудящихся и их семей. В развитие и функционирование золотодобывающей промышленности в той или иной мере было вовлечено трудоспособное население большинства сел и деревень района.

На севере Хакасии, в пределах тогда еще Саралинского района, золотодобывающая промышленность стала основной отраслью хозяйства. Добыча золота в бассейнах Белого и Черного Июсов, Саралы, Чулыма и их притоков велась с использованием достижений техники и технологий тех лет. Создавалась и необходимая инфраструктура, включающая в себя разветвленную сеть дорог, гидростанции. Возникли рабочие рудничные поселки Знаменитый, Золотогорский, Коммунар, Орджоникидзевский, Приисковый. В поселках были построены хорошо оборудованные школы, больницы, дома культуры, успешно развивалось жилищное и коммунальное хозяйство. Эти пять рабочих поселков городского типа (из одиннадцати имеющих тогда в области) являлись настоящими культурными центрами в далекой горной и таежной окраине страны [2].

Строительство крупных металлургических комбинатов и создание целого ряда отраслей машиностроения СССР в первые пятилетки потребовало резкого увеличения изученных запасов железной руды и других полезных ископаемых.

В Хакасии известное Абаканское месторождение железной руды после революции несколько десятилетий практически не отрабатывалось. К моменту образования Таштыпского района работы на Абаканском железнорудном заводе были в очередной раз приостановлены. В 1926 г. завод был демонтирован, часть оборудования была перевезена на Гурьевский завод. Сохранившееся оборудование (вагранка, несколько старых токарных станков и др.) и производственное помещение механического цеха позднее послужили основой для создания промартели. Оставшиеся без работы специалисты литейного дела и механической обработки металла наладили производство сельскохозяйственного инвентаря для удовлетворения потребностей создающихся колхозов и оборудования для старательских артелей по добыче золота.

В 1931 г. был создан областной промышленный союз, и Абазинская промартель «Металлист» вошла в его состав. В последующие годы промартель расширила свое производство, выпускаемая в год до 100 т товаров широкого потребления. Она занималась заготовкой живицы, имела свой гужевой транспорт. Промартель работала до конца 1950-х гг. и вошла в состав вновь созданного Абазинского комбината бытового обслуживания [1].

С 1930 г. на Абаканском месторождении с длительными перерывами велись разведывательные работы. Во время войны в Абазе начал действовать строительный участок по подготовке объектов инфраструктуры для будущего рудника. Предприятие начало работать после окончания строительства железнодорожной ветки ст. Аскиз – Абаза. Первый состав с железнорудным концентратом Абаканского рудника был отправлен на Абагурскую агломерационную фабрику 18 июля 1957 г.

Увеличение объемов геолого-поисковых работ было особенно заметно в Ширинском районе, где велось исследование и уточнение промышленных запасов медно-молибденовых и вольфрам содержащих руд. Так, осенью 1935 г. еще в ходе продолжающихся изысканий Туимской геологоразведочной партии началось строительство обогатительной фабрики на одноименном рудоуправлении, а уже в 1937 г. предприятие

стало выпускать свою основную продукцию – шеелитовый концентрат. В тот первый год Туимским рудоуправлением было произведено товарной продукции на 500 тыс. руб. (в ценах соответствующих лет), на предприятии работало 99 чел., в т. ч. 68 рабочих. В последующие годы предприятие продолжало развиваться, увеличивались мощности по обогащению руды, росла численность промышленно-производственного персонала.

В 1943 г. Туимское горнопромышленное управление (Туимское рудоуправление «Туимредмет») Министерства цветной металлургии СССР было уже довольно крупным предприятием отрасли, в составе которого действовали горный цех, обогатительная фабрика, водонасосная, электростанция № 1 и № 2, хозяйственный цех, механический цех, гараж, строительный цех, геологоразведочная партия, служба продовольственного снабжения.

Трудовой коллектив рудоуправления прилагал большие усилия для выполнения и перевыполнения своих обязательств перед страной. По итогам социалистического соревнования среди предприятий цветной металлургии за успешное выполнение плана декабря 1942 г. по добыче руды на 111,2 % и по проходкам на 105 % Туимскому рудоуправлению «Туимредмет» была присуждена первая премия Всесоюзного Центрального Совета Профессиональных Союзов (ВЦСПС) и Народного комиссариата цветной металлургии СССР. По итогам января 1943 г. предприятию вновь было вручено переходящее Красное знамя ВЦСПС и Наркомцветмета с выдачей первой премии. И далее по итогам работы за март и май 1943 г. коллектив рабочих, инженерно-технических работников и служащих Туимского горнопромышленного управления занимал вторые места в этом социалистическом соревновании с вручением денежной премии¹.

С начала образования Хакасской автономной области стали увеличиваться объемы освоения ее богатых и в первую очередь наиболее доступных лесных ресурсов. Для бурного экономического роста в стране требовалось огромное количество круглого леса и пиломатериалов.

¹ НАРХ. Ф. 635. Д. 696. Л. 1, 7, 9, 13.

Всем лесосырьевым регионам страны стали доводиться напряженные, трудновыполнимые задания по заготовке древесины. Техники практически не было, главной производительной силой в отрасли были рабочий и колхозник. Для перевозки древесины использовались лошади. С чего начиналась лесная и деревообрабатывающая промышленность Хакасии, можно судить по одному факту из жизни тех лет. Так, в «Окончательном плане распределения и использования гужевой и рабочей силы на 1-й квартал 1931 г. по сельским советам Богградского района Хакасской автономной области», рассмотренном на заседании президиума исполкома райсовета, были установлены следующие показатели и задания для работ.

Средняя норма вывозки леса на одну лошадь была определена в 1,16 кубометров в день, а в квартал – 58 кубометров (куб. м). Средняя норма заготовок леса на одного рабочего в день составляла 1,56 куб. м, в квартал – 78,2 куб. м.

План вывозки лесоматериалов всего по сельским советам был установлен в объеме 86130 куб. м, в том числе по единоличным хозяйствам – 63510 куб. м, по колхозам – 22620 куб. м. Для выполнения указанного объема работ необходимо было мобилизовать 1485 лошадей, из них единоличные хозяйства должны были поставить 1095 лошадей, колхозы – 390 лошадей. Для работ в лесу нужно было направить 766 человек¹.

Перевозки грузов и в других районах области осуществлялись обычным в те годы гужевым транспортом. При поступлении важных государственных заданий, основываясь на действующих положениях и распоряжениях Западно-Сибирского крайисполкома (до 1934 г.) и Хакасского облисполкома, райисполкомы принимали постановления о труд-гуж-повинности, по которым единоличные хозяйства и колхозы выделяли людей и подводы для транспортных работ. В 1931 г., например, так выполнялись задания по вывозке грузов и лесоматериалов для дирекции рудоуправления Саралинской системы и ст. Сонского учлесхоза, заготавливающего лесоматериалы для Энергостроя Кемеровской Электроцентрали.

Еще в 1929 г. постановлением Совета Народных Комиссаров СССР было принято решение о строительстве крупного лесозавода в Хакасии. Промышленная площадка под строительство предприятия была выбрана вблизи аала Аскиров на берегу Енисея, в 18 км от г. Абакана и в 10 км от ближайшей железнодорожной станции «Черногорские копи» Абаканского отделения Красноярской железной дороги. Удобное размещение предприятия рядом с протоками Тихая и Аскировская на сплавных путях по рекам Абакану и Енисею давало возможность выгодной доставки большей части леса, перерабатываемого на заводе.

Строительство предприятия было начато в 1930 г., а через два года, в 1932 г., состоялся запуск производственных мощностей. В год ввода предприятия в эксплуатацию численность персонала составила 568 чел., из них 318 рабочих. Было произведено 51,1 тыс. куб. м пиломатериалов, которые в основном были направлены на строительство Днепровской ГЭС, предприятий и организаций Кузбасса («Кузнецкстрой», «Кузбасжилстрой») и другие регионы, часть использована в собственном строительстве.

Формирование трудового коллектива шло в основном за счет сельского населения соседних правобережных Краснотуранского и Идринского районов Красноярского края, репрессированных лиц и спецпереселенцев. Для проживания прибывающих рабочих строились дома барачного типа, затем двухэтажные дома, позднее были построены детские ясли, 2-х этажное общежитие на 50 мест, на первом этаже которого поместили детский сад на 80 мест.

Основными строительными материалами при сооружении производственных зданий, жилья и социальных объектов служили дерево и бутовый камень. Лесопильный и построенный в 1935 г. деревообрабатывающий цеха были деревянными. Из бутового камня были сооружены котельная паросилового хозяйства, кузница, ремонтно-механическая мастерская, гараж и сушильные камеры. В деревообрабатывающем цехе были установлены 23 станка, первой продукцией были стулья.

Лесозавод стал самым крупным предприятием перерабатывающей промышленности

¹ НАРХ. Ф. Р-86. Оп. 1. Д. 146. Л. 4.

вновь образованной Хакасской автономной области и вошел в число важнейших для экономики страны производственных объектов, построенных в годы первых советских пятилеток.

С 1932 г. началась история становления другого крупного перерабатывающего предприятия Хакасии и, как оказалось впоследствии, всей страны – Абаканского мясокомбината. Находилось предприятие в северо-восточной окраине областного центра, первые производственные помещения состояли из нескольких деревянных построек барачного типа. Все работы велись вручную, условия труда были тяжелыми. Местные жители в довоенные годы долго называли это предприятие бойней.

Дальнейшее развитие мясокомбината происходило уже на новой территории, в западной части г. Абакана, начиная с 1949 г., когда стали создавать производственные мощности по перерабатываемой проектно-сметной документации.

В районах, в сельской местности области были свои особенности возникновения и развития кустарного, а затем и промышленного производства необходимых населению товаров. Возьмем, к примеру, уже упомянутый нами Богградский район. В отчете о работе райисполкома за январь-март 1926 г. говорилось о функционировании в районе небольших предприятий по первичной переработке сельскохозяйственного сырья, оказывающих специальные услуги коллективным и единоличным крестьянским хозяйствам. Отмечалось, что на территории района работало 18 мельниц, действовало 1 маслобойный завод, 13 кузниц и слесарных мастерских и «прочих мастерских» – 1 ед. В отчетах сельских Советов о численности жителей по территории района есть графы по их социальному происхождению. Почти в каждом сельсовете фиксировалось небольшое количество кустарей и рабочих. Кто-то в селе занимался обжигом извести, бондарным делом и другими промыслами. А это зачатки и элементы промышленного производства.

В сфере торговли, снабжения и сбыта в районе действовало 8 обществ потребителей и 3 кредитных товарищества, которыми производились заготовки хлебопродуктов и сырья¹.

В 1930-е гг. в с. Боград был построен пищекомбинат, который являлся первым предприятием в системе Народного комиссариата пищевой промышленности в Хакасской автономной области.

В 1935–1939 гг. шел процесс образования и развития производственного объединения Раймаслопром, в составе которого действовали Копенский, Знаменский, Бородинский, Сонский сырзаводы и Совхакасская, Первомайская и Троицкая сыроточки. При Раймаслопроме имелось свое подсобное хозяйство. Это производственное объединение перерабатывало поставляемое совхозами, колхозами и частными сдатчиками молоко и масло топленое, выпускало конечную продукцию в виде молока, сыров, масла, казеина. В годы войны на сырзаводах сушили картофель.

Технологический процесс в те годы оставлял желать лучшего: труд не был механизирован, продукция производилась вручную. Масло, например, производилось на ручных сбойках, сыр варили в деревянных чашах, продукцию охлаждали с помощью льда.

В Богградском районе в 1930-е гг. работали артели: «Маяк» и им. Микояна. Артель «Маяк» находилась на ст. Сон, занималась изготовлением валенок. Артель им. Микояна работала в Бограде, где трудящиеся изготавливали кирпич, сани, выжигали известь, производили пиломатериалы. В 1939 г. было проведено объединение двух артелей, и на их базе был создан Райпромкомбинат.

В 1940 г. промкомбинатом были построены и пущены в эксплуатацию кузнечная, гончарная и пимокатная мастерские. Предприятие продолжало производство кирпича, извести, занималось лесопилением, изготовлением дуг. Для нужд сельского хозяйства, например, промкомбинатом и леспромхозом вырабатывалось две тысячи кубометров пиломатериалов.

Во время войны в промкомбинате шили одежду для военнослужащих, продолжали выпускать пиломатериалы и изделия из них.

Подобные производственные объединения (маслопромы, промкомбинаты), создаваемые на базе небольших предприятий, артелей, действовали и в других районах области.

¹ НАРХ. Ф. Р-86. Оп. 1. Д. 7. Л. 92, 207.

Таким образом, в довоенные годы активное развитие промышленного производства в Хакасии шло как путем размещения и строительства крупных предприятий добывающей и обрабатывающей промышленности союзного и республиканского значения, так и создания средних и малых предприятий местной промышленности.

В результате в 1940 г. выпуск валовой продукции промышленности области превысил уровень 1913 г. в 22 раза, удельный вес крупной промышленности составил более 60 %. А в конце

1940-х гг. доля промышленности в общем объеме продукции, выпускаемой и промышленностью и сельским хозяйством области, выросла до 60 % [2].

ЛИТЕРАТУРА

1. Таштыпский район. История и современность. – Абакан, 2008.
2. Колобков, М. Н., Протопопов, Н. Н. Хакасская автономная область. – Новосибирск, 1949.

УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН ПО ПОЛИТИЧЕСКИМ МОТИВАМ В 1939–1941 ГГ. (НА ПРИМЕРЕ ХАКАССКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ)

Степанов М. Г.

УДК 930 (091)

В статье на базе архивных документов показан процесс уголовного преследования жителей Хакасской автономной области в 1939–1941 гг.

Ключевые слова: **сталинизм, политические репрессии, террор, «контрреволюционные преступления», историография, Хакасия.**

Проблематика сталинских политических репрессий в СССР в настоящее время уже не является «белым пятном» в новейшей историографии. Но несмотря на это, до сих пор в современной исторической науке отсутствуют однозначные оценки данного процесса, вследствие чего тема политических репрессий носит и по настоящее время актуальный характер. Наиболее интенсивное исследование сталинских политических репрессий началось со второй половины 1980-х гг. в связи с реализацией принципа «перестройки» – политики гласности. Фактически государство лишь 23 июня 1992 г. санкционировало доступ исследователей к ранее недоступным архивным фондам в связи с публикацией Указа Президента РФ «О снятии ограничительных гриффов с законодательных и иных актов, служивших основанием для массовых репрессий и посягательств на права человека» [1, с. 5–6].

Решающее влияние на ограничение репрессий в СССР оказало закрытое постановление СНК и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г. «Об арестах и прокурорском надзоре и ведении следствия». В постановлении было предписано: «1) Запретить органам НКВД и прокуратуры производство каких-либо массовых операций по арестам и выселению. 2) Ликвидировать судебные тройки... 4) Обязать органы прокуратуры в точности соблюдать требования Уголовно-процессуальных кодексов по осуществлению прокурорского надзора за следствием, производимым органами НКВД...» [2, с. 307–308].

Появление данного постановления являлось характерным признаком заметного ослабления политических репрессий в СССР, но не их прекращения.

По данным Г. М. Ивановой, после «большого террора» 1937–1938 гг. количество смертных казней в СССР резко уменьшилось. Основным

видом наказания стало заключение в исправительно-трудовые лагеря на 10 лет [3, с. 46].

Анализируя особенности арестов жителей Сибири, обвиненных в совершении «контрреволюционных преступлений», С. А. Папков на примере Красноярского края показал: «В Красноярском крае за 1940 год осудили 260 человек, «занимающихся контрреволюционной деятельностью», в основном – «агитацией и пропагандой, направленной на подрыв советского строя» (168 человек). «Агитация и пропаганда» выражалась в «клевете на материальное положение трудящихся в СССР», «дискредитации вождей ВКП(б)», «распространении религиозных взглядов», «восхвалении врагов народа». Вместе с тем, по мнению С. А. Папкова, вышеприведенная статистика свидетельствует о том, что остается неизвестным число арестов и казней, произведенных управлением НКВД Красноярска, т. к. мы располагаем данными по уголовным делам, которые проходили только через краевой суд [4, с. 239–240].

Политические репрессии в Хакасии в предвоенный период были генетическим продолжением общего процесса развития карательной политики, которая получила распространение ранее. Арестованных по «контрреволюционным преступлениям» граждан в 1939 – первой половине 1941 г. условно можно разделить на три группы. Критерием такого подразделения может служить форма предъявляемых обвинений: первая – «контрреволюционное вредительство», вторая – «шпионаж» и третья – «контрреволюционная агитация и пропаганда». Такая классификация дает возможность провести некоторую систематизацию, необходимую при общем анализе репрессивной политики в регионе.

К первой группе можно отнести возбужденное в 1939 г. дело, по которому к уголовной ответственности управлением НКВД по Хакасской автономной области был привлечен М. В. Репин и другие арестованные граждане. В ходе проведения предварительного следствия выяснилось, что: «...Арестованный Репин, будучи по своему социальному статусу служащим, состоял членом ВКП(б) с 1917 по 1938 г. и был исключен за непринятие мер по ликвидации последствий вредительства и засорения аппарата коллектива

чуждым элементом, работая управляющим треста «Хакаслес»... Статьей обвинения выступила статья 58-7 УК РСФСР «Подрыв государственной промышленности, транспорта, торговли, денежного обращения или кредитной системы»¹.

Следствие предъявило обвинение арестованному М. В. Репину в том, что: «...он организовал и возглавлял в тресте «Хакаслес» контрреволюционную вредительскую подрывную деятельность в области срыва выполнения плана лесозаготовок, срыва капитального строительства и вывода из строя автотранспорта, незаконное расходование оборотных средств, в итоге нанес государству 2898000 рублей ущерба». Обвиняемый в совершенных преступлениях свою вину не признал². Через полгода данное уголовное дело было закрыто за недоказанностью состава преступления³. Такое смягчение, а точнее, отсутствие серьезного наказания в конкретном уголовном деле объясняется введением в действие постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г., когда были наложены ограничения со стороны партийно-государственных органов на деятельность региональных управлений НКВД СССР.

Ко второй группе репрессированных граждан по политическим преступлениям следует отнести лиц, обвиняемых в организации и участии в «шпионско-диверсионных группах». В 1940 г. было возбуждено уголовное дело, в котором фигурировали несколько человек. Обвинительное заключение имело следующую формулировку: «На территории Хакасской автономной области был вскрыт контрреволюционный бело-гвардейско-эсеровский заговор, организованный по заданию японской разведки, возглавляемый областным штабом в лице подполковника колчаковской армии Н. М. Карелина и других лиц. Участники заговора ставили своей задачей подготовку нападения контрреволюционных повстанческих капиталистическо-фашистских стран на СССР и с их помощью свержения Советской власти в стране»⁴. «Участники» данной «контрреволюционной группы» во главе с

¹ НАРХ. Ф. Р-674. Оп. 1а. Д. П-8487. Л. 1.

² Там же. Л. 2.

³ Там же. Л. 3.

⁴ НАРХ. Ф. Р-674. Оп. 1а. Д. П-11278. Л. 48.

Н. М. Карелиным были подвергнуты наказанию в виде лишения свободы сроком до 10 лет и отбыванием наказания в исправительно-трудовых лагерях НКВД¹.

Объектами преследований со стороны карательных органов стали также представители китайской национальности, которые были интернированы в СССР во время гражданской войны в Китае. В 1939 г. на территории Хакасии органами НКВД «была вскрыта и ликвидирована бандитско-диверсионная организация, созданная японской разведкой среди интернированных и местных китайцев, среди которых имелось значительное количество участников японофильских организаций «Мин-Хе» и «Мин-сен-дан», завербованных в 1923–1933 гг. японской разведкой в Маньчжурии и переброшенных в СССР под видом партизанских китайских отрядов, вынужденных якобы отступить от японской армии на территорию СССР. Организация состояла из повстанческо-диверсионного отряда в г. Черногорске и повстанческо-диверсионных групп на приисках Таштыпского, Ширинского, Усть-Абаканского районов². Руководителем обозначенной следствием «бандитско-диверсионной организации» был поставлен выходец из Китая Чин-Фун-Тен³. Все арестованные, проходившие по данному делу, в соответствии со статьей 58-б «Шпионаж» были подвергнуты высшей мере наказания – расстрелу⁴.

Следует обратить внимание на такой важный факт, что ведение следственных мероприятий в отношении части китайцев, компактно проживающих в Хакасии, осложнялось тем, что многие подследственные вообще плохо понимали тяжесть предъявляемых им обвинений из-за недостаточного владения русским языком. Даже свои подписи, подтверждающие показания, они ставили в протоколах допроса, используя иероглифические знаки.

К третьей группе арестованных по обвинению в государственных преступлениях можно отнести тех граждан, которые обвинялись только в «проведении контрреволюционной агитации и пропаганды».

В качестве примера можно привести обвинение И. П. Владимировой, арестованной в 1940 г., которое строилось на том, что: «...в 1932 г. она вместе с мужем лишилась избирательных прав, раскулачивалась, к работе относится халатно, занимается хищением материальных средств на производстве, за что имеет взыскания, систематически ведет антисоветскую и контрреволюционную агитацию среди рабочих Леспромхоза, распространяет клевету на советскую торговлю, на коммунистов и рабочих-стахановцев, заявляя, что рабочих морят голодом»⁵. В ходе следствия на допросах арестованная виновной себя не признала. Особое совещание при НКВД СССР постановило сослать И. П. Владимирову сроком на 5 лет в один из районов Казахстана⁶.

В 1940 г. по аналогичному обвинению к уголовной ответственности был привлечен П. М. Жилкин, который: «Проживая на станции Копьево Саралинского района Хакасской автономной области, 21 октября 1940 г. явился в клуб, будучи завклубом, им. Кирова в нетрезвом состоянии, будучи настроен против политики партии и советского правительства, с целью проведения контрреволюционной агитации среди населения против Советской власти, поднял в клубе дебош, наносил удары нескольким совершенно невиновным гражданам, проповедуя, что рабочим в условиях Советской власти жить трудно, что хорошо живет тот, кто занимает ответственные посты, указывая конкретно на портреты вождей и их соратников, висевшие на стене в клубе... Кроме того, Жилкин, будучи призывником в РККА, от призывной переподготовки уклонился и это объяснял тем, что он не желает и не будет служить в Красной армии, не будет принимать военную присягу, так как не желает защищать несправедливое государство – СССР»⁷. Хакасский областной суд приговорил арестованного по данному делу Жилкина на основании статьи 58-10 ч. I УК РСФСР к десяти годам лишения свободы в ИТЛ с последующим

¹ НАРХ. Ф. Р-674. Оп. 1а. Д. П-11278. Л. 53.

² НАРХ. Ф. Р-674. Оп. 1а. Д. П-11095. Л. 2.

³ Там же. Л. 3.

⁴ Там же. Л. 260.

⁵ Там же. Д. П-18773. Л. 30.

⁶ Там же. Л. 32.

⁷ НАРХ. Ф. Р-674. Оп. 1а. Д. П-20159. Л. 84.

поражением в избирательных правах сроком на пять лет¹.

В 1940 г. определенные изменения коснулись также самого характера репрессий. Государством периодически расширялось понятие политического преступления, включавшее в него правонарушения, которые обычно понимались как неполитические. В 1940 г. оно впервые в законодательном порядке закрепило необычайно суровые наказания за обычные преступления. Следует отметить, что до этого, вводя приговоры к лишению свободы на срок от пяти до восьми лет для директоров заводов, ответственных за производство недоброкачественной продукции (повышался прежний лимит приговоров на три года), соответствующий закон описывал это преступление как «противогосударственное», что намекало на мягкую степень политизации. Однако навязывание минимального срока в один год тюремного заключения за совершение мелких краж на заводах, как и за хулиганство, представляло собой качественное новое ужесточение законов [5, с. 409].

Эти изменения были связаны с положением в экономической сфере. Внешнеполитические неудачи СССР, особенно советско-финская война 1939–1940 гг., выявили значительные слабости хозяйственной системы. Проблемы заключались в низкой эффективности труда на государственных предприятиях, в колхозах и совхозах, в хроническом дефиците многих товаров, низком качестве выпускаемой продукции. В условиях надвигавшегося вооруженного конфликта с нацистской Германией экономические трудности в СССР приобретали особую остроту. В результате летом 1940 г. произошло ужесточение производственного законодательства.

26 июня 1940 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений». Вследствие этого указа рабочее время каждого трудящегося увеличивалось в среднем на 33 часа в месяц. Самовольный уход с предприятия карался тюремным заключением на срок от двух до четырех месяцев, прогул без уважительной

причины – осуждением к исправительно-трудовым работам (ИТР) по месту работы на срок от шести месяцев с удержанием до 25 % заработной платы. 10 июля этого же года вышел другой Указ Президиума Верховного Совета СССР, который приравнивал к вредительству со всеми вытекающими отсюда последствиями выпуск недоброкачественной и неукomплектованной продукции, несоблюдение обязательных стандартов [6, с. 281–286].

На примере сибирского региона С. А. Папков рассмотрел реализацию данного Указа. В частности, автор отметил: «Таких масштабов использования судебной машины против граждан история Сибири до сих пор не знала. По некоторым сведениям, в ряде городов Кузбасса в 1940 г. вследствие массового притока осужденных за прогулы и уход с работы камеры временного заключения оказались переполненными» [7, с. 244].

С выходом Указа от 26 июня 1940 г. прокуратурой Хакасской автономной области была проделана в 1940 г. следующая работа: «За период с 26 июня 1940 г. по 10 августа 1940 г. в органы прокуратуры области поступило о прогулах и самовольном уходе от учреждений и предприятий 323 дела, из них прокуратурой принято к своему производству 315 дел, по отдельным 8 делам в возбуждении уголовного преследования отказано по мотивам отсутствия состава преступления. Из 315 принятых к своему производству дел областной прокуратурой закончено следствием и передано в суд: 1) за прогул – 262 дела; 2) за самовольный уход с работы – 39 дел; 3) на директоров учреждений и предприятий за уклонение от предания суду лиц, виновных в нарушении указа, – 1 дело. Сроки расследования: 1) до трех дней 298 дел; 2) свыше трех дней – 4 дела. Меры наказания по указанным делам: 1) до 3-х месяцев ИТР – 79 дел; 2) от 3-х месяцев до 6 месяцев ИТР – 177 дел; 3) тюремное заключение – 39 дел; 4) прекращено и оправдано судом – 7 дел»².

Примером нарушения трудовой дисциплины на основе Указа от 26 июня 1940 г. может служить уголовное дело, возбужденное в отношении И. А. Кожевникова – отбойщика шахты

¹ Там же. Л. 99.

² НАРХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 475. Л. 3.

ЛИТЕРАТУРА

№ 3 г. Черногорска, который «...в период работы на шахте неоднократно менял место работы, мотивируя это тем, что ему тяжело работать на этих работах... 5 июля 1940 г. Кожевников опоздал на работу на 3 часа, а 6 июля совсем не вышел на работу и гулял по 11 июля включительно. Кожевников осужден народным судом к четырем месяцам тюремного заключения»¹.

Выход в свет двух этих указов привел к появлению в СССР, в том числе и в Хакасии, нового вида уголовного преступления в отношении рабочих и служащих. Применение наказаний, предусмотренных данными указами (исправительно-трудовые работы и тюремное заключение), явилось, по существу, новым дешевым источником рабочей силы для государства, помимо всеобъемлющей системы ГУЛАГа.

В целом можно констатировать, что масштабы политических репрессий в Хакасской автономной области были резко сокращены. Данная тенденция стала характерной с 1939 г., когда политика «большого террора» была свернута сверху. По «контрреволюционным преступлениям» были осуждены группы граждан, которые обвинялись: 1) во вредительстве; 2) шпионаже и 3) систематическом проведении контрреволюционной пропаганды и агитации. Обвинение этих групп граждан строилось без надежной доказательной базы, единственным подтверждением совершения преступления перед государством были свидетельские показания и самопризнание арестованного. Кроме того, расширилась законодательно-нормативная база репрессивной политики в СССР после выхода в 1940 г. указа о нарушении трудовой дисциплины на предприятиях и учреждениях, распространившим уголовную ответственность на рабочих и служащих. Данный указ реанимировал фактор массовости в проведении карательной политики государством, несмотря на параллельное сокращение в регионе преследований по политическим преступлениям. В целом снижение масштабов репрессий с 1939 г. не изменило коренным образом форм и методов террора в Хакасии, где активным образом продолжалось выявление «контрреволюционных элементов».

¹ НАРХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 475. Л. 5.

1. Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. – М., 1993.
2. История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Т. 1. Массовые репрессии в СССР. – М., 2004.
3. Иванова, Г. М. ГУЛАГ в системе тоталитарного государства. – М., 1997.
4. Папков, С. А. Сталинский террор в Сибири. 1928–1941. – Новосибирск, 1997.
5. Соломон, П. Советская юстиция при Сталине. – М., 1998.
6. Уголовный кодекс РСФСР. Комментарии / Под ред. председателя Верховного Суда РСФСР И. Т. Голякова. – М., 1946.
7. Папков, С. А. Сталинский террор в Сибири. 1928–1941. – Новосибирск, 1997.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СЕМЬИ И ШКОЛЫ В ВОСПИТАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ В ГОРОДАХ ХАКАСИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1940-х – 1950-е ГГ.)*

Кискидосова Т. А.

УДК 94 (47)

Статья посвящена проблеме взаимодействия семьи и школы в городах Хакасии в послевоенное время. На основе широкого круга источников показано, что слабая связь между школой и семьей способствовала росту безнадзорности и преступности среди детей. Автор приходит к выводу, что вовлечение родителей в воспитательный процесс проходило медленно и имело ряд трудностей.

Ключевые слова: **семья, школа, город, Хакасия, родители, ученики, учителя.**

Семья является важной средой духовно-нравственного формирования личности ребенка и главнейшим институтом воспитания, отвечающим не только за социальное воспроизводство населения, но и за воссоздание определенного образа его жизни. Именно в семье происходит социализация ребенка, формируются первые устойчивые впечатления об окружающем мире, усваиваются общечеловеческие нормы и ценности в процессе взаимоотношения с другими людьми. Семейное воспитание зависит от многих обстоятельств, среди которых главную роль играет образ жизни и поведение родителей [1, с. 227].

В советский период в СССР осуществлялась государственная политика, приоритетом которой при всех различных подходах в разные периоды было общественное воспитание. При этой политике семья занимала второстепенное место после школы по степени влияния на процесс формирования личности ребенка, обуславливала трудности становления теории семейного воспитания, как и научного руководства, практикой воспитания детей в семье. В послевоенное время в стране сложилась ситуация, когда остро встала проблема взаимодействия школы и семьи в воспитательном процессе. В этот сложный восстановительный период значительная часть детей осталась сиротами или потеряла своих родителей во время эвакуации. Типичной семьей того времени была неполная и часто неблагопо-

лучная семья. Многие родители самоустранились от проблем нравственного и личностного воспитания своих детей, что привело к резкому росту детской безнадзорности, усилению негативных явлений в детской и подростковой среде. Одними из основных задач школы тех лет в воспитательном процессе были установление связи учителей с родителями учащихся и вовлечение семей учащихся в учебно-воспитательный процесс.

В городах Хакасии в послевоенный период, так же как по всей стране, стала острой проблема взаимодействия школы и семьи в воспитании учащихся. На Черногорской городской партийной конференции 1948 г. рассматривался вопрос о проведении воспитательной работы в образовательных учреждениях. Отмечалось, что ответственность за воспитательный процесс, кроме школы, должны нести семья и общественная среда, в которой находятся дети. Следовательно, для воспитания молодого поколения требовалось большее внимание семьи и общественности. Участники конференции признали, что воспитательная работа в школах города «находится не на должном уровне»¹. В учебных заведениях наблюдались многочисленные нарушения дисциплины: драки, порезы пальто в школьных раздевалках, грубое обращение учеников к учителям и т. д. Ненормальная обстановка с дисциплиной в школах была связана с нехваткой дошкольных и образовательных учреждений в городе. Три черногорские школы были перегружены учащимися, обучение шло в три смены.

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 13-11-19007 а/Т и Правительства Республики Хакасия.

¹ Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Оп. 20. Д. 307. Л. 113.

На ближайшее время не было запланировано строительство новых школ. В партийные органы поступали сигналы о том, что «некоторые коммунисты передоверили воспитание детей старым бабушкам, и имели место факты крещения детей»¹.

Подобная ситуация сложилась не только в Черногорске, но и в Абакане. Переполненность детей в детских садах и школах, а также аварийное состояние зданий приводили к закрытию заведений. Учителя мало уделяли внимания воспитательной работе с учащимися, на уроках была слабая дисциплина. Многие классные руководители ограничивались работой с детьми только в рамках школы. Поведение учеников вне школы мало интересовало педагогический коллектив. Не выполнялось указание городской администрации, чтобы учащиеся посещали кино, театры и другие общественные места организованно под руководством учителей. При проверке абаканской средней школы № 10 было выявлено, что значительная часть учителей и классных руководителей не знала сильных и слабых сторон своих учеников².

Некоторые дети школьного возраста не посещали школьные занятия, находились вне контроля семьи и школы. Например, в 1947 г. по участку абаканской средней школы № 1 отсутствовало 27 чел. Подобная ситуация была связана прежде всего с тем, что учебно-воспитательная работа была на низком уровне. В то время как в большинстве образовательных учреждений воспитательная работа находилась в неудовлетворительном состоянии, во многих городских семьях воспитанию детей уделялось сравнительно мало времени или вообще дети были предоставлены сами себе. Родители, занятые на производстве, не проявляли должного внимания воспитательному процессу. В ряде семей дети были очевидцами аморального поведения собственных родителей. Местные власти принимали решительные меры в отношении родителей, забросивших собственных детей. Например, согласно решению исполкома Абаканского городского Совета, у работницы треста маслопрома Ивановой забрали сына 11 лет и передали в детский дом. Супруг

Ивановой погиб на фронте, она вела аморальный образ жизни и не занималась воспитанием ребенка. Её сын не посещал школьные занятия, имел два привода в милицию и вел беспризорный образ жизни. Последний раз органы милиции нашли его спящим на вокзале. Многие родители посылали своих детей в магазин, чтобы купить папиросы или водку. Продавцы магазинов, несмотря на запрет продажи алкоголя и табака лицам, не достигшим совершеннолетнего возраста, отпускали товар. Учащиеся курили на улицах, а взрослые часто давали им подкурить, в магазине на сдачу вместо денег детям могли дать папиросы или спички. Городской администрацией было принято решение напомнить руководству Хакторга о запрете торговым работникам продажи спиртных напитков и табачных изделий, вплоть до увольнения с работы. Часто родители нарушали школьный режим, приводили на вечерние спектакли или киносеансы несовершеннолетних детей или отпускали их на вечерние сеансы³.

Нередко родители, упустив своих детей, покрывали их преступления. У жителя Абакана Александра Дмитриевича Коновалова, работавшего главным бухгалтером на базе Хакпотребсоюза, был сын Виктор (1929 г. р.). В 1945 г. Виктор был осужден народным судом за воровство. Отец ходатайствовал перед областным судом об изменении приговора и освобождении сына из заключения под его ответственность. Но и после освобождения Виктор продолжал вести аморальный образ жизни, его тянуло к совершению нового преступления. В ночь с 6 по 7 ноября 1947 г. Виктор Коновалов с друзьями обокрал склад Хакпотребсоюза, похитив материальных ценностей на сумму 17 тыс. руб. 2 февраля 1948 г. он вновь с группой лиц совершил преступление, они ограбили магазин Хакторга № 16 и убили сторожа. При задержании преступники оказали вооруженное сопротивление сотрудникам милиции, впоследствии они были осуждены. За преступную деятельность сына был наказан и Александр Дмитриевич. Бюро горкома ВКП(б) исключило его из рядов коммунистической партии за нежелание воспитывать сына в советском

¹ Там же. Л. 81.

² ГАКК. Оп. 23 Д. 384. Л. 105.

³ ГАКК. Оп. 24. Д. 265. Лл. 49, 50.

духе, попустительстве его преступных действий, приведших к воровству и убийству¹.

В Абакане участились преступления, совершаемые детьми, в основном это были кражи и хулиганства. С 1 июля по 20 декабря 1951 г. органы милиции задержали 47 безнадзорных детей за различные нарушения, в т. ч. 34 чел. – за озорство, уличное хулиганство и кражи. Из задержанных 35 чел. были учащиеся школ. В 1952 г. значительно увеличилось количество нарушений, совершенных детьми. С 1 января по 25 марта (менее чем за три месяца) 1952 г. органы МВД задержали 57 чел., из них 43 чел. являлись учащимися школ. С сентября по октябрь 1952 г. в Черногорске были задержаны 10 детей школьного возраста, занимавшихся воровством².

В 1950 г. Юрий Туговиков (1932 г. р.), член ВЛКСМ, совершил кражу и был осужден. Студенты сельскохозяйственного техникума Груздев (1929 г. р.) и Шевченко (1932 г. р.) учинили хулиганство по отношению к девушкам, также были осуждены. В 1951 г. рабочий мясокомбината Мохов (1933 г. р.) убил собственного отца. В строительном-монтажном управлении Абакана было устроено 62 воспитанника Абаканской трудовой воспитательной колонии. С ними не проводилось воспитательной работы, материально они не были обеспечены. Им даже не выдали одежду. Воспитанники занимались кражами на рынке, продавали белье и постельные принадлежности, выданные им в колонии. Из 62 воспитанников в строительном-монтажном управлении осталось 3 чел., остальные либо уволились по собственному желанию, либо сбежали. Трое воспитанников были осуждены за совершение различных преступлений³.

Одно из самых проблемных мест в работе школ послевоенного времени было крайне слабое взаимодействие семьи и школы в вопросах воспитания детей и неудовлетворительная работа родительских комитетов. Некоторые родители не проявляли желания взаимодействовать со школой в воспитании своих детей. Безответственное отношение к выполнению родительского долга в вопросе воспитания детей

было свойственно не только родителям, которые вели аморальный образ жизни и опустили, но и тем, кто занимал руководящие должности. Так, например, сын заместителя областного прокурора Хатуцкого, ученик седьмого класса средней школы № 1, постоянно дезорганизовывал работу учителей, плохо учился и хулиганил. Его классный руководитель, молодой педагог Тамбасова, прилагала много усилий к исправлению поведения ученика, однако всё оказалось безрезультатно. Ученик Хатуцкий вел себя вызывающе, приходил в школу с невыполненными домашними заданиями, был неряшливо одет и постоянно грубил учителям. Просьбы Тамбасовой прийти родителям в школу для беседы были ими игнорированы. Тогда она решила сама прийти к отцу Хатуцкого в учреждение и, прождав в приемной больше часа, попала к нему в кабинет. Однако разговор с отцом не привел к положительным результатам, ученик продолжал безобразно себя вести. Тогда Тамбасова была вынуждена поставить вопрос о поведении Хатуцкого на педагогическом совете с приглашением родителей. Отец Хатуцкого, вместо того чтобы явиться в школу, вызвал по телефону заведующую городским отделом народного образования и заявил, что «не считает нужным и не имеет времени вмешиваться в вопросы воспитания сына, во всём виновата классный руководитель, ей не место быть в школе, т. к. она не пользуется уважением сына». Кроме этого, он требовал от заведующей горшколы отменить распоряжение директора школы о постановке вопроса о поведении его сына на педсовете. Хатуцкий пытался припугнуть тем, что его приход будет невыгоден для школы, от которой он может не оставить «камня на камне»⁴. Подобные случаи в городах были не единичными. Председатель горисполкома Черкасов заявил, что «таких родителей, как Хатуцкий, в городе много, родители забыли о своих обязанностях по воспитанию детей». Он предлагал строго наказывать тех родителей, которые не занимаются воспитанием своих отпрысков. Черкасов привел пример, когда ученик средней школы № 11 Эдуард Гурулев (1936 г. р.), сын ответственного работника треста «Хакасзолото», бросил учиться и общался с преступными эле-

¹ ГАКК. Оп. 20. Д. 61. Л. 56.

² ГАКК. Оп. 24. Д. 265. Л. 38; Д. 449. Л. 29.

³ ГАКК. Оп. 23. Д. 384. Лл. 55, 56.

⁴ ГАКК. Оп. 24. Д. 265. Лл. 37, 38.

ментами. С ними он совершил несколько краж. 29 марта 1952 г. в 10 часов вечера Эдуард Гурулев с неизвестным подростком по кличке Калган в общежитии СМУ-6 под угрозой ножа сняли с одного мальчика костюм, ботинки и фуфайку. Далее Черкасов с возмущением высказался: «Где тут родительская обязанность в воспитании своих детей? Почему Гурулев не следит за своим сыном? В 10 часов вечера сын ходит грабить, а для родителей нет нужды поинтересоваться судьбой своего сына»¹.

В начале 1950-х гг. в Абакане педагоги и родители были встревожены деятельностью в городе трех религиозных сект: баптистов, субботников и иеговистов. В частности, баптисты развернули активную деятельность по привлечению в свои ряды молодежь. В 1951 г. из 300 членов 25 чел. были молодые люди. Членами секты стали учащиеся ФАШ и студенты пединститута. Педагоги получили указание усилить в школах антирелигиозную борьбу и предотвратить втягивание подрастающего поколения в религиозные секты².

Проблема взаимодействия семьи и школы в воспитательном процессе подрастающего поколения рассматривалась на партийных собраниях. Актуальными стали вопросы воспитания детей в школе и в семье, взаимодействия семьи и школы и т. д. В 1952 г. на заседании Абаканского райкома КПСС выступил секретарь парторганизации Абаканского пединститута А. Н. Гладышевский: «Родители и учителя, не обращающие внимание на своевременное устранение в поведении детей нехороших проявлений, вольно или невольно способствуют уродству в формировании молодого поколения. Умело организовать воспитание учащихся в школе, в семьях нужно ещё более духовно возвышать нашу молодежь, сделать её способной противостоять враждебной нам идеологии, подготовить из нашей молодежи активных и сознательных строителей коммунизма, способных на трудовые и ратные подвиги». На собрании отмечалось, что педагогические коллективы в воспитательной работе с детьми мало привлекают родителей. Все мероприятия по улучшению учебно-воспитательной

работы должны проводиться при участии родителей, общественности и школы³.

В начале 1950-х гг. педагогические коллективы школ Абакана и Черногорска получили рекомендации как можно больше вовлекать родителей и учеников в жизнь школы. Все мероприятия по улучшению учебно-воспитательной работы должны были проводиться при взаимодействии школы и родителей. Школы устанавливали тесную связь с родителями, активизировалась работа родительских комитетов. Все чаще стали проводиться классные родительские собрания, являвшиеся основной формой связи школы с родителями, предполагалось обязательное присутствие всех родителей. Общепринятым во всех школах стал девиз: «Единство требований семьи и школы – результат лучшего воспитания наших детей». В то же время в ряде городских школ не была установлена повседневная связь между родителями учащихся и образовательными учреждениями, педагоги не оказывали помощь родителям в правильном воспитании детей в семье. Сами родители не интересовались жизнью своих детей в школе и вне её, не проявляли инициативу влиться в совместный со школой воспитательный процесс. В ряде школ родительские собрания проводились крайне редко, но и на них значительная часть родителей отсутствовала. Например, в 1952 г. в Черногорске в средней школе № 1 на родительских собраниях из 480 чел. родителей присутствовало от 80 до 100 чел.⁴

В культурном плане стало уделяться внимание проблемам семьи, воспитанию в семье детей, организации досуга детей во внеучебное время и т. д. Требовались высокохудожественные и идейные постановки, необходимые для того, чтобы показать роль семьи в воспитании подрастающего поколения. В 1954 г. большим событием не только для Абакана, но и для всей области стала постановка спектакля «Семья» режиссера Попова. Данная постановка была посвящена семье В. И. Ленина и становлению его характера. Спектакль «Семья» был поставлен 25 раз при переполненном зале, в это время ни один спек-

¹ ГАКК. Оп. 24. Д. 265. Л. 36.

² Там же. Л. 310.

³ Там же. Л. 46.

⁴ ГАКК. Оп. 24. Д. 449. Л. 29.

такль в русском драматическом театре не имел такого количества постановок¹.

Для того, чтобы занять детей в свободное от учебы время и для их физического развития, в городах появились спортивные площадки. Предусматривалось, что, помимо тренировок, будут проходить спортивные конкурсы и состязания с участием семей. К декабрю 1951 г. в Черногорске руководители шахт и предприятий организовали 15 зимних детских спортивных площадок по месту жительства. Спортивные площадки были огорожены, подготовлены катушки, качели, елки и т. д.² В летнее время проходила подготовка загородных детских лагерей на летний сезон, медицинский осмотр и отбор детей³.

Таким образом, в послевоенное время в городах Хакасии школа и семья слабо взаимодействовали друг с другом в воспитательном процессе учащихся. Неуспеваемость, пропуски

уроков, недисциплинированность, а также плохое поведение многих учеников, рост детской преступности и количества безнадзорных детей вызывали тревогу со стороны как педагогов, так и многих родителей. Педагогическими коллективами стала проводиться работа по установлению и усилению связей между школой и семьями. Непосредственную помощь педагогам оказывали родительские комитеты, рабочие коллективы, культурно-массовые работники. Постепенно родители вовлекались в учебно-воспитательный процесс, устанавливалась связь со школой.

ЛИТЕРАТУРА

Харчев, А. Г. Брак и семья в СССР. Опыт социологического исследования. – М., 1964.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РЕФОРМА 1965 Г.: ЗАМЫСЛЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ (НА МАТЕРИАЛАХ ХАКАСИИ)

Дроздов А. И.

УДК 94(47)

В статье анализируется ход хозяйственной реформы А. Н. Косыгина в годы восьмой пятилетки на материалах Хакасской автономной области.

Ключевые слова: **позднеиндустриальная модернизация, экономическая реформа, промышленность, сельское хозяйство, Хакасия.**

В условиях глобального кризиса мировой экономики, начавшегося в 2008 г. и продолжающегося в настоящее время, особую актуальность приобретает анализ накопленного исторического опыта. Одной из его составляющих является хозяйственная реформа 1965 г. Ее главный результат известен: реформа была свернута, СССР вступил в полосу застоя. Однако исследователей еще долго «будет волновать вопрос о том, могла ли история принять иной оборот, если

бы косыгинская реформа успешно прошла весь предусмотренный ею путь» [1, с. 44].

Многим современным отечественным экономистам реформа А. Н. Косыгина видится вполне закономерным этапом выявления эффективных форм и механизмов плановой организации народно-хозяйственного комплекса [2, с. 98]. Действительно, к середине 1960-х гг. советская экономика нуждалась в реформировании. Это было обусловлено двумя важнейшими причинами.

Во-первых, необходимо было преодолеть деформации мобилизационного пути развития, по которому СССР шел с конца 1920-х гг. Можно согласиться с экономистом В. А. Красильщиковым, который полагает, что к середине 1960-х гг.

¹ ГАКК. Оп. 23. Д. 460. Л. 32 об.

² ГАКК. Оп. 23. Д. 618. Л. 208.

³ ГАКК. Оп. 25. Д. 492. Л. 129.

советское государство достигло военного паритета со странами Запада. Дальнейшее его подержание было для СССР просто разорительно. К тому же в психологическом отношении военный паритет означал, что «мобилизационная модель развития, которая предполагает не экономические, а социальные, моральные мотивы к труду... работать больше уже не могла». В советском общественном сознании сформировался стереотип – «раз мы с Америкой теперь наравне, то незачем и жертвовать ради будущего» [3, с. 170].

Во-вторых, следовало учитывать сложившуюся мировую конъюнктуру: на протяжении предвоенного и послевоенного периода США, страны Западной Европы и Япония прошли этап позднеиндустриальной модернизации. Последняя способствовала преодолению отчуждения работника от средств существования и возникновению «общества массового потребления» [4, с. 107] с гораздо более высоким уровнем благосостояния населения нежели в СССР. Кроме того, на Западе была сформирована структура производства, ключевую роль в которой занимали отрасли, определявшие научно-технический прогресс (машиностроение, электроэнергетика, химическая промышленность и пр.).

Советское руководство к 1965 г. осознано необходимость проведения реформ и было готово применить опыт ведущих зарубежных стран для их подготовки и реализации. Об этом свидетельствует следующий факт. В 1965 г. советская делегация, состоявшая из трех человек (Ю. Г. Назарьянца, В. П. Жукова, Р. Г. Асланьяна), побывала в Италии, изучив организацию труда, заработной платы и процесс управления промышленным производством. В результате по приезду в СССР указанная делегация привезла около 500 печатных листов различных публикаций¹.

Начало реализации хозяйственной реформы связано с аграрной сферой, и это неслучайно. При Л. И. Брежнев сельское хозяйство занимало одно из приоритетных мест среди отраслей народного хозяйства.

Основные принципы преобразования аграрного сектора были сформулированы в решениях мартовского Пленума ЦК КПСС (1965 г.) «О неотложных мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства СССР» [5, с. 426–428]. Проанализировав состояние и методы управления аграрной сферой, Пленум указал на следующие причины уменьшения темпов роста сельского хозяйства: нарушение «экономических законов развития социалистического производства, принципов материальной заинтересованности колхозников и рабочих совхозов в подъеме общественного хозяйства, правильного сочетания общественных и личных интересов». Было принято решение об отказе от практики жесткого администрирования, подмены руководителей и специалистов совхозов и колхозов, проявлений парадности и шумихи.

В последующем на основе мартовского постановления Пленума был разработан целый комплекс мероприятий по развитию аграрного сектора. Так, был изменен порядок планирования и проведения заготовок продукции сельского хозяйства: устанавливались твердые планы закупок на всю пятилетку, колхозы получили право продавать излишки товарного зерна по повышенным ценам, а новые закупочные цены существенно выросли [6, с. 10]. Рост цен с учетом зональных особенностей на пшеницу и рожь составил 11–53 %, крупный рогатый скот – 20–55 %, свиней – 30–70 %, овец – 10–70 %, молоко – 10–40 %. Установленные государством надбавки к ценам на мясо впервые за многие годы обеспечили колхозам рентабельность его производства [7, с. 413–414].

Второй отраслью, подвергшейся реформированию, стала промышленность. В сентябре 1965 г. было принято постановление Пленума ЦК КПСС «Об улучшении управления промышленностью, совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства» [5, с. 441–443], которое по существу было программой проведения преобразований. Последняя предполагала устранение излишней регламентации деятельности предприятий, сокращение числа плановых показателей, утверждаемых сверху, укрепление хозрасчета.

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-9553. Оп. 1. Д. 1720. Лл. 1, 4.

Хозяйственная реформа осуществлялась по трем направлениям. Первое направление – изменение организационной структуры управления промышленностью и сельским хозяйством: переход на отраслевой принцип управления предприятиями (создание министерств). Второе направление – совершенствование системы планирования: индикатором роста объема производства стала реализованная продукция, а не валовая (как прежде). Третье направление – развитие экономического стимулирования: улучшение системы ценообразования и системы оплаты труда [8, с. 78].

В реализации экономической реформы, в свою очередь, также можно выделить три этапа.

В рамках первого этапа (1966 г.) для предприятий создавались исключительные условия, а резервы, необходимые «пионерам реформы», лежали на поверхности.

На протяжении второго этапа (1967 г.) реализации реформы предприятиям – для увеличения эффективности производства и роста его объемов, для повышения производительности труда и норм прибыли – необходимо было изыскивать новые резервы, внедрять передовые технологии, новейшую технику, организацию производства на научной основе.

В течение третьего этапа (1968–1970 гг.) следовало на основе полученного опыта сформировать механизм постоянного креативного решения всех возникавших проблем, связанных с дальнейшим повышением эффективности производства [9, с. 157].

В январе 1966 г. реформа взяла старт. На новые условия экономической деятельности были переведены 43 предприятия из 17 отраслей промышленности [10, с. 487]. В Хакасии первым предприятием, перешедшим на работу по-новому, стал Сорский молибденовый комбинат. По итогам работы за 1966 г. коллектив комбината занял первое место среди предприятий цветной металлургии СССР [11, с. 247].

Самым успешным для промышленности Хакасии был именно восьмой пятилетний план (1966–1970 гг.), что свидетельствовало об эффективности начатых преобразований. За годы его осуществления объем промышленного производства в Хакасии увеличился в 2,4 раза, в том

числе производство товаров народного потребления – в 2,7 раза [12, с. 1]. Для сравнения рост промышленной продукции в Горно-Алтайской автономной области в течение 1965–1970 гг. составил лишь 133 %, в Тувинской АССР – 143 % [13, с. 48, 143].

Заметные позитивные изменения в ходе реформы произошли и в структуре промышленного производства Хакасии. На протяжении 1965–1970 гг. в Хакасии вырос удельный вес таких передовых на то время отраслей, как машиностроение и металлообработка – с 5,3 до 5,8 %, легкой промышленности – с 4,2 до 36,1 %, и снизилась доля отраслей, добывающих сырье и осуществляющих их первичную переработку: лесной и деревообрабатывающей промышленности – с 17,8 до 12 %, черной и цветной металлургии – с 18 до 6,9 %.

Экономическая реформа А. Н. Косыгина оказала положительное значение и на развитие сельского хозяйства региона. Так, в 1966–1970 гг. было введено в действие животноводческих помещений для крупного рогатого скота на 7,1 тыс. мест, животноводческих помещений для овец – на 72,8 тыс. мест, птицеводческих помещений – на 126 тыс. мест [14, с. 1]. В целом среднегодовой объем валовой продукции сельского хозяйства Хакасии в указанный период составил 334,9 млн руб. в годы восьмой пятилетки (в ценах 1983 г.) [15, с. 25].

Однако успехи хозяйственной реформы были кратковременными. В самом механизме проведения преобразований были заложены противоречия. В соответствии с постановлением Пленума ЦК КПСС от 27–29 сентября 1965 г. одним из новшеств должно было стать сочетание единого государственного планирования с полным хозрасчетом предприятий, централизованного отраслевого управления с широкой республиканской и местной инициативой, принципа единоначалия с повышением значения производственных коллективов. По сути, в реформе оказались соединены несочетаемые принципы: усиление централизации государственного управления и расширение прав предприятий. Еще одним недостатком реформы стало выдвигание в качестве главного показателя планирования – объема продаж. В итоге каждое

предприятие было заинтересовано в том, чтобы продать свой товар подороже, но не путем увеличения выпуска товаров, а накрутив цену [3, с. 151]. Это способствовало формированию затратного характера советской экономики.

Некорректное ценообразование явилось одной из причин замедления темпов роста экономики страны в 1970-х гг. Так, за 1965–1981 гг. закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию выросли примерно в два раза, а затраты на средства производства и другие виды промышленной продукции, потреблявшейся в сельском хозяйстве, – в 2–3 и более раз [16, с. 113].

Казалось бы, факт списания с колхозов страны в 1965 г. задолженности по ссудам Госбанка в сумме более 2 млрд руб., в том числе с колхозов Хакасии – 1,9 млн руб. [7, с. 414; 11, с. 241], носил прогрессивный характер и должен был способствовать их развитию. Однако в дальнейшем подобная практика привела к тому, что нерентабельные хозяйства привыкали жить за счет государственного кредита, не заботясь о его возврате, у них сформировалась психология иждивенчества.

Среди других причин, обусловивших в конечном итоге ограниченность процесса хозяйственного реформирования, следует назвать его незавершенность: меры социально-экономического характера не сопровождались преобразованиями в политической, социальной и духовной сферах жизни общества [17, с. 113]. Был нарушен один из ключевых принципов проведения модернизации – ее комплексный характер. Еще одним фактором, снизившим эффективность реформы А. Н. Косыгина, было следующее: она оставила без изменений сущностные отношения производства – отношения собственности. Для советского социума было характерно абсолютное преобладание государственной собственности. Так, в Конституции 1977 г., принятой при Л. И. Брежнев, прямо говорилось, что «основу экономической системы СССР составляет социалистическая собственность на средства производства в форме государственной». В Основном Законе не было ни одной статьи, в которой бы упоминалось понятие «частная собственность». Встречается лишь термин «личная собствен-

ность», однако сфера ее распространения была жестко лимитирована [18, с. 18, 19].

Отсутствие многообразия форм собственности, в том числе частной собственности, привело к тому, что в стране не был создан слой собственников-предпринимателей, способный, как в странах Запада, стать социальным субъектом модернизации. По сути дела, советский вариант модернизации был лишен импульсов саморазвития «снизу» и проводился на основе соответствующих государственных мер «сверху». Советская партийно-государственная элита проигнорировала модель смешанной экономики, доказавшей свою высокую эффективность в странах первого эшелона. Тем самым были заложены причины дальнейшего снижения темпов экономического развития и в конечном итоге незавершенность позднеиндустриальной модернизации в СССР в целом и Хакасии в частности.

Одной из причин свертывания реформы 1965 г. и ограниченности последующих преобразований явилось сопротивление советской бюрократии в силу ее преимущественно консервативного характера. Интересны следующие цифры: в 1966 г. лишь 6,9 % членов ЦК КПСС имели в качестве базового – высшее юридическое образование, экономическое или гуманитарное¹. Вследствие невысокого уровня компетентности многие высшие номенклатурные работники оказались не способны адекватно реагировать на изменения, происходившие в окружающем мире. Сложившаяся ситуация была во многом обусловлена отказом от ротации кадров в период правления Л. И. Брежнева как способом обеспечения стабильного состояния общества. В итоге сформировались такие негативные тенденции, как практика многочисленных согласований, влекущая за собой безответственность, удаленность чиновников от граждан, заискивание перед вышестоящим начальством, формализм и др. [19, с. 157]. Кроме того, в рассматриваемое время происходила масштабная бюрократизация партийно-государственного аппарата, связанная с привлечением к процессу управления страной инженерно-технических работников, которые не

¹ Расчитано по: Красильщикову В. А. «Вдогонку за прошедшим веком: Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций». – М., 1998. – С. 149.

были к этому готовы в силу специфики своего образования.

На рубеже 1960–1970-х гг. реформа была свернута, а административные методы управления народным хозяйством усилены. Показательный факт: в 1994–1999 гг. сотрудниками Московского педагогического университета был проведен опрос 1,5 тыс. чел. – очевидцев рассматриваемых событий. Об экономической реформе второй половины 1960-х гг. не помнила почти половина опрошенных [20, с. 339, 349].

В конечном итоге эффективность хозяйственной реформы оказалась не высока. Основными причинами этого стали: ограниченность и незавершенность инновационных мероприятий, сопротивление партийно-государственной номенклатуры, противоречия в механизме реформы, отсутствие внутренних импульсов саморазвития модернизационных преобразований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голанд, Ю. М., Некипелов, А. Д. Косыгинская реформа: упущенный шанс или мираж? // Российский экономический журнал. – 2010. – № 6.
2. Гумеров, Р. Р., Крюкова, А. Д. Косыгинская реформа: революция или эволюция? (по поводу статьи Ю. М. Голанда и А. Д. Некипелова) // Российский экономический журнал. – 2011. – № 6.
3. Красильщиков, В. А. Вдогонку за прошедшим веком: Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. – М., 1998.
4. Семенова, И. Е. Проблемы модернизации и исторический опыт России (Обзор) // Пути реформ в Евразии. – Ч. 1. – М., 1995.
5. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 11. – М., 1986.
6. Крестьянство и сельское хозяйство Сибири. 1960–1980-е гг. – Новосибирск, 1991.
7. Советское крестьянство. Краткий очерк истории. (1917–1969) / Под ред. В. П. Данилова и др. – М., 1970.
8. Валовой, Д. В. Экономика: взгляды разных лет (становление, развитие и перестройка хозяйственного механизма). – М., 1989.
9. Соловьев, В. П. Основные этапы реализации хозяйственной реформы 1965 г. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2012. – № 7 (21): в 3-х ч. Ч. II.
10. Наше Отечество. Ч. 2 / С. В. Кулешов, О. В. Волобуев, Е. И. Пивовар и др. – М., 1991.
11. Очерки истории Хакасской областной организации КПСС. – Красноярск, 1987.
12. Курс на досрочное выполнение планов. С областного совещания передовиков промышленности, транспорта, строительства, торговли // Советская Хакасия. – 1971. 7 февраля.
13. Народное хозяйство РСФСР в 1975 г.: Стат. ежегодник. – М., 1976.
14. Партийную работу – на уровень новых задач: Из отчетного доклада Хакасского обкома КПСС // Советская Хакасия. – 1971. 24 января.
15. Хакасская автономная область в цифрах за 60 лет. – Абакан, 1990.
16. Тюрина, А. П. Противоречия и трудности развития агропромышленного комплекса // Механизм торможения: истоки, действие, пути преодоления. – М., 1988.
17. Разуваева, Н. Н. Экономическая политика КПСС в 60-е – перв. пол. 80-х гг.: противоречия и трудности // Вопросы истории КПСС. – 1988. – № 9.
18. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. Конституции (Основные Законы) Союзных Советских Социалистических Республик. – М., 1978.
19. Дудкина, Д. В. Советская кадровая политика и местный государственный аппарат (1917–1991 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. – Самара, 2002.
20. Аксютин, Ю. В. Общественные настроения в СССР (1953–1982) // Россия в XX веке: Реформы и революции: В 2-х т. Т. 2. – М., 2002.

У ПОТОМКОВ МЕЛЕЦКИХ ТАТАР

Кривоногов В. П.

УДК 391

Потомки коренной тюркоязычной этнической группы, известной под именем «мелецкие татары», проживают в настоящее время на севере Тухтетского района Красноярского края. За последние 100–150 лет численность группы непрерывно сокращалась, составив в настоящее время на основной этнической территории 168 человек. До начала XXI века они официально именовались «хакасами», в настоящее время получили статус особого коренного малочисленного народа под названием «чулымцы». В последнее время самосознание этого населения несколько укрепилось, если раньше большинство лиц смешанного происхождения предпочитали писаться русскими, то сейчас многие метисы стали чаще называть себя чулымцами. Однако ассимиляционные процессы в области языка и культуры не остановились, в настоящее время почти никто не говорит на чулымском языке, ушли в прошлое этнические особенности в материальной и духовной культуре, произошел прорыв эндогамии, число национально-смешанных браков превысило число однонациональных, интенсивно идет метисация. Большинство мелецких чулымцев считают, что им грозит полное исчезновение через ассимиляцию их русскими.

Ключевые слова: мелецкие татары, чулымцы, современные этнические процессы, языковая и культурная ассимиляция, национально-смешанные браки, прорыв эндогамии, метисация.

Когда-то коренное тюркоязычное население занимало сплошную полосу земель от границ нынешней Хакасии на северо-запад до самого Урала. Северная группа хакасов – кызыльцы – граничила с мелецкими татарами, те – с тутальскими, дальше шли жители других чулымских волостей, они, в свою очередь, смыкались с томскими татарами, дальше шли барабинские татары, тарские татары, тоболо-иртышские, а там уже недалеко и от Уральских гор. Судьба этого тюркоязычного населения была разной. Они жили в географической зоне, наиболее благоприятной для хозяйственной деятельности, свойственной русским переселенцам, как раз на границе тайги и степи, и в период интенсивного освоения Сибири сюда вселилась основная масса славянского крестьянского населения. В результате сплошная полоса коренного населения оказалась разбита на отдельные островки, порой далеко друг от друга. Один такой островок образовался к северу от Хакасии, по реке Чулым. Самосознание у этого населения было довольно неопределенное. Чаще они называли себя по реке, на которой жили, – июс кижилери («чулымские люди», Чулым на местном языке – Июс). От Хакасии это население было отделено городом Ачинском и поселившимся вокруг города рус-

ским населением. Относилось население Чулыма к северу от Ачинска к мелецким I и II половины административным родам. Для сбора ясака здесь был построен Мелецкий острог. Ниже по течению Чулыма, уже в границах современной Томской области, жили ясачные Тутальской волости. В 1920-е гг. власти, видимо, были в немалом затруднении в вопросе о том, кем считать и как называть местное население. Численность его была не настолько велика, чтобы «создавать» на его основе новую национальность, поэтому решили все же приписать их к живущим южнее хакасам. Так образовался этот анклав коренного тюркского населения, именуемого «хакасами», но по-прежнему с не очень четким этническим самосознанием. В частности, в качестве самоназваний вплоть до наших исследований в 1980-е гг. использовались такие термины, как «пестын кижилери» (наши люди), «июс кижилери», «тадар кижилери» (татарские люди) и др. В начале XXI в. по просьбе местной общественности коренные жители были переименованы с «хакасов» на «чулымцев» и получили статус коренного малочисленного народа. Нам пришлось провести несколько этнографических экспедиций в район расселения чулымцев и трижды провести массовый опрос по этнографическому

опросному листу со 100-процентным охватом всего чулымского населения на основной этнической территории [1, 2, 3, 4, 5, 6]. Составлены опросные листы на всех взрослых чулымцев при непосредственной беседе и в сокращенном варианте со слов родителей на всех детей. Всего в последнюю экспедицию мы насчитали 730 чулымцев, большинство из них (564 чел.) проживают в Тегульдетском районе Томской области и являются потомками тутальских татар, но мы поговорим подробнее о восточной части чулымцев, то есть о потомках мелецких татар, тех, чья территория входит в состав Красноярского края.

В Красноярской части территории чулымцев предки мелецких татар к концу XXI в. разделились на две неравные по численности группы по признаку родного языка: в северо-западной части небольшое количество их сохранило знание своего языка, большая же часть (к юго-востоку, вверх по течению Чулыма) перешла на русский язык [7]. О численности мелецких татар можно судить по источникам XIX в., имеются данные на 1859 г. – их тогда оказалось 1039 человек [8, с. 555]. К концу этого века они выросли до 1371 чел. (перепись 1897 г.) [7]. И вот как раз здесь была заложена разница в судьбе двух частей этого населения – по этой же переписи, 270 человек признали родным свой язык, остальные русский. В последующие десятилетия, уже в начале XX в., эта русскоязычная часть мелецких татар совершенно обрусела, в результате на территории современных Больше-Улуйского и Бирилюсского районов их не осталось. А вот те, кто назвал в 1897 г. родным языком язык своей национальности, – сохранились, и проживают они в пойме Чулыма на севере Тяхтетского района.

В 1987 г. нам удалось совершить поездку по Бирилюсскому району в целях отыскать потомков мелецких татар этой территории. Искать потомков коренных жителей помог список фамилий, составленный исследователями прошлого. Наиболее характерные фамилии мелецких татар этой территории были Когодеевы, Кусаевы, Маягачевы, Арамачевы, Огрызковы, Сергияковы, Кучешевы, Коктенева, Каштакараковы и др. Ниже по течению среди современных чулымцев эти фамилии не встречаются, значит, их носители

остались здесь, где жили и раньше, но слились с русскими. Изучение документов ЗАГСа подтвердило наличие в этих местах русских, носящих названные фамилии. Работа с похозяйственными книгами местных сельсоветов, а также встречи с носителями этих фамилий позволили подсчитать, что прямых потомков мелецких татар здесь в это время проживало около 200 человек (это те, кто происходит от коренных жителей по мужской линии, то есть носители специфических фамилий). Сколько насчитывается потомков по женской линии, сказать трудно, но, наверное, – не меньше. Проехав и «прочесав» весь район, мы обнаружили по фамилиям 12 потомков мелецких татар в селе Щелево, 17 – в Ленево, 12 – в поселке Промбор, 45 – в селе Полевое, но особенно их много в маленьком селе Подкаменка – 60 человек. Потомки чулымцев в последнем селе обнаружены в 21 из 28 проживающих здесь семей. Кстати, многие из перечисленных сел значатся на картах XIX в. как национальные поселки коренных жителей, в том числе и Подкаменка. По внешнему виду эти потомки мелецких от русских соседей сейчас, в общем-то, не отличаются. Монголоидных черт, за редким исключением, не заметно, а значит, к ассимиляции привела целая цепь последовательных смешанных браков, при этом с каждым поколением монголоидный компонент убывал в геометрической прогрессии. Запись генеалогий позволила выявить лишь небольшое число людей, у которых аборигенный компонент достигал $\frac{1}{4}$ (то есть чулымцем был дед или бабушка). У остальных мелецких среди потомков были дальше по восходящим линиям, порой уже за пределами семейной памяти – то есть они не знали, в каком конкретно поколении среди предков был представитель коренной национальности. Молодежь и люди среднего возраста, носящие фамилии коренных жителей, в большинстве своем даже не подозревали о наличии нерусских предков в своей родословной, они были уверены, что они «чисто русские». На наш вопрос о специфических и явно неславянских фамилиях они лишь пожимали плечами – фамилии эти здесь привычны, многие их носят, им и в голову не приходило, что они нерусские.

Но старики еще помнили, что в их родне есть «исашные» (так здесь называли корен-

ных жителей, от слова «ясачные»), у кого дед, у кого бабушка. Правда, они уверяли, что эти их предки говорили исключительно по-русски, родного языка не знали, что вполне согласуется с данными переписи 1897 г., согласно которым русскоязычные мелецкие татары как раз жили в тех же селах, где мы обнаружили их потомков. Числятся в материалах этой переписи Подкаменка (184 «коренных тюрка» – так назывались они по переписи), Щелево (104 чел.), Мелецк (58 чел.) [5]. Удалось нам побывать и в современном Мелецке – бывшей «столице» этих земель. Среди нескольких семей, доживающих свой век в этом вымирающем поселке, нам посчастливилось встретиться с ценным информатором, старейшим жителем этих мест Г. Ф. Коктеневым («исашный» по матери, но считает себя русским по отцу). Он многое помнил о последних страницах истории мелецких татар окрестных деревень. В начале XX в., по его словам, «исашные» здесь еще жили, но все были русскоязычными и почти все – метисами. Если кто-то немного и знал язык, то не от родителей, а в результате общения с «настоящими» чулымцами, живущими ниже по течению Чулыма. В то время многие традиционные чулымские орудия промысла были в ходу как у местных русских, так и у обрусевших чулымцев-метисов. Но что характерно – эти орудия, по словам Г. Ф. Коктенева, не перешли к ним от предков, а приобретались у «настоящих» чулымцев, живущих ниже. Например, обласки (долбленные лодки), которыми пользовались здесь русские старожилы и обрусевшие чулымцы, заказывались мастерам из нижних чулымских поселков. Если это действительно так, то перед нами интересный случай вторичного заимствования обрусевшими чулымцами элементов традиционной материальной культуры, утерянных ранее в процессе ассимиляции. Среди этих традиционных предметов названы, кроме обласков, камусные лыжи и рыболовецкие принадлежности, прежде всего котцы.

В селе Полевое встретился еще один интересный информатор – Е. С. Когодеев. Он значится по документам русским, но «в душе» считает себя «исашным», так как, по его словам, оба его родителя были «исашными». В этом мы несколько усомнились, так как внешне он не

отличался монголоидными чертами. Но могло быть и так, что смешение с русскими и метисация произошли давно, несколько поколений назад, за пределами семейной памяти, отсюда и европеоидная внешность. Кстати, жена у него тоже оказалась из «исашных» по матери (Каштакаракова), хотя считает себя русской по отцу. Русскими себя считают и их взрослые дети. Таким образом, получается, что Е. С. Когодеев – последний относительно «чистокровный» представитель коренного населения Бирилюсского района, к тому же сохранивший этническое самосознание. Записан он был русским в документах не по своему желанию. С ним произошла такая история. В начале 1930-х гг. он был призван в армию. Оформляя документы, писарь спросил его национальность. «Исашный», – не задумываясь, ответил новобранец, чем весьма озадачил писаря. «Нет в списках такой национальности», – последовал резонный ответ. И записали новобранца русским, когда выяснилось, что никакого другого языка, кроме русского, он не знал. Так стал «русским» последний коренной чулымец этих мест.

В настоящее время ни по внешности, ни по самосознанию, ни по культуре, ни по каким-либо другим признакам, кроме фамилий, потомки чулымцев этих мест уже не отличаются от русского окружения, а большинство молодых даже не знает о своих нерусских предках. Обратимся к тем чулымцам, тоже потомкам мелецких татар, которые живут ниже по течению Чулыма, в пределах современного Тюхтетского района, и которые в переписи 1897 г. признали родным свой исконный язык. Для них характерны иные фамилии, чаще всего встречаются Тамочевы и Кондияковы. Их судьба сложилась по-другому, и они сохранились до наших дней. Как уже показано выше, их в конце XIX в. насчитывалось 270 человек. Обработав в местных районных архивах похозяйственные книги сельских советов, мы подсчитали, что к 1961 г. их численность выросла до 342 человек, или на 27 % за 64 года. Несмотря на то, что район расселения чулымцев был смешанным в национальном плане, здесь поселилось много русских и представителей других национальностей, но к этому времени коренное и пришлое население расселялось по разным

села – в одних селах было больше чулымцев, в других – русских. Мы нашли на 1961 г. данные о таких национальных поселках, как Кульбень (50 чулымцев), Ст. Амачеево (92), Тюляпсы (31), Ст. Байдуки (20), Проточное (58) и т. д. Раздельное проживание позволяло чулымцам до этого времени сохранять родной язык и некоторые элементы национальной культуры. Большинство семей в этот период были однонациональные, смешение в браках было относительно невелико.

Дальше начались события, которые самым болезненным образом отразились на жизни чулымцев, их демографии, культуре. Это связано с «политикой укрупнения сел», которая обрекла на исчезновение по всей России огромного количества населенных пунктов, нарушила традиционную систему расселения. Пришла эта политика и на Чулым. И так получилось, что более крупные русские села попали в «перспективные», а маленькие, со слабо развитой социальной структурой поселки аборигенов, были объявлены «неперспективными». Они должны были исчезнуть с лица земли, а их население переселялось в «перспективные» села. В пойме Чулыма осталось только два русских по составу «перспективных» села – Чиндат и Пасечное, где чулымцев до этого почти не было. Массовое переселение привело к тому, что многие чулымцы попросту вообще уехали с Чулыма в основном в города, некоторые переселились в соседнюю Томскую область к своим сородичам – потомкам тутальских татар, и лишь часть согласилась переехать в предназначенное для вселения село Пасечное. Здесь мы и застали их в 1986 г., во время нашей первой экспедиции на Чулым, составляли они примерно половину населения поселка.

Первое, что бросилось в глаза, – чулымцев в 1986 г. оказалось намного меньше, чем четверть века до этого – всего 139 человек (и это при том, что с рождаемостью у чулымцев все было в порядке, детей довольно много). Во-вторых, чулымцы с севера, из поймы Чулыма, стали разъезжаться отдельными семьями по другим селам района, вплоть до районного центра Тюхтет, расположенного на самом юге района. В пойме Чулыма, в Пасечном и соседних поселках проживало 117 чулымцев, а разъехались по району 22 чел. О дальнейшем движении коренного

населения можно судить, сравнивая следующие исследования, которые проводились через каждые 10 лет.

Между экспедициями 1986 и 1996 гг. изменения в численности чулымцев были следующие: родилось 17 чулымцев, умерло 20. Приехали из других чулымских сел 18, уехали 14. Уехали за пределы Чулыма, в города, 20 чел., вернулись из городов 8. Из числа метисов сменили национальность с чулымской на русскую 1 человек, с русской на чулымскую – 10 чел. В итоге этих изменений численность почти не изменилась – было 139 человек, стало 137.

За следующие 10 лет, с 1996 по 2006 г., изменения были такими: родилось 34 чулымца, умерло 27. Уехали в другие села по Чулыму 13 чел., приехали 14. Уехали за пределы Чулыма 11, вернулись – 6. Из числа метисов сменили свою национальность с чулымской на русскую 2 человека, с русской на чулымскую – 30 чел. В итоге численность выросла до 168 чел., в основном благодаря укреплению чулымского самосознания среди метисов. Пересмотрели свое этническое самоопределение и взрослые, а кроме того, родители в смешанных семьях чаще стали относить своих детей к чулымской национальности (раньше в большинстве случаев метисы предпочитали выбирать русскую национальность). В связи с переосмыслением метисами своей национальной принадлежности в пользу коренной национальности доля чулымцев в Пасечном сразу подпрыгнула с половины до $\frac{3}{4}$ его общего населения (2006 г.).

Хотя рождаемость в последние два-три десятилетия сокращалась, произошла некоторая компенсация численности детей благодаря увеличению доли детей-метисов в смешанных семьях, относимых к чулымской национальности. В 1987 г. дети и молодежь до 20 лет составляли 38,1 % среди потомков мелецких татар, двадцать лет спустя эта цифра почти не изменилась – 37,5 %. О снижении рождаемости говорят показатели среднего размера чулымских семей: 1986 г. – 4,4 человека, 1996 г. – 4,1 чел., 2006 г. – 3,9 чел. В то же время видно, что все же рождаемость у чулымцев несколько выше, чем у русских, у которых средний размер семьи менее 3,5 человека.

Отрицательное влияние на демографию местных чулымцев оказывают внешние миграции, в города переехало много чулымцев, и не только в период укрупнения сел. Миграции продолжаются и сейчас, уезжают за пределы Чулыма больше, чем возвращаются, и миграционные настроения не снижаются. В 1986 г. при массовом опросе 25 % взрослых чулымцев выразили желание сменить место жительства, 10,9 % уехать в города, в 2006 г. потенциальные мигранты составили уже 33,1 %, в том числе 18,5 % нацелены на города.

Характерной особенностью занятий в прошлом у чулымцев была приверженность к охоте и рыболовству. Но сейчас эти навыки не востребованы, никто не работает официально рыбаком или охотником. Сохранились ли эти занятия вне основной работы, на любительском уровне? Оказалось, что да, сохранились, по крайней мере, у мужчин. Лишь 20 % мужчин ответили, что не увлекаются этими промыслами, остальные занимаются рыболовством, а 60 % – и рыболовством, и охотой. Некоторые любители таежных промыслов сохранили и традиционную одежду, но таких очень мало. В 1996 г. 8,8 % (12 человек)

отметили, что у них есть отдельные элементы традиционного костюма (чаще всего обувь), но десять лет спустя положительно на этот вопрос ответили всего 0,6 % (1 человек). Так что можно сказать, что этот вид материальной культуры практически ушел из жизни.

Другое дело – традиционные вещи и орудия труда, связанные с промыслами. Они сохраняются стойко и продолжают изготавливаться в настоящее время. К ним можно отнести котцы, долбленые лодки, иногда – традиционные лыжи и т. д. Они имеются, как показал опрос, в 62,3 % семей, и последние десятилетия эта цифра сохраняется на таком же уровне.

А вот что касается родного языка, здесь ситуация изменяется быстро и радикально. Судя по всему, процесс языковой ассимиляции резко ускорился после ликвидации национальных поселков и сселения всех чулымцев в Пасечное. Следующие таблицы показывают динамику ответов по родному языку по годам (табл. 1), степень владения чулымским языком на эти три даты (табл. 2), а также характеризуют положение в разных возрастных группах при последнем опросе (табл. 3)

Таблица 1

Родной язык чулымцев (в %)

	Родной язык		
	чулымский	оба языка	русский
1986	56,1	2,2	41,7
1996	31,4	1,5	67,1
2006	11,9	3,6	84,5

Таблица 2

Степень владения чулымским языком (в %)

	Владеют чулымским языком				
	свободно	с некот. затрудн.	со значит. затрудн.	понимают, но не говорят	не владеют
1986	30,2	5	10,1	27,4	27,3
1996	21,9	3,6	12,4	16,1	46,0
2006	10,7	3	9,5	14,3	62,5

Таблица 3

Степень владения чулымским языком в разных возрастных группах (2006 г., в %)

Возраст	Владеют чулымским языком				
	свободно	с некотор. затрудн.	со значит. затрудн.	понимают, но не говорят	не владеют
60 лет и старше	78,6	7,2	7,1	7,1	–
40-59	16,7	9,5	28,6	26,2	19
20-39	–	–	4,1	24,5	71,4
До 20	–	–	1,6	–	98,4

Эти показатели однозначно указывают на быструю языковую ассимиляцию, которая произошла буквально за три поколения. Пожилые люди еще хорошо знают родной язык, в средних возрастных группах показатели резко ухудша-

ются, а среди детей практически никто уже не владеет чулымским языком. Еще хуже показатели по основному языку общения, чулымский язык не используют в быту даже те, кто им еще владеет (табл. 4).

Таблица 4

Основной язык общения чулымцев (в %)

	Используют при общении языки		
	чулымский	оба языка	русский язык
1986	6,5	9,3	84,2
1996	2,2	5,1	92,7
2006	1,2	4,2	94,6

Русский язык стал основным языком общения не только с внешним миром, вне семьи, но и внутри семьи, в основном на нем общаются между собой братья и сестры, родители и дети,

супруги. И динамика изменений этих показателей на три даты однозначно указывает на быстрое исчезновение этого языка в ближайшее время (табл. 5–10).

Таблица 5

Язык общения с родителями (в %)

	Используют при общении языки		
	чулымский	оба языка	русский язык
1986	36	15,8	48,2
1996	21,2	17,5	61,3
2006	7,7	17,3	75

Таблица 6

Язык общения с братьями и сестрами (в %)

	Используют при общении языки		
	чулымский	оба языка	русский язык
1986	22,3	10	67,7
1996	10,6	9,1	80,3
2006	7,7	5,7	86,6

Таблица 7

Язык общения с друзьями (в %)

	Используют при общении языки		
	чулымский	оба языка	русский язык
1986	6,4	33,9	59,7
1996	1,5	21,5	77
2006	1,9	11,2	86,9

Таблица 8

Язык общения с супругами (в %)

	Используют при общении языки		
	чулымский	оба языка	русский язык
1986	33,3	13,1	53,6
1996	18,4	10,5	71,1
2006	3,9	5,3	90,8

Таблица 9

Язык общения с детьми (в %)

	Используют при общении языки		
	чулымский	оба языка	русский язык
1986	10,3	5,9	83,8
1996	2,8	5,5	91,7
2006	2,6	2,6	94,8

Таблица 10

Язык общения на производстве (в %)

	Используют при общении языки		
	Чулымский	Оба языка	Русский язык
1986	6,5	32,2	61,3
1996	-	17,8	82,2
2006	2,3	3,4	94,3

Лет 20–30 назад чулымцы относились к исчезновению своего языка довольно индифферентно, но сейчас многих это стало беспокоить. Это беспокойство отразилось в ответах на вопрос – нужно ли вводить родной язык в программы

местных школ? (табл. 11). Если раньше над этим вопросом чулымцы вообще не задумывались, то сейчас почти половина заявила, что это было бы весьма желательно.

Таблица 11

Отношение к преподаванию чулымского языка в школе (в %)

	Да, надо преподавать	Можно, но не обязательно	Нет необходимости	Затруднились в ответе
1986	6,1	9,8	57,3	26,8
1996	18,5	10,9	55,4	15,2
2006	47,5	15	17,5	20

В свое время чулымцы были обращены в православие, но некоторые сохраняли и традиционные религиозные представления. В советский период многие отошли от религии. В настоящее время по отношению к религиям единства

у чулымцев нет, половина отнесла себя к неверующим, чуть меньше – к православным, нашлось несколько приверженцев традиционного культа и немного – иных религий (табл. 12).

Таблица 12

Ответы по религиозной принадлежности опрошенных в 2006 г. (в %)

Неверующие	50,8
Приверженцы традиционного культа	3,2
Традиц. культ. и православные	0,8
Православные	42
Другие религии	3,2

Сильное влияние на ход этнических процессов оказывают национально-смешанные браки, которых становится все больше и которые содействуют языковой и культурной ассимиляции. До

1960-х гг., то есть до ликвидации национальных поселков, доля смешанных браков не превышала 20 %. Сейчас ситуация иная (табл. 13).

Таблица 13

Количество однонациональных и смешанных семей чулымцев

	Однонациональные семьи	Национально-смешанные семьи	% смешанных семей
1986	23	22	49
1996	20	27	57,4
2006	21	34	61,8

Можно говорить о прорыве эндогамии, смешанных семей стало больше, чем однонациональных, среди детей преобладают метисы. В 2006 г. из состоящих в браке мужчин 13 были женаты на чулымках, 12 – на представительницах иных национальностях, в основном русских, то есть в смешанных браках состояло 48,0 % мужчин. Среди женщин имели мужей чулымцев 13, а иных национальностей – 23, или 63,9 % (в

том числе 18 – русских, 5 – иных национальностей).

Все это привело к изменению антропологического облика чулымцев, к размыванию их генотипа. Какова доля метисов среди чулымцев, показала запись генеалогий при опросах. Доля метисов за 2-3 последних десятилетия стремительно нарастает и уже превысила 70 % от числа всех чулымцев (табл. 14).

Таблица 14

Степень метисации чулымцев по записям генеалогий (в %)

	Доля инонационального компонента				
	нет	менее ¼	¼	½	Более ½
1986	58,3	25,9	8,6	7,2	-
1996	51,1	19	16	11,7	2,2
2006	29,1	13,7	16,1	27,4	13,7

Сравнение степени метисации по возрастным группам также указывает на быстрое изме-

нение антропологического типа от старших возрастных групп к младшим (табл. 15).

Таблица 15

Степень метисации по возрастным группам (2006 г., в %)

Возраст	Доля инонационального компонента				
	нет	менее ¼	¼	½	более ½
60 лет и старше	57,2	28,6	7,1	7,1	-
40–59	52,4	11,9	7,1	26,2	2,4
20–39	32,6	14,3	24,5	24,5	4,1
До 20	4,8	11,1	17,5	34,9	31,7

Среди детей «чистокровных» почти не осталось – всего 4,8 %. Увеличение доли метисов в составе чулымцев идет по двум причинам. Первая – национально-смешанных семей становится все больше, вторая – происходят изменения в этнической ориентации метисов – если раньше

большинство из них (4/5) предпочитали относить себя к русским, то подъем национального самосознания с 1990-х гг. привел к их переориентации, многие стали называть себя чулымцами. На вопрос о национальности детей в смешанных семьях родители чаще стали относить их

к чулымской национальности. В настоящее время до половины всех метисов предпочитают относить себя к коренной национальности, чего раньше не наблюдалось.

Не простым является вопрос об отношении к соседним хакасам. Многие десятилетия чулымцы считались хакасами, эта национальность была указана в их паспортах и других

документах. А каково мнение об этой проблеме самих чулымцев? Оказалось, что в прошлом, в советское время и сейчас большинство чулымцев предпочитали считать себя отдельным от хакасов народом, причем ответы в трех исследованиях получены идентичные. Данные последнего опроса приведены в табл. 16.

Таблица 16

Ответы на вопрос, являются ли хакасы и чулымцы одним народом (2006 г., в %)

Хакасы и чулымцы один народ	16,7
Разные народы	72,2
Затруднились в ответе	11,1

Несмотря на некоторые тенденции возрождения национальной идентичности, на укрепление национального самосознания, на получение статуса особого коренного малочисленного народа, большинство чулымцев смотрит в будущее без особого оптимизма. Далеко зашедшие процессы языковой и культурной ассимиляции, прорыв эндогамии заставляют самих чулымцев усомниться в возможности существования в качестве особого этноса в обозримом будущем.

Стоит добавить, что и у остальной части чулымцев в Томской области – потомков тутальских татар – все процессы идут аналогично. Большинство потомков мелетцев при опросе высказало опасения, что через 2-3 поколения они как этнос исчезнут с лица земли, будут полностью ассимилированы (табл. 17). И исходя из приведенных в статье показателей, в частности, по языку, автору остается только присоединиться к этому мнению.

Таблица 17

Ответы на вопрос: сохранятся ли чулымцы в будущем как этнос (2006 г., в %)

Сохранятся	15,2
Сохранятся частично или возможно сохранятся	6,2
Не сохранятся	62,5
Затруднились в ответе	16,1

ЛИТЕРАТУРА

1. Кривоногов, В. П. К вопросу об этническом самосознании и этнонимах у чулымских тюрков // Этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. – Омск, 1990.
2. Кривоногов, В. П. Этнические процессы у малочисленных народов Средней Сибири. – Красноярск, 1998.
3. Кривоногов, В. П. Изменения в этнической ситуации на Среднем Чулыме // Этносоциальные процессы в Сибири. Вып. 2. – Новосибирск, 1998.
4. Кривоногов, В. П. Чулымские тюрки // Народы Западной и Южной Сибири: Культура и этнические процессы. – Новосибирск, 2002.
5. Кривоногов, В. П. Этнодемографическая ситуация и миграционные процессы у чулымцев // Хакасия и Россия: 300 лет вместе. Т. 2. – Абакан, 2008.
6. Кривоногов, В. П. Чулымцы в начале XXI века. – Красноярск, 2008.
7. Патканов, С. К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, языки и роды инородцев. Т. 2. – СПб., 1911.
8. Риттер, К. Землеведение Азии. – СПб., 1877.

РЕЗУЛЬТАТЫ ПОВТОРНОГО ВЫБОРА ДЕПУТАТА ГОРОДСКОГО СОВЕТА КАК ФАКТОР ОЦЕНКИ ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОТЧЕТНЫЙ ПЕРИОД (ПО ДАННЫМ EXIT POLL 8 СЕНТЯБРЯ 2013 Г. В Г. КРАСНОЯРСКЕ)

Злотковский В. И.

УДК 328.187

В статье на основе exit poll, проведенного 8 сентября 2013 г. на выборах депутата Красноярского городского совета в одномандатном округе № 2, анализируются социальный портрет участников выборов, сторонников кандидатов, мотивация их поддержки, время принятия электорального решения, зависимость между голосованием по партийным спискам и голосованием за кандидатов. Сделан вывод о зависимости повторного избрания действующего депутата от оценок его деятельности в отчетный период.

Ключевые слова: **опрос на выходе с избирательных участков, выборы депутатов городского совета, социальный портрет сторонников кандидатов.**

8 сентября 2013 г. на выборах депутата Красноярского городского совета в одномандатном округе № 2 проведен опрос на выходе с избирательных участков. Основой для разработки методологии и методики исследования послужили работы российских социологов [1, с. 40–46; 2, с. 20–26; 3, с. 54–67; 4, с. 506–508; 5, с. 4–42], прошедшие успешную апробацию на выборах депутатов Государственной Думы РФ в г. Красноярске в 2007 и 2011 г. [6, с. 25–33].

Опрос проводился с 10:00 до 16:00. В ходе проведения исследования планировалось решить следующие задачи: 1) получить оперативную информацию о ходе голосования по единому избирательному округу и в одномандатном округе; 2) установить зависимость между голосованием по партийным спискам и за кандидатов в одномандатном округе; 3) определить социальные характеристики сторонников кандидатов; 4) выяснить время принятия избирателями электорального решения.

Интервьюерам устанавливалось задание по количеству опрашиваемых, квоты по полу, возрасту и времени проведения опроса. Для расчета количества опрашиваемых по времени использовались усредненные данные о динамике прихода избирателей на участки на предыдущих выборах. Основанием для определения квот по полу и возрасту респондентов служили данные предвыборного опроса в округе о декларативной готовности представителей различных социальных

групп участвовать в голосовании (27–30 августа 2013 г., N = 626).

Всего опрошено 542 респондента. Половозрастной состав опрошенных оказался следующим. Доля женщин составляет 67,7 %, лиц в возрасте 18–24 года – 3,9 %, 25–35 лет – 5,7 %, 36–50 лет – 23,6 %, 51–60 лет – 23,0 %, 60 лет и старше – 43,7 %. Социально-профессиональный состав опрошенных выглядит следующим образом. Доля руководителей составляет 2,3 %, ИТР – 1,9 %, служащих – 7,9 %, работников правоохранительных органов – 1,0 %, рабочих – 18,9 %, домохозяек – 6,6 %, предпринимателей – 2,1 %, работников торговли и сферы обслуживания – 2,3 %, студентов, учащейся молодежи – 2,8 %, пенсионеров – 49,4 %, гуманитарной интеллигенции – 0,8 %, безработных – 2,3 %.

Как следует из полученных данных, половину всех участников опроса составляют пенсионеры. Если к числу пенсионеров прибавить рабочих, служащих и домохозяек, то их совокупная доля составит 72,7 %, что в полтора раза выше реальной пропорции среди избирателей в целом. Доли остальных социально-профессиональных групп ниже и наиболее заметно – среди гуманитарной интеллигенции (ниже реальной пропорции более чем в 7 раз), работников торговли и сферы обслуживания (в 4 раза), технической интеллигенции (в 3 раза), студентов и учащейся молодежи (в 2,5 раза).

Почему именно перечисленные социально-профессиональные группы продемонстрировали

наиболее низкую избирательную активность? Скорее всего, это связано с процессами, происходящими в профессиональных сферах города. Работники медицины обеспокоены переходом 1 января 2014 г. муниципальных учреждений здравоохранения под юрисдикцию края, работники образования – вступившим в силу с 1 сентября 2013 г. законом об образовании, дополненный местной реформой (упразднение районных управлений образования). Людей тревожит внедрение новой системы оплаты труда, сохранение рабочих мест, перспективы существования самих учреждений и многое другое. Не получая ответов на волнующие вопросы, большая часть работников здравоохранения, образования, ранее активно выступавшая в поддержку местных органов власти, выразила свою позицию: проигнорировала выборы депутатов.

С этих же позиций можно объяснить низкую избирательную активность работников сферы торговли и сферы обслуживания и инженерно-технических работников. На первых негативное влияние оказывает увеличение налогового бремени на предпринимательскую деятельность, на вторых – устойчивый тренд на снижение промышленного производства в городе, влекущее за собой сокращение рабочих мест.

В целом по городу явка составила 18,6 % от общей численности зарегистрированных избирателей. Это рекордно низкий показатель, начиная с выборов депутатов первого созыва в 1996 г. В чем причина низкой избирательной активности населения в целом?

Результаты анкетного опроса, проведенного накануне голосования (27–30 августа 2013 г.), свидетельствуют: основными мотивами своего нежелания участвовать в выборах респонденты называют «все кандидаты только обещают»

(24,4 %), «выборы ничего не изменят» (22,5 %), «нет доверия кандидатам» (19,7 %), «от моего участия ничего не зависит» (18,4 %). Примечательно, что лишь 9,9 % респондентов отмечают позицию «нет интереса к политике и выборам в целом», 6,5 % – «мало информации о кандидатах и партиях», 5,4 % – «устал от политики». Полученные данные позволяют считать отказ от участия в голосовании вполне осознанным выбором респондентов и не относить их к числу «пассивных избирателей».

Сравним данные, полученные в результате exit poll, с официальными результатами голосования в одномандатном округе [7]. Анализ таблицы 2 показывает незначительное расхождение по восьми кандидатам и несколько большее по двум кандидатам, занявшим первое и второе место в округе.

У В. Ф. Чащина, поддерживаемого партией «Единая Россия», данные опроса на 6,2 % превышают итоговые результаты голосования. У В. В. Маслевского, участвующего в выборах под флагом партии «Патриоты России», активно оппонировавшей «Единой России», напротив, результат несколько ниже: 12,2 % против 15,3 %.

Различие в результатах двух кандидатов можно объяснить с помощью теории «спирали умолчания», предложенной немецким политологом Элизабет Ноэль-Нойман [8, с. 43–51]. Согласно этой теории, люди склонны скрывать взгляды, противоречащие общепринятым, чтобы избежать социальной изоляции. Поэтому данные опроса по В. В. Маслевскому ниже. Подобные ситуации наблюдались на муниципальных выборах в 2000 и 2004 гг., когда отклонение данных замеров от итоговых результатов по «Блоку Анатолия Быкова» составляло 2–2,5 раза.

Таблица 1

Выборы депутата Красноярского городского совета 8 сентября 2013 г. в одномандатном округе № 2

Кандидат	Место работы и занимаемая должность	Данные exit poll (% от опрошенных)	Результаты голосования (в %)
Алаторцев Е. В.	Начальник цеха ОАО «Красноярский завод металлических конструкций»	3,6	4,0
Бразаускас Д. В.	Директор ООО «ГражданСтрой»	2,2	2,9
Ербягин С. А.	Помощник председателя ВСРХ	1,4	1,2
Мальцев С. В.	Директор ООО «Управленческие решения»	6,7	7,6

Маслевский В. В.	Начальник участка ООО «РИТЭН»	12,2	15,3
Останина А. Э.	Студент «Регионального финансово-экономического института»	1,1	1,7
Тамоев Р. Т.	Помощник депутат Государственной Думы	13,8	13,5
Терешонок В. П.	Студент «СНб госуниверситета Гражданской авиации»	2,9	3,3
Чащин В. Ф.	Председатель Красноярского городского совета	50,5	44,3
Шитиков А. Г.	Пенсионер	1,4	1,3

В то же время, по мнению немецкой исследовательницы, желание высказывать свое мнение публично тем значительнее, чем в большей степени это мнение, с точки зрения индивида, преобладает в обществе. Отсюда более высокий результат победителя выборов В. Ф. Чащина.

Кандидаты в «партийном разрезе»

Выборы депутатов Красноярского городского совета проводятся по мажоритарно-пропорциональной системе. Избиратели голосуют

как по единому избирательному округу, так и в одномандатных округах. В округе № 2 партийные предпочтения распределились следующим образом. За партию «Единая Россия» проголосовали 37,8 % избирателей, «Патриоты России» – 20,9 %, КПРФ – 13,0 %, «Справедливая Россия» – 9,1 %, ЛДПР, «Гражданская платформа» и «Коммунисты России» не сумели преодолеть пятипроцентный избирательный барьер (4,5 %, 4,6 % и 3,4 % соответственно).

Таблица 2

Электоральная поддержка кандидатов в разрезе политических партий (% от числа избирателей, проголосовавших за партию)

Кандидаты	«Скажите, пожалуйста, за кого вы проголосовали по партийным спискам?»							
	«Единая Россия»	«Патриоты России»	«Справедливая Россия»	КПРФ	«Коммунисты России»	ЛДПР	«Гражданская платформа»	«Яблоко»
Алаторцев Е. В. (ЛДПР)	1,8	0,0	3,9	0,0	5,7	17,2	0,0	0,0
Бразаускас Д. В. («Коммунисты России»)	0,0	1,3	0,0	1,5	20,0	3,4	0,0	0,0
Ербягин С. А. («Зеленые»)	0,4	11,8	2,0	1,5	2,9	0,0	14,3	0,0
Мальцев С. В. («Справедл. Россия»)	0,9	5,3	55,1	3,0	0,0	3,4	0,0	0,0
Маслевский В. В. («Патриоты России»)	2,2	25,0	11,7	10,4	8,6	3,4	0,0	0,0
Останина А. Э. («Яблоко»)	0,0	0,0	0,0	1,5	5,7	3,4	0,0	100,0
Тамоев Р. Т. (КПРФ)	4,8	5,3	2,0	53,7	31,4	24,1	0,0	0,0
Терешонок В. П. («Граждан. платформа»)	0,0	0,0	0,0	1,5	0,0	0,0	71,4	0,0
Чащин В. Ф. («Единая Россия»)	89,5	44,7	21,6	26,9	17,1	44,8	14,3	0,0
Шитиков А. Г. («Родина»)	0,4	6,6	3,8	0,0	8,6	0,0	0,0	0,0

Существует ли связь между партийными предпочтения избирателей и голосованием за кандидатов в одномандатном округе, выдвинутых партиями? Ответ на этот вопрос дает таблица 2, в которой представлены партии, получившие поддержку 3-х и более процентов голосов избирателей. Судя по результатам кросстабуляционного анализа, большая часть сторонников партий в одномандатном округе предпочитала поддерживать «своего» партийного кандидата. Наиболее высокий показатель зафиксирован среди сторонников «Яблоко» (100,0 %), «Единой России» (89,5 %), «Гражданской платформы» (71,4 %). Более половины электората «Справедливой России» и КПРФ также проголосовала за «своего» кандидата (55,1 % и 53,7 % соответственно).

Социальная база поддержки кандидатов

Социальные характеристики избирателей, поддерживающих кандидатов, имеют значительные расхождения.

В. Ф. Чащин: его поддерживали примерно в равной степени мужчины и женщины; разные возрастные группы (44,8–59,8 %), за исключением самых молодых избирателей, где поддержка ниже (32,3 %); представители всех социально-профессиональных групп (уровень поддержки, как правило, 30 % и выше); более активно голосовали – руководители (58,3 %), служащие (62,7 %) и пенсионеры (48,3 %).

С. В. Мальцев: его поддерживали главным образом самые молодые избиратели (19,0 %), руководители (32,2 %), предприниматели (23,4 %), студенты (21,5 %) и ИТР (15,6 %).

В. В. Маслевский: его поддерживали в основном избиратели в возрасте 25–35 лет (17,1 %), работники правоохранительных органов (36,4 %), торговли и сферы услуг (27,6 %) и студенты (22,0 %).

Р. Т. Тамоев: его поддерживали преимущественно домохозяйки (23,3 %), пенсионеры (18,4 %) и рабочие (15,9 %); наблюдается отчетливая зависимость симпатий к кандидату возрастных групп: чем старше избиратель, тем чаще он поддерживает кандидата-коммуниста (от 2,9 %

среди 25–35-летних, до 18,1 % среди тех, чей возраст превышает 60 лет).

Хорошо видно: в отличие от Чащина, которому примерно в равной степени симпатизировали представители большинства социальных групп, структура сторонников Мальцева, Маслевского и Тамоева заметно «сужена» и немногочисленна. Нет ни одной социальной группы, где бы у них поддержка превышала хотя бы треть от их общей численности.

Мотивация поддержки кандидатов

Сразу за вопросом об электоральном выборе кандидатов респондентам задавали открытый вопрос: «А почему вы поддержали именно этого кандидата?» Всего ответы получены от 52,1 % участников опроса. Наибольшее количество высказываний прозвучало в отношении действующего депутата В. Ф. Чащина (164, или 62,1 % от общего числа респондентов, высказавшихся в его поддержку). Анализ полученной информации позволил классифицировать ответы респондентов по их смысловому содержанию на восемь групп (факторов). В скобках приведен ряд дословных, наиболее характерных высказываний респондентов.

Известность (знаем, известен, немного знаю).

Предвыборная программа (у него хорошая программа).

Работа в интересах избирателей округа. Три группы высказывания: 1) забота о людях (помогает людям, делает многое для нас, он за нас); 2) позитивная оценка деятельности как депутата (видна его работа, хороший депутат); 3) благоустройство территории, ремонт школ (помог с ремонтом школы, наш двор преобразился, депутат сам участвовал в разбивке сквера).

Деловые и человеческие качества (человек слова, ответственный, деловой человек, вселяет уверенность в будущее).

Личные симпатии, доверие (хороший человек, свой, родной уже стал).

Рекламно-агитационная кампания (понравилась реклама, видела по телевидению).

Иное (он отстаивает интересы города, потому что против строительства ферросплавного завода, сама агитировала за Чащина).

Используя данную классификацию, проанализируем ответы респондентов по остальным кандидатам, дополнив ее новыми позициями («против «Единой России» и «за новых людей в городском совете»).

Судя по данным таблицы 3, мотивация поддержки действующего депутата и претендентов на место в городской совет заметно различается.

Таблица 3

Мотивация поддержки кандидатов (% от числа ответов за кандидата)

	Чашин	Тамоев	Маслевский	Мальцев
Известность	23,4	–	–	–
Предвыборная программа	1,6	11,8	4,5	13,1
Работа в интересах избирателей округа	32,8	–	–	–
Деловые и человеческие качества	16,4	8,8	4,5	8,7
Личные симпатии, доверие	15,6	14,7	13,6	17,4
Рекламно-агитационная кампания	3,2	5,9	13,6	4,1
Поддержка партии	0,8	41,2	54,5	43,4
Иное	6,4	5,9	–	4,3
Против «Единой России»	–	5,9	–	8,7
За новых людей в горсовете	–	5,9	4,5	–

За Чашина голосовали в первую очередь по причине его известности, наличия у него ценных среди избирателей деловых и человеческих качеств и работы в интересах жителей округа. Обращает на себя внимание незначительное влияние наличия у депутата предвыборной программы, активности ведения рекламно-агитационной кампании и поддержки партии.

Мотивация поддержки других кандидатов иная. Первое место уверенно занимает позиция «поддержка партии», второе-четвертое – «личные симпатии, доверие», «предвыборная программа» и «рекламная кампания». Политическое поведение избирателей вполне рационально. В условиях низкой узнаваемости указанных кандидатов, по данным опроса, проведенного 27–30 августа 2013 г., она колеблется в диапазоне от 6,7 % у Мальцева до 15,8 % у Тамоева, избиратели в первую очередь ориентируются на то, какая партийная структура его выдвигает, а затем оценивают рекламно-агитационную кампанию и следят за предвыборными обещаниями и заявлениями кандидата. В этом смысле ситуация на муниципальных выборах за последние годы мало изменилась. Еще в 2000 г. основной причиной голосования за кандидата в одномандатном округе респонденты называли его принадлежность к именному избирательному блоку «За Красно-

ярск» (блок Пимашкова) или «Блок Анатолия Быкова» [9, с. 137].

Время принятия избирателями электорального решения

В ходе опроса респондентов спрашивали: «Припомните, пожалуйста, когда Вы приняли решение поддержать именно этого кандидата?» Полученные данные (см. табл. 4) позволяют поделить всех избирателей в зависимости от времени принятия решения на три сопоставимые по численности группы. Первую группу (38,1 % от общей численности опрошенных) составляют те, кто принял решение сразу, когда стал известен состав кандидатов. Во вторую группу (27,4 %) входят респонденты, определившиеся с выбором в ходе наиболее активной фазы рекламно-агитационной кампании: агитации в СМИ (в течение месяца до голосования). Третья группа (33,2 %) представлена определившимися с выбором в день голосования или непосредственно на избирательном участке.

Судя по полученным данным, время электорального выбора зависит главным образом от того, за кого избиратели планировали голосовать. Если за действующего депутата В. Ф. Чашина большинство избирателей (73,6 %) приняло решение голосовать до начала активной

фазы рекламно-агитационной кампании (за месяц до выборов), то за его основных оппонентов – в последние дни перед голосованием.

Так, среди сторонников В. В. Маслевского доля отметивших позиции «в последнюю неделю», «в день голосования», «непосредственно на избирательном участке» составляет 42,6 %, Р. Т. Тамоева – 44,3 %, С. В. Мальцева – 64,8 %.

Представленная информация о времени принятия электорального решения позволяет

проследить динамику электорального рейтинга кандидатов (см. табл. 5). Хорошо видно: на всех этапах избирательной кампании В. Ф. Чашин имел заметное электоральное преимущество по сравнению с другими кандидатами: 29,1 % против 12,3 % совокупного рейтинга трех основных кандидатов к моменту определения окончательного состава участников, 32,6 % к 16,2 % – за месяц до выборов, 36,3 % к 20,1 % – за день до голосования.

Таблица 4

Время принятия электорального решения (% от числа избирателей, проголосовавших за кандидата)

Кандидаты	Припомните, пожалуйста, когда Вы приняли решение поддержать именно этого кандидата?						
	Сразу, когда стал известен состав кандидатов	За месяц до выборов	За две-три недели до выборов	В последнюю неделю	В день голосования	На избирательном участке	Не помню
Мальцев С. В.	32,4	0	0	11,8	23,6	29,4	2,8
Маслевский В. В.	34,9	11,0	2,3	9,0	15,0	18,6	9,3
Тамоев Р. Т.	41,0	4,9	4,9	14,8	13,1	16,4	4,9
Чашин В. Ф.	65,8	7,8	5,2	3,2	5,9	9,7	2,4

Для того, чтобы понять развитие электоральной ситуации в округе, помимо данных опроса на выходе с избирательных участков, необходимо

также обратиться и к результатам анкетного опроса, проведенного в округе за месяц до голосования (N = 606).

Таблица 5

Реконструкция динамики электорального рейтинга кандидатов (% от числа принявших участие в выборах)

	Сразу, когда стал известен состав кандидатов	За месяц до выборов	За день до голосования	Результаты голосования
Мальцев С. В.	2,5	2,5	3,4	7,6
Маслевский В. В.	5,3	7,5	7,8	15,3
Тамоев Р. Т.	5,5	6,2	8,9	13,5
Чашин В. Ф.	29,1	32,6	36,3	44,3

Действующий депутат В. Ф. Чашин в той или иной мере был известен двум третям респондентов, половина (49,1 %) имела о нем в целом позитивное мнение. Узнаваемость остальных

кандидатов колебалась в диапазоне 1,3–6,7 %, позитивный имидж находился на уровне погрешности измерения.

Можно предположить следующее развитие электоральной ситуации в округе: большая часть избирателей, принявших участие в выборах и имеющая о действующем депутате позитивное мнение (две трети), приняла решение об его поддержке до начала активной фазы рекламно-агитационной кампании (за месяц до выборов). По мере развертывания избирательной кампании оставшаяся треть постепенно склонялась в его пользу. В конечном итоге доля проголосовавших за В. Ф. Чащина составила 90,2 % от числа имеющих о нем позитивное мнение (44,3 % против 49,1 %).

Всего 8 сентября 2013 г. в качестве кандидатов в депутаты участвовали семь парламентариев предыдущего созыва, избранные в одномандатных округах. Помимо В. Ф. Чащина, победу одержала директор школы № 86 М. М. Малышева с результатом 36,7 %, победившая в округе четвертый раз подряд. Остальные депутаты потерпели поражение. Депутат-самовыдвиженец и депутат от партии «Справедливая Россия» заняли в округах соответственно 4-е и 5-е место, получив поддержку всего 14,2 % и 10,2 % избирателей. Трое представителей партии «Единая Россия», располагавшие заметно более высокими по сравнению с другими претендентами на мандат административными, информационными и иными ресурсами, получили поддержку 28,2 % избирателей (усредненный показатель по трем кандидатам), проиграли малоизвестным кандидатам. Это означает, что в отчетный период деятельность проигравших депутатов не оценили большинство избирателей. И компенсировать указанный недостаток в ходе избирательной кампании в условиях реальной конкуренции, имевшей место быть в Красноярске, действующим депутатам не удалось.

В целом результаты проведенного исследования позволяют сделать следующие выводы, имеющие принципиальное значение.

Во-первых, повторное избрание депутата городского совета в одномандатном округе главным образом зависит от того, как избиратели оценивают его деятельность в отчетный период, и мало зависит от рейтинга узнаваемости и рекламно-агитационных усилий, предприни-

маемых им в период проведения избирательной кампании.

Во-вторых, низкая избирательная активность на выборах 8 сентября 2013 г. (18,6 %) объясняется мнением респондентов о том, что «все кандидаты только обещают» (24,4 %), «выборы ничего не изменят» (22,5 %), «нет доверия кандидатам» (19,7 %), «от моего участия ничего не зависит» (18,4 %). Показательно, что лишь 9,9 % респондентов отмечали позицию «нет интереса к политике и выборам в целом», 6,5 % – «мало информации о кандидатах и партиях», 5,4 % – «устал от политики». Полученные данные позволяют считать отказ от участия в голосовании вполне осознанным выбором респондентов и не относить их к числу «пассивных избирателей».

В-третьих, наиболее отчетливо нежелание участвовать в голосовании продемонстрировали гуманитарная и техническая интеллигенция, а также работники торговли и сферы обслуживания, что может свидетельствовать о негативных процессах, происходящих в ряде отраслей города и появлении новых «точек» социального напряжения в городском социуме. Это дает основание предполагать усиление процесса отчуждения ряда социально-профессиональных групп от органов власти.

В-четвертых, прошедшие в 2012 и 2013 гг. муниципальные выборы указывают на тенденцию снижения избирательной активности горожан. Так, в выборах главы города Красноярска в июне 2012 г. приняли участие 21,3 % от общего числа избирателей, в выборах депутатов городского совета 8 сентября 2013 г. – 18,6 %. Тревожный симптом в действиях местной власти, свидетельствующий о возможности ее делегитимизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чурилова, Н. Н., Потоцкая, С. В. Первый «Exit poll» на Украине // Социологические исследования. – 1999. – № 10.
2. Андреевкова, А. В. Анализ выборов Президента Российской Федерации 2000 – что сказал нам Exit Poll // Власть. – 2000. – № 5.
3. Артемов, Г. П., Авдиенко, Д. А., Попов, О. В., Чазов, А. В. Электорат политических объединений России: опыт проведения Exit poll в Санкт-

- Петербурге» // Политические исследования. – 2000. – № 2.
4. Добреньков, В. И., Кравченко, А. И. Методы социологического исследования: учебник. – М., 2006.
 5. Боков, М. Б., Львов, С. В. Экзитпол как инструмент анализа структуры электората // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2007. – № 2 (82), апрель – июнь.
 6. Злотковский, В. И. Динамика социальной структуры сторонников политических партий (по данным exit poll 2007-2011 гг. в г. Красноярске) // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». – 2012. – № 2 (9). Ч. 1.
 7. Сведения о выборах депутатов Красноярского городского совета депутатов. URL: <http://www.krasnoyarsk.vybory.izbirkom.ru/region/krasnoyarsk?action=show&vrn=424422090326®ion=24&rver=1&pronetvd=1> (дата обращения 25 сентября 2013 года).
 8. Noelle-Neumann E. The Spiral of Silence. The Theory of Public Opinion // Journal of Communication. – 1974. – Vol. 24. № 2.
 9. Выборы органов местного самоуправления города Красноярск в 2000–2001 гг. Процедура. Итоги. Анализ / А. В. Суховольский, В. Г. Суховольский, В. И. Злотковский. – Красноярск, 2002.

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ТУВЕ В СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД

Анайбан З. В.

УДК 311.21

Данная статья посвящена исследованию современной миграционной ситуации в Республике Тыва, ее особенностей и основных тенденций развития. Работа основана на материалах официальной статистики. Анализ показал, что в числе специфических черт современных миграционных процессов в Республике Тыва следует назвать сохраняющееся на протяжении длительного времени преобладание миграционной убыли или отрицательное сальдо миграции. Характерно, что некоренное население ориентировано на выезд за пределы республики, а тувинское – в село или город внутри республики. Специфика внутренней миграции выражается во все большей активизации сельской миграции.

Ключевые слова: **Тува, тувинцы, русские, особенности миграционных процессов, сельская миграция, миграционная мобильность.**

Миграция населения – это сложный социально-экономический процесс, затрагивающий самые разнообразные стороны жизни любого общества. Как известно, миграция способствует обмену трудовыми навыками и производственным опытом, содействует развитию личности, влияет на семейный состав и половозрастную структуру, непосредственно связана с социальной, отраслевой и профессиональной мобильностью населения. В современных условиях усиления значимости миграционных процессов в демографическом развитии населения, наблюдаемого сокращения численности и тенденций его демографического старения возрастает необходимость во всестороннем изучении различных аспектов миграции как глобального социального

явления. В данной работе делается попытка на примере отдельно взятого субъекта Российской Федерации – Республики Тыва показать сложившуюся на сегодняшний день миграционную ситуацию, специфику и тенденции развития миграционных процессов в названном регионе.

Современные миграционные процессы в Туве в целом характеризуются регулярными изменениями объемов и направлений передвижения населения. Как сказано в первой статье закона Российской Федерации «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбора места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации», принятом в середине 1993 г. (с изменениями, внесенными от 25 декабря 2008 г.), «в соответствии с Конституцией Российской

Федерации и международными актами о правах человека каждый гражданин Российской Федерации имеет право на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» [1, с. 1].

Анализ материалов Федеральной службы государственной статистики по Республике Тыва показал, что в целом по республике за последние десять лет в объеме общей миграции (сумма прибытий и убытий) наметилась тенденция постепенного его повышения. Однако, по данным последнего времени, наряду с увеличением численности прибывших и выбывших, наблюдается изменение соотношения между ними, выразившееся в постепенном возрастании миграционного оттока. Таким образом, на данном этапе в Туве, как и в предыдущие годы, отмечается дальнейший рост миграционной убыли. Так, например, этот показатель в 2011 г. по сравнению с прошлым годом возрос более чем в два 2 раза (3860 и 1751 человек соответственно) (см. табл. 1). Необходимо отметить, что сложившаяся к настоящему времени миграционная ситуация была обусловлена, в первую очередь, интенсивным выездом жителей из сельской местности – 131,4 % и прибытием жителей городских, что составило 31,4 % от общего числа миграционной убыли. Кроме того, в определенной степени на это повлияло и то, что с

1 января 2011 г. в общий объем миграции входят лица, зарегистрированные по месту пребывания на срок девять месяцев и более [2, с. 4].

Общий коэффициент миграционного прироста на 10 тыс. среднегодового населения за 2011 г. в Туве составил минус 124,8 чел. Важно отметить, что, по данным Федеральной службы государственной статистики, среди двенадцати регионов Сибирского федерального округа этот показатель по Туве самый высокий. Далее, но с существенным отрывом идут Забайкальский край (минус 84,6 чел.), Республика Бурятия (минус 44,8 чел.), Иркутская область (минус 28 чел.), Алтайский край (минус 23,8 чел.) и Республика Хакасия (минус 19 чел.). Вместе с тем в названном округе миграционный прирост наблюдался лишь в трех его субъектах: Новосибирской области (81,1 чел. на 10 тыс. населения), Томской области (79 чел.) и Красноярском крае (28,1 чел.) [2, с. 2]. Сравнение коэффициента миграционного прироста по Туве за разные годы постсоветского времени показало, что он отличался нестабильностью и носил волнообразный характер. Так, например, если в 1990 г. миграционный прирост за год на 10 тыс. населения составил минус 440, то в 1995 г. – только минус 19, в 2000 г. – минус 37, в 2005 г. – минус 27, в 2011 г. – минус 124,8 [3, с. 560; 2, с. 2].

Таблица 1

Динамика миграции населения Республики Тыва (абс.)¹

Годы	Число прибывших	Число выбывших	Миграционный прирост (снижение)
2003	7607	8295	-688
2008	6771	8798	-2027
2009	8323	9783	-1460
2010	8030	9781	-1751
2011	8713	12573	-3860

Между тем, как показывает практика, в целом из регионов Сибири уезжают больше, чем приезжают. Большинство исследователей объяс-

няют это суровыми климатическими условиями, отставанием уровня жизни населения восточных районов от западных и южных [4, с. 215]. Что касается Тувы, то причина устойчивого превалирования в миграционных процессах выезда над въездом, помимо сложного климата, кроется и в том, что республика по своему географическому положению значительно отдалена от центра, от промышленно развитых регионов России. В дан-

¹ Миграция населения Республики Тыва за 2004 г. Статистический сборник. – Кызыл, 2005. – С. 4; Социально-экономическое положение Республики Тыва за 2009 г. – Кызыл, 2010. – С. 34; Миграция населения Республики Тыва за 2011 г. Статистический бюллетень. – Кызыл, 2012. – С. 5.

ном случае немаловажное значение имеет и то обстоятельство, что ближайший железнодорожный узел находится от границы Тувы примерно в 300 км (от столицы – в 400 км).

Следует отметить, что отрицательное сальдо миграции по республике в разные годы неоднократно привлекало внимание центральных и республиканских органов власти. В целях его сокращения принимались объемные и комплексные меры, такие как установление районных коэффициентов к заработной плате, создание точных инженерных производств, льготы по материально-техническому снабжению и др. Так, например, по мнению местных специалистов, заметному сокращению выезда населения за пределы Тувы в известной степени способствовало появление в 1995 г. Указа Президента Российской Федерации об отнесении республики к районам Крайнего Севера и приравненным к ним местностям. В результате введения данного Указа был обеспечен заметный прирост доходов населения, а также сократился разрыв между уровнем среднемесячной заработной платы в Туве и Российской Федерации. Все это в условиях сложной социально-экономической ситуации в подавляющем большинстве российских регионов, естественно, так или иначе повлияло на миграционную подвижность населения Тувы и до сих пор является одним из ее сдерживающих факторов. Вместе с тем все эти попытки, пожалуй, за исключением последнего, давали лишь краткосрочный эффект и замет-

ного влияния на соотношение «въезд – выезд» не оказывали. Более того, по прошествии двух десятилетий со времени начала социально-экономических реформ, к сожалению, до сих пор в должной мере и объеме не восстановлена работа промышленных и других производственных объектов республики. Понятно, что создание дополнительных рабочих мест на этих предприятиях могло бы, в свою очередь, способствовать активизации миграционных потоков.

Внешняя миграция в данном регионе по итогам 2011 г. составила 1175 прибывших из-за пределов республики и 5035 ушедших за ее пределы (табл. 2). Для сравнения заметим, что если тремя годами ранее (в 2009 г.) прибыло в Туву из других регионов Российской Федерации примерно столько же человек (1182 чел.), то численность выехавших была почти вдвое меньше (2642 чел.) [5, с. 34]. Иными словами, наблюдаемая динамика в миграционных процессах обусловлена главным образом миграционным оттоком.

Заметим также, что во внешнем миграционном обмене, во-первых, довольно значительна роль городских жителей, во-вторых, фиксируемый миграционный отток из республики в той же степени, если не в большей, присущ и для всех городских поселений республики. Так, внешняя миграция в г. Кызыле составила минус 1434 чел., в г. Ак-Довураке – минус 204 чел., в г. Шагонаре – минус 153 чел., в пгт. Каа-Хем – минус 126 чел. и г. Чадаане – минус 123 чел.

Таблица 2

Данные о миграции населения Республики Тыва в 2011 г. (абс.)¹

	Число прибывших	Число выехавших	Миграционный прирост (снижение)
Миграция – всего	8713	12573	-3860
в пределах России	8654	12563	-3909
внутрирегиональная	7538	7538	-
Межрегиональная	1116	5025	-3909
Международная	59	10	49
со странами СНГ и Балтии	56	6	50
С другими зарубежными странами	3	4	-1
Внешняя для региона миграция	1175	5035	-3860
Миграция – городские поселения	6049	6159	-110
в т. ч. внутрирегиональная	5092	3079	2013
Миграция – сельская местность	2664	6414	-3750
в т. ч. внутрирегиональная	2446	4459	-2013

¹ Миграция населения Республики Тыва за 2011 г. Статистический бюллетень. – Кызыл, 2012. – С. 5.

Говоря об особенностях миграционных связей республики, прежде всего отметим, что для местных жителей всегда было характерно тяготение к определенной довольно ограниченной территории. Так, в миграционном обмене республики, включая прибытие и выбытие, как правило, фигурируют соседние регионы, т. е. выехавшие из Тувы предпочитают селиться в регионах Сибирского федерального округа. Если говорить о местах расселения мигрировавших из Тувы, то, по данным 2011 г., наибольшее число в пределах Сибирского федерального округа выехало в Красноярский край (13 %), Республику Хакасия (5,9 %), Новосибирскую область (4,7 %), Томскую область (4,2 %) и Иркутскую область (3,2 %). Численность тех, кто прибыл или выехал в центральные районы России, во все времена была незначительна. Вне Сибирского округа большинство жителей республики выбывает в г. Москву (1,1 %) и г. Санкт-Петербург (0,8 %). Уезжают из Тувы в страны ближнего зарубежья, а также приезжают из этих стран, можно сказать, лишь единицы.

По данным общей миграции, в Туве за 2011 г. процент прибывших из-за пределов региона составил 13,3 %, из них удельный вес тех, кто приехал из стран СНГ и Балтии, достигал лишь 4,8 %. В общем числе миграций 2011 г. на долю выбывших за пределы республики приходилось 40 %, из их числа выехало в страны СНГ и Балтии 0,1 % (см. табл. 2). Сравнение этих показателей, к примеру, с данными пятнадцатилетней давности, во-первых, показывает, что на фоне незначительного роста приехавших в республику на постоянное место жительства в общем числе миграций довольно заметно возрос процент мигрировавших в другие регионы. Так, в 1997 г. прибыло в Туву 18,7 % и убыло 25,6 %. Во-вторых, соотношение этих показателей по странам СНГ и Балтии существенно не изменилось и осталось примерно на том же уровне – соответственно 9,8 % и 1,6 %.

По данным республиканской статистики, среди основных причин, вызвавших необходимость смены места жительства, в настоящее время преобладают причины личного семейного характера (36,7 %), поиск работы (26,3 %),

возвращение к прежнему месту жительства (23,9 %), учеба (5,1 %).

Несколько иной расклад у тех, кто выехал за пределы республики. Из их числа в возрасте 14 лет и старше более всего выехало в связи с учебой (59,2 %), по личным семейным обстоятельствам (21,7 %), из-за поиска работы (8,4 %). От общего числа выбывших за пределы республики в числе главной причины отъезда указали «возвращение на прежнее место жительства» 2,2 %.

В этой связи уместно отметить, что в нашей стране миграция впервые стала изучаться не только статистическими, но и социологическими методами – с позиции миграционного поведения в 70-е гг. прошлого столетия [6]. Именно в это время российские социологи под руководством Т. И. Заславской заложили теоретико-методологические основы изучения миграционного поведения. И, как подчеркивает в своей монографии Т. Н. Юдина, в работах Т. И. Заславской впервые было обосновано положение, что в основе миграционного поведения населения лежат факторы не только объективного, прежде всего экономического характера (такие как развитие производства, наличие рабочих мест, относительно высокий уровень дохода), но и субъективного, формирующегося в зависимости от стереотипов и установок, движущих отдельным индивидом. От этого зависит уровень потребностей и их трансформация, желание их удовлетворять или определенный консерватизм по отношению даже к позитивным переменам, связанным с изменением места жительства, влиянием общественной психологии на поведение индивида под воздействием идеологических и пропагандистских методов [7, с. 160–161]. Вместе с тем результаты исследования, осуществленного нами пять лет назад по проекту «Проблемы адаптации народов Южной Сибири к новым реалиям жизни (Республика Алтай, Республика Тыва, Республика Хакасия)» в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям», показали, что в структуре мотиваций потенциальной миграции жителей республики все же существенно доминировали такие, как «поиск работы», «нестабильная экономическая

ситуация», «ухудшение материального положения». Кстати сказать, о преобладании социально-экономической составляющей в числе основных факторов потенциальной миграции населения разных регионов постсоветского пространства указывали многие исследователи. Так, И. А. Субботина в своей работе, посвященной, в частности, изучению изменений в миграционном поведении гагаузов в современный период, приходит к выводу, что в структуре мотивов потенциальной миграции гагаузов более 90 % заняли мотивы экономического порядка – безработица и низкая заработная плата [8, с. 149].

Характерно, что в Туве из общего числа миграций абсолютное большинство приходится на миграции в пределах России. Так, на сегодняшний день доля прибывших в республику из других российских регионов достигает 99,7 %, среди выбывших – 99,9 % [2, с. 10]. Кроме того, в Туве во всем миграционном обороте основная часть приходилась и приходится на перемещения населения внутри республики, и этот показатель с каждым годом все более возрастает. Таким образом, во всем миграционном обороте республики внутрирегиональная миграция во все годы составляла и по сей день составляет от 60 % до 80 %. По данному показателю в расчете на 1000 человек населения из года в год отмечается тенденция роста в городах и, наоборот, в течение многих лет стабильно отрицательный показатель в селах. Понятно, что превышение числа прибывших над числом выбывших или положительное сальдо миграции в частности в столице республики сложилось в основном за счет оттока мигрантов из сельских поселений республики.

Итак, на протяжении длительного времени и по сей день в Туве сохраняется преимущество за потоком «село – город», т. е. в большинстве своем происходит движение населения из сел в города. К примеру, только за один 2011 г. число прибывших в городские поселения республики насчитывало 5092 чел., в сельскую местность – 2446, т. е. в село приехало вдвое меньше чем в город.

Сельская миграция (как и миграция вообще), вызванная в конечном счете экономическими процессами в народном хозяйстве, обладает

относительной самостоятельностью. Эта самостоятельность обуславливается множеством и разнообразием конкретных причин, тесно связанных с развитием человека как личности. Среди причин сельской миграции традиционно преобладали такие, как стремление улучшить материальное положение, выбрать подходящую профессию, улучшить условия для культурного развития и т. д. [4, с. 65]. В большинстве случаев эти требования удовлетворял город. В обобщенном виде причины отъезда сельских жителей сводились к улучшению условий жизни. Однако в настоящее время все больше стал доминировать такой фактор, как повсеместный рост безработицы во всех сельских поселениях Тувы, нежелание, главным образом молодежи, жить и работать на селе.

Необходимо отметить, что выехавшее из сел население, независимо от района, в абсолютном большинстве устремляется в столицу республики. И эта тенденция сохраняется на протяжении длительного времени. Здесь последние три года наблюдается положительное сальдо миграции, хотя в 2011 г. по сравнению с предыдущим этот показатель немного понизился (1,1 %) [9, с. 9]. По последним данным, миграционный прирост внутри республики зарегистрирован лишь в столице республики г. Кызыле (459 чел.) и в пгт. Каа-Хем Кызылского кожууна (района), который практически примыкает к столице (142 чел.). Во всех остальных районах республики фиксируется отток населения, в особенности из сельской местности. При этом наибольшая миграционная убыль отмечается в Дзун-Хемчикском (минус 668 чел.), далее в Улуг-Хемском (минус 461 чел.), Барун-Хемчикском (минус 339 чел.), Каа-Хемском (минус 310 чел.), Тандинском (минус 255 чел.), Сут-Хольском кожуунах (минус 216 чел.), а также в г. Ак-Довураке (минус 147 чел.). Что касается большей миграционной подвижности населения одних кожуунов по сравнению с другими, заметим лишь, что более высокий миграционный отток наблюдался из тех районов, где по разным причинам социально-экономическая ситуация значительно сложнее, в частности, выше уровень безработицы. В данном случае исключение составляет Кызылский кожуун. Видимо, как раз

его территориальная близость с городом предоставляет больше возможностей для более оперативного решения социальных проблем.

Большое социально-экономическое и демографическое значение имеет изучение половозрастного состава мигрантов, что обусловлено существующими особенностями, отличающими мигрирующих от населения в целом, и теми изменениями, которые при массовом характере современной миграции происходят в составе населения в районах выхода и вселения.

По данным статистики, в Туве большей миграционной подвижностью, хотя и в незначительной мере, обладают женщины. Так, из всего числа прибывших в 2011 г. доля женщин составила 59,5 % и примерно столько же в числе выбывших – 58,9 % (табл. 3). Как и в предыдущие годы, показатели миграционной убыли у женщин почти вдвое выше, чем у мужчин – минус 2401 и минус 1459 соответственно [2, с. 10].

Таблица 3

Распределение мигрантов по полу и возрастным группам по Республике Тыва (абс.)¹

Всего мигрантов	Число прибывших			Число выбывших		
	оба пола	мужчины	женщины	оба пола	мужчины	женщины
Вся миграция	8713	3816	4897	12573	5275	7298
в т. ч. в возрасте: трудоспособном	7583	3353	4230	10921	4611	6310
старше трудоспособного	575	175	400	844	253	591
14 лет и старше	8336	3626	4710	12017	4991	7026
18 лет и старше	7929	3419	4510	10977	4545	6432

Что касается возрастных отличий участвующих в миграционном обмене, и у мужчин, и у женщин существенно преобладают люди трудоспособного возраста. Кроме того, как и следовало ожидать, среди них довольно высока доля молодежи (см. табл. 3).

Исходя из данных статистики, можно констатировать, что среди участвующих в миграционном обмене довольно значительна численность людей, имеющих образование. Так, среди прибывших в республику в возрасте 14 лет и старше доля тех, кто имеет высшее профессиональное, незаконченное высшее профессиональное и среднее профессиональное образование, составляет почти 60 %, среди выбывших – 46 %. Почти треть мигрантов –

это люди, имеющие среднее общее (полное) образование. Из всего числа мигрантов удельный вес лиц с начальным общим и не имеющих образования в обеих группах – прибывших и выбывших – ничтожно мал [2, с. 17]. Следует также отметить, что в обоих миграционных потоках – в республику и из республики – процентное соотношение лиц как с высшим, так и с незаконченным высшим и со средним профессиональным образованием у женщин существенно выше, чем у мужчин, особенно в группе выбывших, которые имели среднее специальное образование (почти в 2 раза). Данное обстоятельство, по-видимому, можно объяснить, во-первых, численным превосходством женщин как в составе населения Российской Федерации, так и в составе Тувы, во-вторых, известно, что в стране в целом и в республике в частности процент образованных женщин

¹ Миграция населения Республики Тыва за 2011 г. Статистический бюллетень. – Кызыл, 2012. – С. 10.

несколько выше, чем мужчин. Однако в связи со сложившейся с некоторых пор ситуацией на рынке труда можно констатировать, что доминирование численности женщин среди мигрантов, в том числе среди имеющих образование, не «спасает», а наоборот, осложняет обстановку. Ведь не секрет, что женщине, даже при наличии всех необходимых требований для трудоустройства, гораздо труднее найти работу, чем мужчине. Как показывает опыт, по разным объективным и субъективным причинам преимущество при приеме на работу практически почти во всех сферах трудовой деятельности отдается мужчине. И не случайно сегодня доля женщин в числе безработных как по России в целом, так и в Туве существенно превышает все остальные группы.

Одной из особенностей процессов миграции в Туве является тот факт, что миграционная подвижность тувинского населения ограничивается пределами республики. В этой связи следует особо сказать, что Тува, пожалуй, единственный национальный регион Российской Федерации, где отмечено положительное сальдо миграции титульной национальности из села в город. Статистические данные позволяют говорить, что уровень миграции тувинцев за пределы своей республики всегда был крайне низок.

Что касается русских жителей, которые, наряду с тувинцами, относятся к основным этническим группам республики, они являются активными участниками миграционных процессов. В основном это городские жители, в подавляющем большинстве выезжающие в другой город внутри республики или в какой-либо населенный пункт за ее пределами (в данном случае это может быть в равной мере как город, так и сельская местность). Во все годы процент русских в составе когда-либо выехавших из Тувы был всегда достаточно высок. Доля участия в миграционном обмене представителей других национальностей в целом невелика, и для них характерна невысокая миграционная подвижность.

В постсоветский период особенно отчетливо обозначилась тенденция все более возрастающего оттока русских жителей из сел

республики. Их отъезд из сельской местности отмечался по двум направлениям – в города Тувы и за ее пределы. Причины миграции разнообразны. В значительной степени они сводятся к тому набору показателей, которыми определяется уровень жизни. Кроме того, в числе причин миграционного оттока русских из Тувы, особенно отчетливо обозначившегося в постсоветский период, следует назвать изменившуюся ситуацию на рынке труда, связанного с изменением исторически сложившегося их положения в социальной иерархии республики. В настоящее время благоприятные позиции на рынке труда стали потенциальным объектом конкурентной борьбы и для представителей титульной национальности. Таким образом, можно констатировать взаимообусловленность и взаимосвязь фактора занятости населения и его миграционного поведения.

Среди причин повышения миграционной мобильности русских следует также назвать их сравнительно слабую интегрированность с титульной национальностью, наличие существенных этнокультурных различий между основными этническими группами Тувы. Достаточно отметить, что, по данным Всесоюзных переписей населения, за более полувека совместного проживания менее 1 % русских в какой-то мере овладели языком титульной национальности. Показательно, что, по сравнению с другими регионами, во все годы здесь было незначительное число межнациональных браков. Хотя справедливости ради заметим, что, по мнению специалистов, в последние годы здесь наметилась тенденция роста браков, заключенных между представителями разных национальностей¹.

Таким образом, при характеристике современных миграционных процессов в Республике Тыва в числе специфических черт прежде всего следует назвать сохраняющееся на протяжении длительного времени преобладание миграционной убыли или отрицательное сальдо миграции. Возрастная структура обоих потоков во все годы отличалась высоким процентом населения в трудоспособном возрасте. Исходя из этого, можно сказать, что

¹ Материалы ЗАГС г. Кызыла Республики Тыва.

ЛИТЕРАТУРА

главными мотивами, вызывающими переезд, остаются проблемы трудоустройства и потребность в достойных социальных условиях жизни. При этом наибольшая миграционная мобильность по-прежнему характерна для молодежи, на долю которой приходится примерно две трети из общего числа мигрирующих в трудоспособном возрасте. Подавляющее большинство участвующих в миграционном обмене – люди, как правило, имеющие образование. Имеются заметные различия в уровне и направленности миграционной активности титульной национальности и русскоязычного населения республики. В современный период для миграционных процессов Тувы характерна ситуация, когда некоренное население ориентировано на выезд за пределы республики, а тувинское, как правило, – либо в другое село, но чаще в город внутри республики. В целом специфика внутренней миграции в настоящее время состоит в том, что все более активизируется сельская миграция. Понятно, что нестабильность социально-экономической ситуации и ухудшение условий жизни на селе будет в дальнейшем сопровождаться ростом миграционного потока из сельской местности в города республики.

1. Закон о миграции «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбора места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» – Официальный сайт компании «КонсультантПлюс».
2. Миграция населения Республики Тыва за 2011 год. Статистический бюллетень. – Кызыл, 2012.
3. Демографический ежегодник России. 2008. – М., 2008.
4. Региональные особенности воспроизводства и миграции населения в СССР. – М., 1991.
5. Социально-экономическое положение Республики Тыва за 2009 г. – Кызыл, 2010.
6. Заславская, Т. И., Рыбаковский, Л. Л. Процессы миграции и их регулирование в социалистическом обществе // Социологические исследования. – 1978. – № 1.
7. Юдина, Т. Н. Социология миграции: учебное пособие для вузов. – М., 2006.
8. Субботина, И. А. Гагаузы: расселение, миграция, адаптация (вторая половина XX – начало XXI в.). – М., 2007.
9. Социальный паспорт г. Кызыла за 2011 год // Общегородская газета «Кызыл. Неделя». – 2012. – № 18. 4–10 мая.

ИДЕНТИФИКАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ У ТЮРКОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОХРАНЕНИЯ НАСЛЕДИЯ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА¹

Кимеев В. М., Терентьев В. И.

УДК 009.39.1

В статье анализируются современные теоретические подходы к пониманию природы ревитализационных процессов тюркских народов Южной Сибири, господствующие главным образом в среде национальной интеллигенции, и предлагается практический путь сохранения этнокультурного наследия через создание экомузеев в местах компактного проживания аборигенных этнических общностей. Подобный вариант наиболее логичен и продуктивен в целях избегания конструирования национально-политического дискурса и оптимизации государственной национальной политики.

Ключевые слова: **социокультурные трансформации, национально-политический дискурс, традиционная культура, наследие, экомузеи, Южная Сибирь.**

Тема социально-политической и культурной адаптации постсоциалистических наций к российским демократическим реалиям рубежа веков не теряет своей актуальности и неоднократно становилась объектом этнологического анализа. В результате стихийных изменений в культуре аборигенных этнических общностей возникла необходимость сохранения материальных проявлений утрачиваемого в настоящее время первичного культурного пространства, или, говоря другими словами, историко-культурного наследия аборигенов. Государственный этнополитический дискурс в нашей стране направлен на конструирование нового этнокультурного пространства, условно называемое нами вторичным. Свидетельство этому – существование растущего от переписи к переписи списка «коренных малочисленных народов». Поэтому при условии продолжения следования подобной политике проблема адекватного оценивания этнокультурных процессов и выработка путей сохранения наследия в необозримом будущем вряд ли потеряет свою актуальность.

Основные черты первичного этнокультурного пространства (или традиционного культурного комплекса) аборигенов к настоящему времени значительно деформированы, а в большинстве случаев значительно утеряны. Вторичное пространство конструируется силами

местной власти, фольклорных коллективов и чаще всего имеет крайне отдаленное отношение к действительности (первичному пространству). Но через фольклорные мероприятия, фестивали и народные праздники элементы вторичного этнокультурного пространства легитимизируются и обретают черты традиционности. Так, мы наблюдаем явление, схожее с описанным Э. Хобсбаумом процессом «изобретения» традиций. Процесс формирования вторичного этнокультурного пространства получил наименование «национально-культурное возрождение».

В данной статье на этническом материале Южной Сибири рассмотрим доминирующие подходы к постижению процесса формирования вторичного этнокультурного пространства, проанализируем процесс «национально-культурного возрождения» и его место в комплексе мер по сохранению этнокультурного наследия.

В российской этнографии комплексный анализ ревитализационных процессов в контексте сохранения историко-культурного наследия аборигенных этнических общностей Южной Сибири, насколько нам известно, не предпринимался. Частично одного из аспектов этой проблемы касались И. В. Октябрьская и Е. В. Самушкина, рассмотревшие в ряде работ символические и соционормативные срезы этнополитического движения в южносибирских республиках [1; 2], и Г. В. Грошева [3], в работе которой описываются формы национально-госу-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта ГРНФ № 14-11-42003.

дарственного строительства в Республике Хакасия.

В зависимости от подхода к пониманию природы этничности у этнографов и социальных философов, которые в последнее время всё чаще приближаются к первым в предмете своего изучения, формируется исследовательская терминология и модель понимания и анализа современных социокультурных трансформаций, протекающих у аборигенов. Исходя из целей и задач конкретного исследования, они получили в литературе самое различное наименование: «этнический ренессанс» [4, с. 3], «этнический неотрадиционализм» [5, с. 205–207], «социокультурный неотрадиционализм» [6; 7], «мультиренессанс» [8], «архаизация общества» [9].

Такое разнообразие исследовательских доктрин и подходов не всегда соотносится с действительностью и чаще всего не позволяет стороннему наблюдателю, не знакомому с этнической спецификой региона, идентифицировать реальную ситуацию. Если одна из первых исследовательниц такого рода процессов Е. Ю. Кошелева в своей кандидатской диссертации, посвященной общественно-политическому движению аборигенных народов Сибири, не акцентирует внимание на терминологии, то недавние работы социальных философов, наоборот, построены по большей части на разработанной самими авторами методологии.

Так, тувинская исследовательница Ч. К. Ламажаа объясняет пертурбации тувинского общества в условиях кризиса прежних идентичностей неосознанным стремлением «к архаическому социокультурному наследию» [9, с. 19]. По её мнению, феномен архаизации проявляется в хозяйстве (его натурализация и возрождение ценностного значения скота), социальной сфере (клановость в политике и воссоздание семейно-родовых объединений), в пространственно-временных представлениях и т. п. Она полагает, что неотрадиционализм принципиально отличается от предлагаемой ею концепции архаизации общества осознанным, целеполагающим поведением масс, сохраняющих и использующих традиции, сформировавшиеся в разные исторические периоды. Напротив, в архаизации этот период един для всех тувинцев и приходится на время

складывания «социокультурного комплекса кочевничества Центральной Азии», т. е. на первые века нашей эры [9]. Последний аргумент не позволяет использовать эти подходы для анализа современных социокультурных трансформаций, разворачивающихся в Притомье. Ниже мы остановимся на этом более подробно.

По мнению хакасского философа Л. В. Анжигановой, этнический, или этнокультурный, неотрадиционализм определяется как ориентация сознания людей «на включение традиционных ценностей, форм жизнедеятельности, социальных отношений этноса в модернизационные процессы для обретения этносом целостности во времени и пространстве» [5, с. 205]. Исходя из этого, выделяются следующие его формы: этнополитический (съезды хакасского народа); этноэкономический (возрождение традиционных форм природопользования); этноэкологический (сакрализации родной земли); этнокультурный (возрождение календарных праздников и обрядности); этноконфессиональный; этнопедагогический; этнический [5, с. 206–209].

Причина отсутствия подобных научных сочинений в национально-политической среде алтайцев, возможно, кроется в более рациональном подходе к постсоветской действительности и в наличии реальных, не утраченных в процессе советизации элементов традиционной культуры. Инструменталистское дробление алтайцев на кумандинцев, челканцев, теленгитов и алтайкижи подогревает родовое движение с возрождением зайсаната у последних. Имея в запасе богатый историко-культурный потенциал, алтайцы не прибегают к конструированию в научной, социально-политической и бытовой среде новых традиций, а реанимируют прерванные: уже отмеченный зайсанат, праздничную культуру, традиционные элементы одежды и т. д.

Новосибирские этносоциологи полагают, что «социокультурный неотрадиционализм можно рассматривать как условие благополучного развития отдельных народов...», он «характеризует единство, меру традиции и новации» [10, с. 11]. По мнению С. А. Мадюковой (Ивановой), традиция может адаптироваться к новым условиям, «не переставая быть традицией... она обретает новые формы и способы существования»,

поэтому понятие «неотрадиционализм» вполне применимо к современной ситуации [7, с. 10]. В ряде работ фактически ставится знак равенства между понятиями «сохранение» и «возрождение» [6, с. 96; 7, с. 11].

Необходимым условием сохранения традиции и, следовательно, традиционной культуры является её непрерывная межпоколенная передача. В этой связи следует отметить один немаловажный факт, что современные аборигенные этнические общности разделены как минимум по двум группам: городские жители, в большинстве своём утратившие элементы традиционной культуры и ассимилированные в российской среде, и сельские жители, часть из которых продолжает сохранять некоторые элементы традиционной культуры. У каждой из этих групп социокультурные трансформационные процессы протекают по-разному. Поэтому говорить о сохранении хоть и в измененном виде традиций, а равно и культуры у всех представителей этнической общности не вполне верно.

После советизации трех поочередно сменяющих друг друга поколений со всеми вытекающими последствиями вряд ли можно с абсолютной уверенностью рассуждать о сохранении к настоящему времени тех традиций, что в сумме своей составляли первичное этнокультурное пространство. Наиболее ярко это можно проиллюстрировать примером возрождения «традиционных религий» (ак-тян у алтайцев, (нео) шаманизм и неотенгрианство у шорцев, хакасов, тувинцев) и иных нативистических движений, а также возникших вокруг этого дискуссий.

Современные этнические процессы имеют более сложный характер и вряд ли могут быть вписаны в рамки однозначной концепции. В большинстве из перечисленных выше социально-философских построений практически не уделяется должного внимания ведущей роли учреждений государственной и местной власти в возрождении традиционной жизнедеятельности южносибирских этнических общностей.

Перспектива сохранения традиционной культуры заключается исключительно в сохранении этнокультурного наследия. Поэтому рассмотрим наиболее продуктивный способ сохранения наследия в составе экомузеев, про-

демонстрированный в Притомье без обращения к неоднозначному национально-политическому дискурсу.

На территории Притомья впервые в России была создана серия новых для скансенологии музейных комплексов под открытым небом – экомузеев. Именно экомузеи являются одной из форм сохранения первичного этнокультурного пространства, их главной задачей является сохранение и оптимальное развитие природной и этнокультурной среды как взаимосвязанных частей единого целого, поддержание экологического равновесия между людьми, природной средой и памятниками, сохранение национальной самобытности местного населения, создание системы саморегуляции социальных отношений. Создание экомузеев в местах компактного проживания аборигенных этнических общностей стало одним из катализаторов возрождения этнического самосознания. Но в то же время это происходит не в массовом порядке и не по указанию сверху. Экомузей актуализирует этнокультурное наследие, причем главными действующими лицами в данном процессе становятся местные жители. Экомузей как экспериментальная площадка позволяет прогнозировать развитие этнокультурных процессов.

Из ряда спроектированных экомузеев реально в настоящее время функционируют три: шорский «Газгол», телеутский «Чолкой» и русско-тюльберский «Тюльберский городок».

Одной из важных и часто оставляемых без научного внимания остается проблема соотношения понятия «возрождение традиционной культуры» с современными ревитализационными процессами. Восстанавливаемая первичная этнокультурная среда у городских шорцев, телеутов и калмаков искусственно поддерживается органами культуры местной власти только среди участников фольклорных коллективов и не может ретранслироваться на сельских жителей. В этой связи по-прежнему не решена проблема создания эффективной и понятной самим аборигенам системы сохранения этнокультурного наследия в местах их компактного проживания.

Для таких дисперсно расселенных этнических общностей с комплексным хозяйством,

как, например, сельских шорцев, очень трудно определить (сконструировать?) единые для всех этнолокальных групп традиции, возрождение которых в настоящее время демонстрируется фольклорными ансамблями. Здесь интересен другой момент: с 1990-х гг. между представителями национальной интеллигенции Южной Сибири происходил «взаимообмен традициями», в результате которого у тех же шорцев появляются абсолютно не свойственные им культурные элементы. Например, хакасская коновязь, необходимая в степи, но неуместная в таёжной местности, каменные насыпи обо/овоо, исторически распространенные у алтайцев, тувинцев и монголов. И, как следствие, новация установки коновязей и обо в национально-политическом дискурсе удревняется и становится, по мнению интеллигенции, составной частью традиционного культурного комплекса.

Выступая, как отмечалось выше, в качестве экспериментальной площадки, экомузеев становится одним из мест проявления мобилизованной этничности. Так, в поселке Усть-Анзас Таштагольского района, в действующем экомузее «Тазгол», неоднократно устраивались празднования юбилея поселка, во время которых собиралось огромное количество жителей, большей частью приехавших из г. Таштагол и п. Шереш. Данная мобилизация проявляется здесь как минимум в двух аспектах: вторичные явления неокамланий городской шаманки на центральной поляне экомузеев и переосмысление большинством роли наследия в повседневной жизни местных жителей, наследие становится одним из инструментов манифестации этничности.

Также регулярно проводятся календарные праздники русских сибиряков и аборигенов Притомья в экомузее «Тюльберский городок», в которых активное участие принимают делегации шорцев, телеутов, татар и монголов. Безусловно, в данных мероприятиях участвуют в основном городские жители, но на территории экомузеев в игровой форме происходит осознание роли утраченных традиций в жизни аборигенных этнических общностей. Здесь мы наблюдаем своеобразный синтез неотрадиционалистского подхода к наследию и практической стороны, проявляющейся в игровой форме

Итак, сформулированное основоположником экомузеологии французским этнографом Жоржем Анри Ривьером трехчастное понимание экомузеев как лаборатории, заповедника и школы вполне может быть реализовано на практике. Но основополагающими факторами успешного функционирования любого экомузеев являются заинтересованность и поддержка властей и активное участие местных жителей.

Подводя итог, отметим наличие огромного количества теоретических разработок, использование которых с известной долей помогает оценить калейдоскоп аспектов т. н. «национально-культурного возрождения» и сформулировать свое понимание данных процессов, попытка изложения которого была предпринята в данной статье.

ЛИТЕРАТУРА

1. Самушкина, Е. В. Символические и соционормативные аспекты современного этнополитического движения Республики Алтай, Республики Тыва, Республики Хакасия (конец XX – начало XXI в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Томск: ТГУ, 2008.
2. Октябрьская, И. В. Общественное движение в Республике Алтай: традиционализм и проблема мобилизации этничности (конец XX – начало XXI века) / И. В. Октябрьская, Е. В. Самушкина // Вестник НГУ. Серия: история, филология. 2006. Т. 5, вып. 3: Археология и этнография (приложение 1).
3. Грошева, Г. В. Хакасский этнос в системе российского федерализма (1990-е – 2000-е гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Томск, 2003.
4. Кошелева, Е. Ю. Этнические движения коренных малочисленных народов Сибири на рубеже XX–XXI веков (западносибирский регион): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Томск, 2003.
5. Анжиганова, Л. В. Этнокультурное пространство Республики Хакасия: основные проблемы, противоречия и субъекты развития // Население Сибири: межнациональные отношения, образование и культурная идентичность / Под ред. М. А. Жигуновой, Е. М. Данченко. – Омск, 2011.
6. Иванова, С. А. Феномен социокультурного неотрадиционализма: к постановке проблемы // Вест-

- ник НГУ. Серия: Философия. Т. 4. Вып. 2. – Новосибирск, 2006.
7. Мадюкова, С. А. Социокультурный неотрадиционализм в обрядах жизненного цикла (на примере женщин тюркских народов Южной Сибири): автореф. дис. ... канд. философ. наук. – Новосибирск, 2008.
 8. Попков, Ю. В. Социокультурный неотрадиционализм в этносоциальном развитии // Избранные тезисы выступлений участников Международного семинара «Этносоциальные процессы во Внутренней Евразии» (г. Петрозаводск, июнь 2011 г.) // Новые исследования Тувы. № 2–3. – 2011. – С. 93–94. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_2-3/3780-tezisy.html.
 9. Ламажаа, Ч. К. Архаизация в период социальных трансформаций (социально-философский анализ тувинского феномена): автореф. дис. ... докт. философ. наук. – Москва, 2011.
 10. Попков, Ю. В. Государственная национальная политика Российской Федерации: концептуальные установки и проблемы // Этносоциологию – молодым: Материалы международных школ молодых этносоциологов / Под ред. Ю. В. Попкова, Е. А. Ерохиной. – Новосибирск, 2012. – Вып. 2.

ПЕРСОНАЛИИ

С. П. УЛТУРГАШЕВ – ОРГАНИЗАТОР, ПЕДАГОГ, УЧЕНЫЙ, ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ

Тугужекова В. Н.

УДК 929

В статье рассматривается биография организатора гуманитарной науки и высшего профессионального образования в Хакасии, ученого, общественного деятеля Степана Павловича Ултургашева. Большое внимание уделяется работе С. П. Ултургашева в Хакасском научно-исследовательском институте языка, литературы и истории в качестве директора.

Ключевые слова: **Абаканский государственный педагогический институт, Хакасский НИИЯЛИ, педагог, ученый, организатор науки, высшее профессиональное образование.**

1 марта 2014 г. Степану Павловичу Ултургашеву исполнилось бы 84 года, ровно десять лет как его нет с нами. Он умер 28 марта 2004 г. В канун своего 75-летия Степан Павлович в своей автобиографии писал: «Мои жизненные ресурсы и творческий потенциал еще не исчерпаны. Я продолжаю работать» (9 января 2003 г.). Но судьба распорядилась иначе.

С. П. Ултургашев, кандидат исторических наук, профессор, один из виднейших ученых Хакасии, талантливый педагог и крупный организатор высшей школы, родился 1 марта 1930 г. в улусе Политов Аскизского района в бедной крестьянской семье. Степан Павлович в своей автобиографии писал: «Улус (ныне аал) был назван именем моего прадеда Политки Ултургашева и

С. П. Ултургашев

продолжает носить его имя, хотя уже сменилось три государственных строя и до десятка поколений населения». С началом войны в августе 1941 г. его отец, Павел Николаевич, был призван в ряды Красной армии, работал сначала на строительстве Новосибирского авиазавода, а затем в

составе Сибирского добровольческого корпуса в 1942 г. был направлен на фронт, воевал на Волховском фронте и пропал без вести в начале 1944 г. Мать Прасковья Васильевна все свои силы отдала, чтобы поставить детей на ноги. Вот как вспоминает свою первую встречу с Ултургашевым его самый давний и верный соратник Венедикт Григорьевич Карпов: «В далеком суровом 1944 г. к зданию Хакасского педагогического училища, которое находилось тогда в с. Таштып, подъехал мальчик верхом на коне в самодельной шубе. Не слезая с лошади, он спросил: «Где тут принимают документы на учебу?» Заметив всадника, случайно проходившая мимо директор училища Сальма Густавовна Тамм объяснила ему, как это нужно сделать, но всадник, прямо сидя в седле, подал ей документы. Оказывается, он боялся, что лошадь может убежать и ему домой в с. Тёя придется идти пешком». После окончания в 1947 г. училища Степан Павлович работал в Первомайской (Полтаковской) школе учителем, а затем завучем Бельтырской школы. Осенью 1948 г. он был избран вторым секретарем Аскизского райкома комсомола. Через год как один из лучших комсомольских вожаков Степан Павлович направлен в Москву, в Центральную комсомольскую школу, где учился с 1949 по 1951 г. Одновременно он заочно учился на историческом факультете МГУ.

В 1951 г. С. П. Ултургашев окончил ЦКШ с красным дипломом, вернулся в Хакасию. В июле 1951 г. его избрали первым секретарем Аскизского райкома ВЛКСМ.

Новой вехой в жизни С. П. Ултургашева стал 1952 г., когда он окончил исторический факультет МГУ, Ученый Совет истфака МГУ рекомендовал его в аспирантуру. В том же 1952 г. Степан Павлович был принят в аспирантуру Института истории АН СССР. Кандидатскую диссертацию «Советская сельская интеллигенция и ее роль в подъеме политического и культурно-технического уровня колхозного крестьянства во второй пятилетке (1933–1937 гг.)» писал под руководством известного историка Татьяны Алексеевны Ремизовой. Учасье в аспирантуре, он активно сотрудничал с ХакНИИЯЛИ. Так, с 15 июля 1953 г. по 20 августа 1953 г. он был временно принят на полставки в сектор истории для участия в историко-этнографической экспедиции в Аскизский район. Далее 10 марта 1955 г. С. П. Ултургашев был принят в ХакНИИЯЛИ на должность младшего научного сотрудника, по совместительству находясь в Москве. Защита диссертации С. П. Ултургашева состоялась 23 апреля 1956 г. А 1 октября 1956 г. Высшая аттестационная комиссия (ВАК) утвердила решение диссертационного Совета Института истории АН СССР о присуждении ученой степени кандидата исторических наук С. П. Ултургашеву.

После защиты Степан Павлович вернулся в Хакасию, его сердечно принял в облкоме КПСС первый секретарь Влас Иванович Колпаков, который поздравил его с успешной защитой диссертации и объявил о решении обкома КПСС назначить его директором Хакасского НИИЯЛИ. Он сменил Д. Ф. Патачакову (Кокову), которая в течение года временно исполняла обязанности директора института.

Во главе института С. П. Ултургашев был с 1 июня 1956 г. по 16 сентября 1959 г. За время его работы в институт пришли такие ученые, как кандидаты филологических наук Д. И. Чанков, М. И. Боргояков, П. А. Трояков, кандидат исторических наук К. Г. Чаптыков, молодые исследователи У. Н. Кирбижекова, К. Г. Копкоев. Институт стал тесно сотрудничать с известными

учеными из Москвы, Красноярска и др. городов, такими как член-корр. АН СССР С. В. Киселев, проф. Л. П. Потапов, А. П. Дульзон, Л. Р. Кызласов, Л. А. Евтюхова, П. Н. Мешалкин и др.

В полевой сезон 1956 г. были завершены раскопки Большого Салбыкского кургана под руководством С. В. Киселева.

По инициативе ХакНИИЯЛИ обком партии и облисполком в июне 1958 г. широко отметили 250-летие присоединения Хакасии к России.

В 1959 г. Степан Павлович перешел в Абаканский пединститут, оставаясь работать по совместительству в ХакНИИЯЛИ старшим научным сотрудником до 1 февраля 1960 г. Почти 50 лет своей жизни он посвятил педагогической работе по подготовке специалистов народного образования.

Через 10 лет, в начале 1969 г., Степан Павлович вновь вернулся в ХакНИИЯЛИ на 1,5 года, до осени 1970 г. В пединституте Степан Павлович в это время возглавлял кафедру марксизма-ленинизма. Обком партии вновь назначил Степана Павловича директором института, т. к. перед Хакасской автономной областью открылись огромные перспективы, связанные с формированием Саянского ТПК. Именно в эти годы в ХакНИИЯЛИ создается сектор экономики, который сыграл важную роль в социально-экономических исследованиях по Саянскому ТПК.

Однако осенью 1970 г. Степан Павлович возвратился в Абаканский пединститут, где прошел путь от заведующего кафедрой до ректора, которым проработал с марта 1977 г. до 1 ноября 1994 г.

В апреле 1989 г. Государственный комитет по народному образованию СССР присвоил Степану Павловичу звание профессора. Степан Павлович написал свыше 80 научных работ и свыше сотни проблемных и информационных публикаций и статей в газетах. Он подготовил три монографии: «Пирятинская Краснознаменная» (1966), второе издание – (1996), «Сибирская Гвардейская» (1973, 1985 и 1992), «Был всегда нацелен на будущее» (1996). Он соавтор пяти научных трудов-монографий: «Долголетие» (1960), «Очерки истории Хакасии 1917–1961 гг.» (1963), «Историография Советской Сибири» (1968), «От Енисея до Эльбы» (1975), «Очерки истории Хакасской организации КПСС» (1987).

Вокруг С. П. Ултургашева постоянно работал коллектив ученых-единомышленников. Он был одним из инициаторов создания в январе 1996 г. Института саяно-алтайской тюркологии (ИСАТ) ХГУ им. Н. Ф. Катанова, осуществляя научно-методическое обеспечение преподавания по программам института. Во главе ИСАТа С. П. Ултургашев работал до конца своей жизни (1996–2004). Опыт создания ИСАТа был использован при организации Института искусств, Института истории и права ХГУ.

Многогранная научная и просветительская работа С. П. Ултургашева заслужила ряд высоких правительственных наград. Он награжден орденом Трудового Красного Знамени, орденом «Знак Почета» и рядом медалей, в том числе: «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», «За освоение целинных земель», «За доблестный труд», «50 лет Победы». Он награжден Почетной грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР, Почетной грамотой Верховного Совета Республики Хакасия, почетными грамотами Министерства Просвещения СССР и РСФСР. Ему присвоены почетные звания «Заслуженный деятель культуры РСФСР», «Заслуженный деятель науки Республики Хакасия»,

«Отличник народного образования», «Отличник просвещения СССР». Он был награжден медалью им. С. И. Вавилова. В 1996 г. С. П. Ултургашеву была присуждена Государственная премия им. Н. Ф. Катанова. Его труд неоднократно поощрялся приказами Министерства просвещения и высшего образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рукописный фонд ХакНИИЯЛИ. Ф. 53. Личное дело С. П. Ултургашева (15.07.1953–01.02.1960). 25 л.
2. Чебодаева, Л. И. Педагог, ученый, общественный деятель. К 70-летию со дня рождения Ултургашева Степана Павловича // Ежегодник института саяно-алтайской тюркологии. IV выпуск. – Абакан, 2000.
3. Чебодаева, Л. И. Ултургашев Степан Павлович. Биобиблиографический указатель // Указ. выше ежегодник.
4. Чебодаева, Л. И. Педагог, ученый, общественный деятель. К 70-летию со дня рождения Ултургашева Степана Павловича. – Абакан, 2005.

УЧЕННЫЕ СЕКРЕТАРИ ХАКНИИЯЛИ

Данькина Н. А.

УДК 929

В статье представлена биография ученых секретарей ХакНИИЯЛИ за период его существования с 1944 г. по настоящее время. Дана краткая характеристика их научных интересов. Показана роль ученых секретарей в организации гуманитарной науки в Хакасии. Ключевые слова: **ученый секретарь, гуманитарная наука, история Хакасии, хакасский язык, Ученый совет.**

Ученый секретарь, как и директор института, в советский период назначался исполкомом Хакасского областного совета. В обязанности ученого секретаря входила организация научно-исследовательской и издательской деятельности, а также контроль за выполнением планов научной работы секторов.

Ученый секретарь вел документацию Ученого совета как органа самоуправления института, который был создан сразу же после его основания. В состав Ученого совета входили директор в качестве председателя совета, ученый секретарь, зав. секторами. В него могли быть введены персонально научные сотрудники, а также представители других учреждений и

организаций. Персональный состав Ученого совета утверждался Наркомпросом РСФСР. Собирался Ученый совет не реже одного раза в три месяца. В его компетенции находились обсуждение научных и организационных вопросов, имеющих решающее значение для работы всего института; рассмотрение годовых перспективных планов научной работы института и его секторов; рассмотрение индивидуальных планов и отчетов отдельных сотрудников [1, с. 164–166].

В данной статье мне бы хотелось остановиться на биографии тех ученых секретарей, которые проработали в этой должности в течение длительного периода и внесли большой вклад в историю института.

Первым ученым секретарем НИИЯЛИ был кандидат филологических наук **Церен-Доржи Номинханов**. Он родился 8 сентября 1898 г. в бедной калмыцкой семье. Его отец до последних дней своей жизни (умер в 1916 г.) работал по найму у различных конезаводчиков. С 1909 по

1912 г. Ц.-Д. Номинханов обучался в приходском училище. В 1918 г., когда хутор Пандя (Калмыкия), где проживал Номинханов, был взят белогвардейскими войсками, он был зачислен в 3-й Калмыцкий полк, в нестроевую команду как переписчик полковой канцелярии, а потом был переведен конюхом хозяйственной части полка. В марте 1920 г. перешел в ряды Красной армии, а в начале 1921 г. в качестве инструктора был направлен в Монгольскую народную революционную армию. До середины 1923 г. Номинханов являлся начальником штаба 1-й Монгольской кавалерийской бригады Монгольской народной революционной армии. С 1923 по 1930-е гг. обучался в Ленинградском Восточном институте на отделении монголоведения. В 1931 г. поступил в аспирантуру научно-исследовательского института языкознания по специальности «Лингвист», в 1932 г. был переведен в Московский институт

востоковедения на монгольское отделение. По окончании аспирантуры Номинханов работал преподавателем монгольского языка в Коммунистическом университете трудящихся Востока им. Сталина (Москва), Московском институте востоковедения, Среднеазиатском государственном университете (Ташкент).

За службу в белой армии Ц.-Д. Номинханову в 1933 г. было вынесено партийное взыскание участковой комиссией по чистке ВКП(б) в Москве, а в апреле 1938 г. он был арестован по ложному обвинению и до 2 июля 1939 г. находился в Ташкентской тюрьме.

В 1940–1943 гг. Номинханов работал ученым секретарем в Узбекском филиале АН СССР (УзфАН). В мае 1943 г. из УзфАНа Центральный комитет ВКП(б) командировал его в распоряжение калмыцкого обкома ВКП(б) в г. Элисту в помощь освобожденным районам, который назначил Номинханова ученым секретарем Калмыцкого научно-исследовательского института языка, литературы и истории (Астрахань). Однако уже в декабре 1943 г. вместе с другими калмыками-переселенцами был переселен в Красноярский край, а с января 1944 г. стал работать преподавателем немецкого языка в неполной средней школе совхоза «Ужур».

В связи с созданием Хакасии Хакасский обком ВКП(б) пригласил Ц.-Д. Номинханова на работу в качестве ученого секретаря, а затем заведующим сектором языка и письменности.

Ц.-Д. Номинханов являлся автором множества учебников по калмыцкому, монгольскому языкам, часть его трудов была посвящена народному творчеству монголов, калмыков и т. д. Работая в Хакасии, им были подготовлены работы по хакасской топонимике, хакасскому языку [2, с. 224–229]. Однако в 1949 г. Ц.-Д. Номинханов был вынужден покинуть Хакасию. С 1949 по 1960-е гг. он работал преподавателем Казахского университета им. С. М. Кирова. В 1960 г. Ц.-Д. Номинханов возвратился в Калмыкию, где работал в секторе языкознания Калмыцкого НИИЯЛИ. По результатам научных трудов 2 апреля 1966 г. ему была присуждена ученая степень доктора филологических наук.

Алябьева Людмила Антоновна работала научным секретарем с 8 июня 1948 г. по декабрь 1951 г.

Л. А. Алябьева родилась в 1918 г. в г. Минусинске. Отец, А. Н. Тропин, работал ветфельдшером в городах и районах Хакасии. Умер в 1934 г. Мать – домохозяйка, после смерти мужа работала уборщицей в Богградской конторе связи. Окончила 7 классов Богградской начальной школы. Л. А. Алябьева обучалась в Красноярском лесотехническом техникуме (окончила 2 курса), в 1942 г. поступила заочно в Абаканский учительский институт на литературное отделение, но не окончила по состоянию здоровья. Начала работать в 1936 г. учительницей начальной школы с. Верх-Ербы Богградского района, затем в Богградской СШ, статистом и секретарем-счетоводом в Богградском районе, в РК ВКП(б) машинисткой. В 1939 г. окончила 9-месячные курсы в г. Красноярске и работала зав. отделом пионеров и школ Богградского РК ВЛКСМ. С 1940 по 1945 г. работала в редакции районной газеты «Большевицкий путь» отв. секретарем, редактором.

С 1945 г. в связи с переводом мужа в прокуратуру Ширинского района работала отв. секретарем газеты «Знамя Советов». В связи с переводом мужа в Абакан 7 июня 1948 г. была принята на работу научным секретарем ХакНИИЯЛИ¹.

Л. А. Алябьевой была заложена традиция публикации отчетов о работе института в «Ученых записках», которые стали выходить в 1948 г. Именно из ее отчета мы узнаем о первых семи годах деятельности института: о научных конференциях, экспедициях, изданиях сотрудников, о защите кандидатских диссертаций научных сотрудников института, об основных направлениях научной работы ХакНИИЯЛИ. Кроме этого, в отчете института за 1951 г. Л. А. Алябьева проанализировала научно-пропагандистскую работу и практическую помощь работникам школ, печати, искусства, литературы, которую проводили сотрудники института [3, с. 135–150].

К сожалению, Л. А. Алябьева уволилась в 1951 г. в связи с переводом мужа на другую работу.

¹ Личное дело А. Л. Алябьевой // Рукописный фонд ХакНИИЯЛИ.

После Л. А. Алябьевой и до назначения Д. Ф. Патачаковой 28 сентября 1970 г. в должности ученого секретаря сменилось около 20 человек: Е. Н. Угдыжекова (12.12.1951–16.11.1952), А. С. Кызласов (16.11.1952–1.07.1953), В. И. Доможаков (1.07.1953–10.09.1954), Г. Т. Толоконников (10.09.1954–1.11.1954), Н. Г. Доможаков (18.05.1955–17.06.1955), К. Г. Копкоев (21.12.1955–26.05.1956), Д. Ф. Патачакова (1.06.1956–1.04.1957), У. Н. Кирбижекова (1.04.1957–24.05.1957), О. Г. Орешкова (1.02.1958–26.07.1958), В. С. Анжиганов (26.07.1958–20.06.1960), К. Г. Чаптыков (24.06.1960–8.05.1961), В. С. Анжиганов (8.05.1961–21.07.1961), И. М. Добров (21.08.1961–20.09.1961), Д. Ф. Патачакова (21.10.1961–5.05.1962), К. Г. Чаптыков (5.05.1962–16.11.1962), О. В. Субракова (16.11.1962–16.01.1963), К. М. Патачаков (16.02.1963–25.01.1967), К. Г. Копкоев (25.01.1967–28.09.1970). Но среди них есть те, кто заслуживает особого внимания, те, кто внес большой вклад в гуманитарную науку Хакасии. Это К. Г. Копкоев, В. С. Анжиганов, К. Г. Чаптыков, К. М. Патачаков.

В должности ученого секретаря два раза работал Константин Григорьевич Копкоев (21.12.1955–26.05.1956, 25.01.1967–28.09.1970).

Копкоев Константин Григорьевич

родился 28 мая 1929 г. в с. Аршаново Аскизского района в семье крестьянина-бедняка. Родители работали в колхозе «1 Мая» в с. Белый Яр. В 1945 г. он окончил семилетнюю школу в с. Белый Яр, в 1949 г. – Хакасскую областную национальную школу, в 1954 г. – исторический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова по специальности «История». После окончания университета работал в ХакНИИЯЛИ научным сотрудником сектора истории, ученым секретарем, с мая 1956 по август 1957 г. – зав. отделом пропаганды и агитации Хакасского обкома ВЛКСМ, с августа 1957 г. по сентябрь 1970 г. – младшим научным сотрудни-

ком, ученым секретарем ХакНИИЯЛИ. В 1965 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме «Присоединение Хакасии к России». С 1970 по 1987 г. работал преподавателем, доцентом кафедры марксизма-ленинизма Абаканского филиала Красноярского политехнического института.

Принимал участие в написании главы «Хакасия в период восстановления народного хозяйства (1945–1953 гг.)» «Очерков истории Хакасии советского периода. 1917–1961 гг.» (Абакан, 1961).

К. Г. Копкоев вел большую общественную работу. С 1961 г. был членом областного методического совета Дома политического просвещения Хакасского ОК КПСС и Абаканского ГК КПСС, с 1967 г. – бессменным председателем Хакасского областного комитета защиты мира. За заслуги в общественной деятельности награжден Почетной грамотой Советского комитета защиты мира, «Памятным знаком Конгресса», «Медалью Советского фонда мира». Умер 5 июля 1987 г.

В должности ученого секретаря с 26 июля 1958 г. по 20 июня 1960 г. работал Виктор Семенович Анжиганов.

А н ж и г а н о в Виктор Семенович родился в 1931 г. в с. Усть-Камышта Сиявинского сельсовета Усть-Абаканского района в крестьянской семье. Отец, Семен Константинович Анжиганов, происходил из семьи крестьян-бедняков. После установления советской власти

работал председателем сельского совета. Умер в тот же год, когда родился В. С. Анжиганов. В 1951 г. окончил Хакасскую областную национальную гимназию, в 1956 г. – Ленинградский ордена Ленина государственный университет им. А. А. Жданова. После окончания университета работал в редакции газеты «Хызыл аал» литературным работником. 28 марта 1958 г. В. С. Анжиганов был направлен решением горкома ВЛКСМ на должность заведующего корре-

спондентской сетью радиокомитета. В октябре 1958 г. решением Хакасского обкома КПСС был назначен на должность ученого секретаря ХакНИИЯЛИ. Затем с 1960 по 1961 г. работал там же младшим научным сотрудником. С 1961 по 1964 г. В. С. Анжиганов обучался в аспирантуре Института философии СО РАН, а в мае 1965 г. защитил кандидатскую диссертацию в г. Фрунзе. Дальнейшая судьба В. С. Анжиганова была связана с работой в АГПИ [4, с. 151–157]. Умер в 1983 г.

Дважды в должности секретаря работал Кирилл Гаврилович Чаптыков (20.06.1960–8.05.1961, 5.05.1962–16.11.1962)

Чаптыков Кирилл Гаврилович родился 10 октября 1925 г. в улусе Чаптыково, канд. ист. наук. После окончания в 1942 г. Аскизской средней школы работал в Аскизской районной газете «Ударник» ответственным секретарем, затем служил в армии, работал оперативным работником в Аскизском районном отделении МВД в 1943–1945 гг., секретарем по военной работе в Хакасском обкоме ВЛКСМ в 1945–1946 гг. В 1948 г. окончил Центральную комсомольскую школу при ЦК ВЛКСМ, в 1954 г. – МГУ им. М. В. Ломоносова по специальности «История». В декабре 1958 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме «Борьба сибирской партийной организации за производственное кооперирование крестьянских хозяйств (1921–1927 гг.)» при МГУ им. М. В. Ломоносова. После окончания аспирантуры в 1957 г. работал в ХакНИИЯЛИ заведующим сектором истории, ученым секретарем. Являлся руководителем общественно-политической секции Хакасского отделения общества «Знания». В 1965 г. была опубликована монография К. Г. Чаптыкова «Деятельность партийных организаций Сибири по кооперированию крестьянства (1921–1927 гг.)».

Умер 21 октября 1962 г.

Около 4 лет, с 16 февраля 1963 г. по 25 января 1967 г., работал ученым секретарем **Кузьма Михайлович Патачаков**. Он родился 28 июня 1922 г. в улусе Политов Нижнетейского сельского совета Аскизского района в многодетной семье крестьянина-середняка. Окончив 7 классов, в 1940–1941 учебном году

работал в Мало-Монокской начальной школе учителем. В 1941 г. был призван в ряды Красной армии. После окончания курсов младшего комсостава Томского артиллерийского училища был направлен на Северо-Западный фронт, где воевал в должности командира орудия. В 1942 г. был тяжело ранен, но после лечения в госпитале вернулся на фронт.

После войны К. М. Патачаков окончил историческое отделение АГПИ. С 1949 по 1999 г. работал в ХакНИИЯЛИ научным сотрудником, ученым секретарем, зав. сектором истории. В 1955 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по этнографии. К. М. Патачаков осветил историю и этнографию в монографиях «Культура и быт хакасов в свете исторических связей с русским народом (XVII–XIX вв.)» (1958) и «Очерки истории материальной культуры хакасов» (1982) [5, с. 181–182].

К. М. Патачаков, К. Г. Копкоев, К. Г. Чаптыков были соавторами такого фундаментального труда как «Очерки истории Хакасии советского периода. 1917–1961 гг.» (1963). К. Г. Копкоев и К. М. Патачаков также являлись соавторами «История Хакасии с древнейших времен до 1917 г.» (1993).

Более 13 лет, с сентября 1970 г. по январь 1984 г., работала ученым секретарем **Дарья Федоровна Патачакова**. Родилась 20 апреля 1920 г. в улусе Трошкино Ширинского района в семье крестьянина. В 1937 г. окончила семилетнюю школу, в 1941 г.

– Абаканское педагогическое училище, в 1951 г. – Абаканский государственный педагогический институт. В 1965 г. защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук по качинскому диалекту.

Трудовую деятельность начала в 1940 г. преподавателем хакасского языка и методики в Абаканском педагогическом училище, будучи студенткой 3 курса. С 1949 по 1989 г. работала

в ХакНИИЯЛИ младшим, старшим научным сотрудником, ученым секретарем, зав. сектором хакасского языка.

В институте Д. Ф. Патачакова вела исследования по проблемам современного хакасского языка и хакасской диалектологии. Ею опубликовано 55 научных трудов и статей. Д. Ф. Патачакова вела большую лексикографическую работы. Ею подготовлены следующие словари: «Хакасско-русский словарь для начальных классов» (1948), «Краткий словарь общественно-политических терминов» (1955), «Русско-хакасский словарь» (1961), «Хакасско-русский русский словарь» (1961), «Школьный хакасско-русский словарь» (1996) и др.

За период ее работы было подготовлено более 20 научных изданий, где Д. Ф. Патачакова составитель и один из редакторов. Участвовала в подготовке Диалектологического атласа тюркских языков СССР и Диалектологического атласа тюркских языков Сибири.

Периодически читала курс по современному хакасскому языку, истории и диалектологии на кафедре хакасского языка в Абаканском государственном педагогическом институте (АГПИ), на курсах повышения квалификации Института усовершенствования учителей (ИУУ). Неоднократно являлась председателем выпускных государственных экзаменов филологического факультета АГПИ.

Помимо плановых работ в институте, участвовала в подготовке учебников и учебно-методической литературы для национальных школ области. Издано более 30 наименований учебно-методической литературы. С 1959 по 1988 г. являлась членом учебно-методического совета облоно.

Вела большую общественную работу. Избиралась депутатом Абаканского городского Совета, делегатом городских и областных партийных конференций, краевой профсоюзной конференции, секретарем избирательной комиссии в областной совет. Была секретарем, зам. секретаря партийной организации института.

Награждена медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За трудовую доблесть», «За доблестный труд в ознаменование 100-летия В. И. Ленина», «За

заслуги в обучении и коммунистическом воспитании», Н. К. Крупской и др., нагрудным знаком «Отличник народного образования» (1969), почетными грамотами обкома КПСС и исполкома Совета народных депутатов и др. [6].

После Д. Ф. Патачаковой 8 лет ученым секретарем работал Валерий Константинович Шульбаев, до апреля 1992 г.

Шульбаев Валерий Константинович родился 21 июля 1945 г. в с. Анжуй Таштыпского района в семье сельских учителей – Константина Ивановича и Фаины Ильиничны. В 1963 г. окончил Хакасскую национальную гимназию. После службы

в армии поступил в Иркутский институт народного хозяйства, который окончил в 1972 г. Затем до 1978 г. В. К. Шульбаев работал в Абаканском горплане. За развитие материальной базы социально-культурной сферы в г. Абакане был отмечен знаком «Отличник бытового обслуживания». В 1978–1981 гг. он учился в аспирантуре Совета по изучению производительных сил при Госплане СССР. С 1982 по 1992 г. В. К. Шульбаев работал в ХакНИИЯЛИ старшим научным сотрудником, зав. сектором экономики, ученым секретарем. В апреле 1992 г. был приглашен на работу зам. председателя Госкомитета экономики и прогнозирования Республики Хакасия. С 1998 г. и по настоящее время работает в институте зав. сектором экономики и социологии, старшим научным сотрудником.

В 1990-е гг. сменилось 5 ученых секретарей: Н. Н. Сагояков (30.04.1992–6.07.1994), В. Т. Кызласов (11.06.1994–1.03.1996), М. Д. Чертыкова (1.04.1997–1998), Е. П. Мамышева (7.04–1.09.1999). С 1999 г. и по настоящее время ученым секретарем работает кандидат исторических наук Н. А. Данькина.

Необходимо вспомнить о Сагоякове Николае Николаевиче. Он родился в 1952 г. В 1979 г. окончил филологический факультет АГПИ. В течение 7 лет преподавал в школах г. Абазы. В 1987 г.

был принят старшим научным сотрудником сектора литературы ХакНИИЯЛИ. Тема его исследования – «Несказочная проза хакасского фольклора». Зав. сектором литературы П. А. Трояков дал ему следующую характеристику: «Сагояков обладает достаточно широким кругозором в области смежных наук, постоянно работает над собой, много читает... Н. Н. Сагояков активно участвует в общественной работе, избран председателем комитета профсоюза института». После В. К. Шульбаева в мае 1992 г. назначен ученым секретарем института.

Полтора года работал ученым секретарем Валерий Трофимович Кызласов. В 1981 г. он окончил исторический факультет Ленинградского государственного университета. До своего прихода в ХакНИИЯЛИ В. Т. Кызласов работал научным сотрудником в Хакасском музее, учителем истории в школе и СПТУ, завучем в Детско-юношеской спортивной школе, ведущим методистом научно-методического центра народного творчества и культпросветработы. До назначения ученым секретарем института вел исследовательскую работу по теме «Хакасские народные предания в свете историко-этнографических исследований». В настоящее время находится на пенсии.

В завершение статьи хотелось бы сказать о том, что ученым секретарь в институте всегда входил в администрацию, которая была представлена 2 штатными единицами: директором и непосредственно ученым секретарем. Помимо большой организационной работы, составления отчетной документации, возглавления всех комиссий института, непосредственно занимался научным исследованием. Традиционно ученым секретарь представлял институт во всех общественных организациях и комиссиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Из решения № 507 Исполкома Хакасского областного Совета депутатов трудящихся от 12 октября 1944 г. // Ученые записки ХакНИИЯЛИ. Вып. 3. – Абакан, 1954.
2. Артамонова, Н. Я. Первые сотрудники Хакасского научно-исследовательского института

- языка, литературы и истории. // Ежегодник ИСАТ ХГУ им. Н. Ф. Катанова. – Абакан, 2002.
3. Алябьева, Л. А. О работе института // Записки Хакасского НИИЯЛИ. Вып. 2. – Абакан, 1951.
 4. Человек и его время в истории Хакасии и сопредельных территорий. Монография. – Абакан, 2013.
 5. Кузьма Михайлович Патачаков (1922–1999) // Хакасия: история и современность. – Новосибирск, 2000 (Учен. зап. Хакас. науч.-исслед. ин-та языка, литературы и истории; Вып XXI).
 6. Субракова, О. Учитель и ученый // Хакасия. – 2000. 20 апреля.

АЛЕКСАНДР КЕНЕЛЬ В ЛЕНИНГРАДСКОЙ КОНСЕРВАТОРИИ: ИСТОКИ ПРОФЕССИОНАЛИЗМА

Барабаш В. П.

УДК 929

Статья посвящена консерваторскому периоду жизни первого профессионального композитора, дирижера, фольклориста, педагога, просветителя, общественного деятеля Хакасии А. А. Кенеля. Автор анализирует этапы получения им музыкального образования в известных учебных заведениях и представляет окружение А. А. Кенеля, повлиявшего на его увлеченность музыкой и композицией, переросшую в смысл жизни.

Ключевые слова: **А. А. Кенель, музыка, композитор, музыкальные курсы, консерватория, преподаватели, друзья, Хакасия.**

О жизни и деятельности первого профессионального композитора Хакасии Александра Александровича Кенеля, урожденного петербуржца, потомка известных архитекторов, выпускника Императорского училища правоведения и Ленинградской консерватории, написано немного. В целом это несколько небольших статей в энциклопедических изданиях, эссе и статьи искусствоведов, вступительные статьи к нотным сборникам, материалы в контексте диссертационных исследований, а также юбилейные газетные статьи и воспоминания знавших его людей в местных СМИ. Исторических исследований, монографий, посвященных изучению жизни этой уникальной личности, его судьбе, нет. В тех материалах, что напечатаны об А. А. Кенеле, много противоречивого, неточного. Особенно это относится к освещению истории его образования. Как правило, это происходило из-за однобокого и неполного изучения имеющихся источников.

В данной статье мы попытались восполнить некоторые пробелы в историческом исследовании биографии А. А. Кенеля, относящейся к получению им музыкального образования.

По воспоминаниям А. А. Кенеля, учиться музыке он начал «частным образом с 7 до 15 лет». Руководила этим обучением мать, Наталья Ивановна Кенель (в девичестве – Морозова). Она очень любила петь, играла на пианино, и Александр под ее руководством разучил и играл на пианино многие оперные арии, романсы, классику инструментальной музыки¹. В 18 лет А. А. Кенель поступил и в течение двух лет обучался на самых известных в г. Санкт-Петербурге музыкальных курсах Игнатия Альбертовича Гляссера. Курсы располагались на Владимирском проспекте, во дворе дома № 8. И. А. Гляссер, окончивший Высшую музыкальную школу в Варшаве, друживший с великим польским пианистом И. Падеревским, был блестящим пианистом, педагогом и организатором. Его музыкальные курсы пользовались популярностью благодаря качественной подготовке учеников. Он пропагандировал заучивание наизусть без фортепиано, читая музыку по нотам, много внимания уделял технике исполнения и сам много

¹ Кенель, А. А. Очерки биографии. Неоконченная рукопись. Личный архив заслуженной артистки Республики Хакасия К. Е. Сунчугашевой. Л. 1.

играл для своих выпускников [1, с. 74]. На этих курсах учились Мария и Дмитрий Шостаковичи. Г. Я. Юдин подтверждает, что «еще по школе Гляссера дружил Шостакович с Александром Кенелем, писавшем романсы в стиле импрессионистов на французские темы» [2, с. 169]. В монографии С. М. Хентовой «Молодые годы Шостаковича» А. А. Кенель запечатлен на фото в группе учеников курсов Гляссера вместе с Шостаковичами в мае 1918 г. [1, с. 100].

Можно оспорить тезис о дружбе, ведь разница в возрасте была в 8 лет: Д. Шостакович был еще ребенком 12 лет, а А. Кенелю на этой фотографии уже 20 лет. Но добрые, товарищеские отношения между ними сложились уже тогда, у Гляссера, и это подтверждают примеры общения в консерватории, переписка в более поздние годы, когда А. А. Кенель уже находился в Хакасии¹.

Музыка благодаря матери сопровождала Александра дома, он учился и слушал ее в более зрелом возрасте на музыкальных курсах И. Гляссера. С 1914 по 1917 г. Александр был воспитанником Императорского училища правоведения. В традициях этого училища было обучение воспитанников музыке, проведение музыкальных классов, постоянное музицирование. Многие правоведы играли на музыкальных инструментах: фортепиано, скрипке, флейте, виолончели и т. д. В училище часто давали концерты, на которых играли известные исполнители [3, с. 102–116]. Не случайно, что курсы И. Гляссера А. А. Кенель посещал, обучаясь в училище, в 1916–1918 гг.

Учеба в консерватории. Преподаватели

С консерваторией А. А. Кенель был связан с 1920 по 1927 г. А. А. Кенель поступил в Петроградскую консерваторию в первый раз в 1920 г., по классу композиции, проучился всего два месяца и вынужден был уйти. Это было связано с материальной нуждой и обучением в других учебных заведениях. В 1920–1923 гг. он одновременно учился в Политехническом институте на экономическом факультете и в институте сценических искусств на факультете пластической ритмики. По совету друзей А. А. Кенель занимался индивидуально у известного профессора Петроград-

ской консерватории, композитора Максимилиана Осеевича Штейнберга, и тот рекомендовал Кенелю поступать в консерваторию по классу композиции, что в 1923 г. А. А. Кенель вновь сделал. Его приняли на специальность «Теория композиции» в класс профессора О. М. Штейнберга. В опросном листе личного дела он указывал на то, что поступает повторно². Он вспоминал, что «осуществил свое стремление к искусству, против которого в свое время был его отец»³.

При поступлении в консерваторию А. А. Кенель предоставил из документов метрику о рождении и удостоверение о состоянии студентом IV курса Петроградского политехнического института. В описи документов нет ссылок ни на Петроградский университет, ни на что-либо еще⁴. Между тем в личных делах учреждений, где позднее работал А. А. Кенель, он отмечал, что в 1919 г. (в некоторых делах он указывает 1918 г.) окончил юридический факультет Петроградского университета.⁵ Почему же не были поданы документы об окончании университета, а предоставлено удостоверение неоконченного еще политехнического института? Ответ на этот вопрос был найден нами в опубликованных изданиях об Императорском училище правоведения. Разыскивая сведения об отце А. А. Кенеля, Александре Васильевиче, мы обнаружили, что он окончил в 1892 г. элитное учебное заведение для дворянских детей – Императорское училище правоведения. Каково же было наше удивление, когда в списках окончивших его в последнем выпуске (79-й) 1917–1918 гг. мы обнаружили фамилию А. А. Кенеля [3, с. 357]. Этот факт подтвердили и источники из Централь-

² Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб). Ф. 298. Оп. 2. Д. 1459. Л. 2.

³ НАРХ. Ф. 461. Оп. 1. Д. 25. Л. 34.

⁴ ЦГАЛИ СПб. Ф. 298. Оп. 2. Д. 1459. Л. 1.

⁵ Автором изучены личные дела А. А. Кенеля в СПб. консерватории, Хакасском научно-исследовательском институте языка, литературы и истории, Хакасском национальном краеведческом музее им. Л. Р. Кызласова, Абаканской музыкальной школе № 1, Хакасском национальном театре им. М. Ю. Лермонтова и в Фонде Кенеля в Национальном архиве Республики Хакасия. Везде упоминается Петроградский университет, юридический факультет. Но в архиве университета на наш запрос не найдены документы, подтверждающие обучение А. А. Кенеля. Можно предположить, что Кенель перезачел дисциплины, изученные в училище правоведения, и имел справку, которую мог утерять.

¹ НАРХ. Ф. 606. Оп. 1. Д. 62. Л. 5–10.

ного государственного исторического архива г. Санкт-Петербурга. Из них мы видим, что А. А. Кенель поступил в IV класс Императорского училища правоведения из Реформатского училища в разряд экстернов в 1914 г.¹

В 1917 г. А. А. Кенель окончил Императорское училище правоведения и в феврале этого же года поступил в Пажеский корпус². Здесь он также прошел ускоренное обучение и был произведен в прапорщики, затем на общем собрании офицеров был принят в общество офицеров лейб-гвардии Преображенского полка. Он был прикомандирован на службу в 3-й отдельный тяжелый артиллерийский дивизион лит. «А»³. Это было элитное учебное заведение для подготовки офицеров на службу при дворе Императора. В сентябре 1917 г. в связи с захватом немецкими войсками Риги и угрозой захвата Петрограда в ходе бушевавшей Первой мировой войны он был мобилизован и отправлен на фронт. В личном деле Абаканской музыкальной школы мы нашли единственное упоминание о службе в «старой армии» с сентября по декабрь 1917 г.⁴ В декабре 1917 г. А. А. Кенель был демобилизован, т. к. было установлено перемирие в ходе войны. Но революционные события октября 1917 г. не позволяют ему обучение в прежнем контексте, и он посещает музыкальные курсы Гляссера и готовится поступать, куда – пока неопределенно. В марте 1918 г. умер отец, и наступил тяжелый период выживания в революционном Петрограде. В 1919–1920 гг. А. А. Кенель вновь был призван в армию и воевал под Петроградом против Юденича. Из армии он был мобилизован «для продолжения учебы в политехническом институте»⁵.

В консерваторию А. А. Кенель поступил, обучаясь в политехническом институте, институте сценических искусств и археологическом институте (проучился год и умудрился сдать экзамены по двум предметам). С 1918 г. ему

нужно было заботиться о пропитании семьи, и он работал аккомпаниатором в кинематографах, кафе, преподавал фортепиано частным образом, вел уроки пластики, писал на заказ музыку, работал в «Синей блузе», с которой выступал в рабочих клубах. Институт сценических искусств А. А. Кенель окончил в 1923 г. Руководство института обратилось в СОРАБИС⁶ с просьбой «командировать в государственную консерваторию на теоретическое отделение окончившего отделение ритма института А. А. Кенель, проявившего большие музыкальные и теоретические способности, но все же нуждающегося в продолжении музыкально-теоретической подготовки»⁷. В 1924 г. в консерватории проводилась «чистка» студентов и отчислялись все, кто учился в других вузах. Именно поэтому А. А. Кенель не окончил политехнический институт, хотя ему оставалось лишь защитить дипломную работу.

В консерватории А. А. Кенель учился в тот период, когда ею руководил выдающийся русский композитор, дирижер, музыкальный и общественный деятель, хранитель традиций русской композиторской школы Н. А. Римского-Корсакова Александр Константинович Глазунов. Проректором был блестящий музыковед Александр Вячеславович Оссовский.

У А. А. Кенеля были известные преподаватели, которые, по образному выражению В. М. Богданова-Березовского, представляли «творческую и эстетическую вершину целого направления, представленного среди профессуры» [4, с. 81]. Максимилиан Осеевич Штейнберг вел занятия по композиции и много внимания уделял общему музыкальному развитию студентов. Как отмечал Д. Д. Шостакович, учившийся у Штейнберга раньше, «у него в классе мы много играли в 4 руки, анализировали форму, инструментовку исполняемых произведений» [4, с. 96]. По контрапункту и фуге А. А. Кенель занимался сначала у Н. А. Соколова, а после его смерти – у С. М. Ляпунова. Кенель вспоминал, что занятия у С. М. Ляпунова проходили на квартире преподавателя и были очень интересными.

¹ ЦГИА СПб. Архивная справка №1575/е. 15.08.2013.

² Там же.

³ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Архивная справка № 3754 от 19.12.2013. Хранится в РФ ХакНИИЯЛИ.

⁴ Текущий архив Абаканской музыкальной школы № 1 им. А. А. Кенеля. Личное дело № 3. Л. 4. Также надо упомянуть, что в НАРХ есть фотография А. А. Кенеля в военной форме царской армии. Ф. 606. Оп. 1. Д. 90. Л. 1.

⁵ НАРХ. Ф. 606. Оп.1. Д. 125. Л. 3

⁶ СОРАБИС – Союз работников искусств, первый профессиональный союз работников театра и зрелищ, созданный 19 сентября 1917 г.

⁷ НАРХ. Ф. 461. Оп. 1. Д. 25. Л. 38.

После отъезда С. М. Ляпунова за границу уроки контрапункта Кенель продолжал изучать у профессора В. П. Калафати. Оркестровкой А. А. Кенель занимался у профессора М. М. Чернова, в классе профессора А. М. Житомирского осваивал сочинение вариаций и сонат¹.

При поступлении в консерваторию А. А. Кенель хотел окончить сразу и фортепианное отделение и один год прозанимался у известного пианиста и профессора Л. В. Николаева. Но затем он оставил это отделение и изучал фортепиано в качестве обязательной дисциплины на теоретико-композиторском отделении.

Надо также отметить немаловажный факт общения А. А. Кенеля в консерваторский период с преподавателями, которые вошли в плеяду «реформаторов» в музыкальном образовании. С ними учащаяся молодежь общалась в кружках студентов, на концертах и других мероприятиях в учебном заведении и за его пределами. Это такие талантливые и просвещенные музыканты, как Б. В. Асафьев, В. В. Щербачев, П. Б. Рязанов, Ю. Н. Тюлин, Х. С. Кушнарев. С преподавателем Ю. Н. Тюлиным А. А. Кенель посещал одно из монархических обществ Ленинграда [5, с. 548; 6, с. 202].

С 1923 г. Кенель обучался в консерватории платно, в соответствии с инструкцией о введении платности в вузах Наркомпроса от 23 марта 1923 г. № 6322. В 1923–1924 уч. г. Кенель внес за обучение 45 руб. В октябре 1925 г. он подал Декларацию для определения платности или бесплатности обучения и был освобожден от оплаты в последующие два учебных года².

В 1924 г. состоялась так называемая «чистка вузов». Проверялся качественный состав обучающихся, не обучается ли кто в других вузах параллельно. Была создана комиссия по проверке качественного состава студентов Ленинградской консерватории и 21 мая 1924 г. проведено заседание. На нем присутствовали члены комиссии: Китц, Лебедев, Трофимов, Городинский, профессора Оссовский и Штейнберг. По А. Кенелю была вынесена оценка комиссии:

¹ Кенель, А. А. Очерки биографии. Рукопись. Личный архив заслуженной артистки Республики Хакасия К. Е. Сунчугашевой. Л. 1.

² ЦГАЛИ СПб. Ф. 298. Оп. 2. Д. 1459. Л. 3.

«Академически ценен, оставить условно». Но были исключены из консерватории Ю. А. Зандер, В. М. Богданов-Березовский как «академически слабые». Решением комиссии от 30 мая 1924 г. был исключен друг А. Кенеля Гавриил Юдин, двоюродный брат знаменитой пианистки М. В. Юдиной, потому что «академической ценности не представляет. Перспективы на будущее неясны. Учится одновременно в ЛГУ на правоведении». Позже, буквально через несколько месяцев, Богданов-Березовский и Г. Я. Юдин будут восстановлены Губернской проверочной тройкой³.

Отношение преподавателей к студенту Кенелю было равным. Нет крайних оценок. Из общей массы обучающихся на композиторском отделении он особо не выделялся. А. М. Житомирский так отзывался на выступление А. А. Кенеля на публичном экзамене в 1924 г.: «Талантлив. Модернист. Аккомпанемент старается писать в духе данной мелодии. Знаний мало. Посещает класс довольно аккуратно. Успехи средние»⁴. К сожалению, не сохранилось отзывов М. О. Шейнберга об А. А. Кенеле. В его записных книжках, хранящихся в кабинете рукописей Российского института истории искусств, записей, отражающих по времени период обучения Кенеля в консерватории, нет⁵.

Увлечения. Общественная деятельность в консерватории

Александр Кенель был активным участником консерваторского композиторского кружка, который собирался регулярно два раза в месяц на углу Разъезжей и Ямской улиц, на квартире актрисы А. И. Фогт, и в самой консерватории, в столовой. Ю. Н. Тюлин вспоминал: «Члены кружка не знали и не думали о том, кто придет в следующий понедельник, что будет показано, но всегда ждали очередного собрания из потребности музыкального общения». Среди кружковцев были В. В. Щербачев, Н. М. Стрельников, П. Б. Рязанов, Х. С. Кушнарев, В. М. Дешевов,

³ Там же. Л. 30.

⁴ ЦГАЛИ СПб. Ф. 298. Оп. 6. Д. 115. Л. 162.

⁵ На наш запрос в институт по записным книжкам в архиве М. О. Штейнберга (фонд № 28) пришел отрицательный ответ.

Б. В. Асафьев, Н. А. Малько, Ю. Л. Карнович, В. А. Дранишников, Ю. Н. Тюлин – старшее, более опытное поколение, и композиторская молодежь: Г. Д. Клеменц, Ю. А. Зандер, Г. Н. Попов, А. А. Кенель. Из Москвы приезжали В. Я. Шибалин, Л. Н. Оборин, М. М. Старокадомский, М. В. Квадри. Почетным председателем кружка был Б. В. Асафьев, А. Кенель был секретарем этого кружка. Руководил кружком Ю. А. Зандер.

Здесь, в кружке, особо выделялся талант Д. Д. Шостаковича: «Мы радовались его творческим успехам, его новым произведениям, в которых уже проявлялась его творческая индивидуальность. Особенное восхищение вызывали его «Фантастические танцы», поразившие свежестью, своеобразием и уже зрелым мастерством. Помните, это было в 1922 г.» [7, с. 46]. Замечательно то, что партитуру «Фантастического танца» юный композитор Дмитрий Шостакович подарил с автографом Александру Кенелю: «Дорогому другу, талантливому композитору на добрую память от Д. Шостаковича»¹. Позже Шостакович нигде не отмечал это посвящение. С. М. Хентова указывает, что «Фантастические танцы» явились первым опубликованным сочинением Шостаковича и потому долго значились под опусом № 1, как начало творчества» [1, с. 114]. А. А. Кенель всю жизнь гордился этим посвящением и бережно хранил ноты с автографом.

По мнению Г. Я. Юдина, «А. А. Кенель был один из наиболее эрудированных участников кружка, отличался пристрастием к современной французской музыке, которую знал много лучше нас». Он же отмечает и активную деятельность таких членов кружка, как В. М. Богданов-Березовский, П. П. Вальдгардт, Н. Малаховский [7, с. 44].

Кенель также участвовал в собраниях «Кружка четвертитоновой музыки» в консерватории и писал четвертитоновые произведения. 25 мая 1925 г. на втором концерте четвертитоновой музыки исполнялись его «Два эскиза» для двух фортепиано, фисгармонии и арфы. В 1927 г. один «Эскиз» исполнялся на концерте четвертитоновой музыки в Государственном институте музыкальной науки в Москве. Кроме Кенеля, в концерте звучали произведения А. Хабы, Н. Малаховского, Г. Римского-Корсакова [8, с. 37].

¹ НАРХ. Ф. 606. Оп. 1. Д. 82. Л. 2.

Кенелю довелось выступать вместе на концертах с Д. Д. Шостаковичем.

22 мая 1922 г. он выступил на вечере членов «Кружка композиторов» в Российском институте истории искусств. В программе вечера были: Клеменц, Шостакович (8 прелюдий, тема с вариациями), Г. Римский-Корсаков, Мервольф, Тюлин, Богданов-Березовский, Кенель (4 прелюда, две части из сонаты). 15 января 1923 г. Шостакович исполнил вместе с сестрой Марией сюиту для двух роялей на вечере «Кружка композиторов». Выступал на этом концерте с фортепианными произведениями и А. Кенель [9, с. 160–161].

Учеба перемежалась творческой, концертной деятельностью, не оставались в стороне и общественные занятия. Александр работал в студенческом комитете – «осуществлял смычку города и деревни», писал материал для студенческой «Живой газеты», дирижировал студенческим оркестром при постановке в консерватории музыкальных комедий «Баядера» и «Гейша»².

В ноябре 1927 г. учебная часть подписала характеристику, которая была выдана на студента А. А. Кенеля: «Студент композиторского отделения Ленинградской государственной консерватории А. А. Кенель прошел полный курс музыкально-теоретических предметов и практического сочинения и представлен Советом композиторского факультета к окончанию курса Консерватории осенью текущего 1927 г.». Обладая значительным и свежим композиторским дарованием, А. Кенель успел проявить таковое не только в области учебной работы, но и в общественно-производственном плане, сочиняя музыку к театральным постановкам (пьеса «Бунт машин» А. Толстого и др.) и к различного рода клубным инсценировкам, «живой» газете и т. д. Данная характеристика была представлена в органы ОГПУ³. У студента Кенеля была готова дипломная работа: «Торжественная увертюра» для симфонического оркестра и фортепианная сюита. Но Кенель получил диплом об окончании консерватории только в 1930 г.

² Кенель, А. А. Очерки биографии. Рукопись. Личный архив заслуженной артистки Республики Хакасия К. Е. Сунчугашевой. Л. 1.

³ ЦГАЛИ СПб. Ф. 298. Оп. 1. Д. 1459. Л. 7.

Желание быть в гуще событий, участвовать в различных кружках, знакомство с людьми, окруженными ореолом оккультизма, романтика молодости привели его временно на другой от музыки путь. Как пишет И. Клаузе, «творческий путь А. Кенеля как многосторонне одаренного художника начинался многообещающе. Однако 15 июня 1927 г. в его судьбе наступил резкий перелом...» [8, с. 37].

Итоги консерваторского обучения. Друзья и связь с ними в дальнейшей жизни

Что же вынес А. А. Кенель из своего пребывания студентом Петроградско-Ленинградской консерватории? Безусловно, главное – стойкую любовь к музыке, музыкальному творчеству, композиции на всю жизнь. В каких бы он условиях ни находился, он сочинял, создавал, творил свою музыку и жил ею. Общение с высокопрофессиональными педагогами дало ему понимание высокого уровня музыкального искусства, развило музыкальный вкус, обогатило разнообразием подходов к творчеству и педагогике. Живая кружковская композиторская жизнь консерватории мотивировала его на взятие музыкальных высот, стремление к творческому поиску. И, наконец, консерватория дала ему друзей и товарищей, с которыми он не прерывал общения до конца их и своей жизни: Д. Шостакович, В. Богданов-Березовский, Г. М. Римский-Корсаков, Г. Я. Юдин, П. Вальдгарт и др.

Находясь в далекой Хакасии, он старался поддерживать отношения с консерваторскими товарищами. Сохранилась переписка А. А. Кенеля с Г. М. Римским-Корсаковым, Г. Я. Юдиным. В 1956 г. Г. М. Римский-Корсаков прислал из Ленинграда А. А. Кенелю ноты «Этюда С», «Этюда для фортепиано» с надписью «Абаканской музыкальной школе от автора с приветом в дни праздника. 8 ноября 1956 г.». Также сохранился автограф «Прелюдии» Г. М. Римского-Корсакова с надписью: «Дорогому Шуре посвящаю и дарю. Сочинено 17 октября 1921 г.»¹. Несколько писем Александру Александровичу от Георгия Римского-Корсакова и его род-

ных хранятся в Национальном архиве Республики Хакасия². Переписывался А. А. Кенель с Г. Я. Юдиным.³

Безусловно, Александр Александрович гордился тем, что его современником и соучеником по курсам Гляссера и Ленинградской консерватории был выдающийся композитор и музыкант, общественный деятель Дмитрий Дмитриевич Шостакович. Сохранились несколько почтовых открыток от Д. Д. Шостаковича в Абакан А. А. Кенелю 1950–1960-х гг.⁴ Дмитрий Дмитриевич прислал теплую телеграмму от секретариата Союза композиторов РСФСР к 70-летию А. А. Кенеля в 1968 г.⁵ Дмитрий Дмитриевич всегда находил время побеседовать с Александром Александровичем во время их встреч на Пленумах Союза композиторов РСФСР. С. М. Хентова опубликовала фотографию Д. Д. Шостаковича среди сибирских музыкантов на пленуме в Новосибирске в 1961 г., где рядом с Шостаковичем мы видим А. А. Кенеля [1, с. 152].

Александр Александрович общался по мере возможности со многими музыкантами страны, переписывался, встречался на пленумах, совещаниях. Для него это было настоящей духовной отдушиной, глотком свежего воздуха.

Роль А. А. Кенеля в музыкальной культуре Хакасии

А. А. Кенель прожил в Сибири 34 года. Из них 2 года в Новосибирске, в Красноярском крае – 32 года: 4 года в Красноярске и 28 лет в Хакасской автономной области, входившей до 1991 г. в состав края. Местом его жительства в Хакасии стал г. Абакан. Как писал Л. Г. Ревич, директор Абаканского музыкального училища: «Развитие профессиональной музыки в Хакасии связано с Александром Александровичем Кенелем. Начиная с 1942 г. он исколесил все улусы. ...Результатом поездок стали почти 2000 собранных материалов» [10, с. 3].

Александр Александрович работал заведующим музыкальной частью обеих трупп (русской и национальной) Абаканского драматического

² НАРХ. Ф. 606. Оп. 1. Д. 62. Л. 135–140.

³ Там же. Л. 159.

⁴ Там же. Д. 62. Л. 1–5.

⁵ Там же. Д. 114. Л. 1.

¹ Хакасский Национальный краеведческий музей им. Л. Р. Кызласова (далее – ХНКМ), ОФ. Д. 142. Оп. 1. Ед. хр. 107.

театра им. М. Ю. Лермонтова, научным сотрудником Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, редактором областного радиокомитета, преподавателем теоретических дисциплин, фортепиано, хакасского инструмента чатхана в Абаканской музыкальной школе № 1, которая сейчас носит его имя. Его авторитетное слово сыграло свою роль в открытии в Абакане музыкального училища в 1960 г. На основе собранного им хакасского фольклора и изучения истории хакасской культуры и хакасского языка он издал три сборника: «Сборник хакасских песен» (1950), «Народное музыкальное творчество хакасов» (1955), «Хакасия поет» (1955).

А. А. Кенель был талантливым композитором. Он писал симфонические произведения, а его песни пела вся Хакасия и Сибирь. Вершиной творчества А. А. Кенеля стала написанная им в 1967 г. на либретто А. А. Чмыхало первая национальная опера хакасов «Чанар Хус и Ах Чибек»¹. А. А. Кенель исследовал творчество хакасских хайджи. В 1962 г. он издал монографию о выдающемся хакасском народном сказителе С. П. Кадышеве [11]. Вместе с другим сказителем – А. В. Янгуловым он добился открытия в Абаканской музыкальной школе класса чатхана. Благодаря активной деятельности А. А. Кенеля в 1957 г. в Абакане начал впервые свою работу оркестр хакасских национальных инструментов.

А. А. Кенель много лет сотрудничал с известным хакасским ансамблем песни и танца «Жарки». Он написал музыку к 17 танцам, которые поставила балетмейстер С. Д. Словина. Она говорила о Кенеле: «Это был человек скромный, трудолюбивый, талантливый, высокообразованный и культурный. Музыкальная жизнь Хакасии больше всего связана с его именем» [12, с. 71]. Заслуженные артисты России и Хакасии В. Г. Чаптыков и К. Е. Сунчугашева исполняли написанные А. А. Кенелем песни на концертах как в нашей стране, так и за рубежом.

Как отметил известный в Хакасии музыкант-пианист, преподаватель Абаканского музыкального училища В. В. Глаголев, «хакасский народ по праву считает Кенеля за огромный

вклад в музыкальную культуру своим национальным композитором» [13, с. 13].

Александр Александрович Кенель удостоен почетного звания «Заслуженный деятель искусств РСФСР» (1960) [14, с. 1].

В 1992 г. А. А. Кенелю за особо выдающиеся успехи в развитии музыкальной культуры Хакасии присуждена (посмертно) Государственная премия Республики Хакасия им. Н. Ф. Катанова².

ЛИТЕРАТУРА

1. Хентова, С. М. Шостакович Д. Жизнь и творчество. Т. 1. – Л., 1985.
2. Юдин, Г. Я. За гранью прошлых лет. Воспоминания дирижера. – М., 1977.
3. Анненкова, Э. Л. Императорское училище правоведения. – СПб., 2006.
4. Богданов-Березовский, В. М. Чувство нового // Ленинградская консерватория в воспоминаниях. Книга 1. – Л., 1987.
5. Брачев, В. С. Масоны и власть в России. – М., 2003.
6. Дело А. А. Мейера // Звезда. – 2006. – № 11.
7. Юдин, Г. Я. За гранью прошлых лет. Из воспоминаний дирижера. – М., 1977.
8. Клаузе, И. Судьба и творчество А. А. Кенеля, соратника Г. М. Римского-Корсакова по «Кружку четвертитоновой музыки» // Н. А. Римский-Корсаков и его наследие в исторической перспективе. Материалы Международной музыковедческой конференции. 19–22 мая 2010 г. – СПб., 2010.
9. Крюков, А. Н. К сведению будущих летописцев / Д. Д. Шостакович: Сборник статей к 90-летию со дня рождения. – СПб., 1996.
10. Ревич, Л. Г. Новое в хакасской музыке // Советская Хакасия. – 1962. 12 октября.
11. Кенель, А. А. Семен Кадышев. – М., 1962.
12. Словина, С. Д. Ансамбль «Жарки». Воспоминания балетмейстера. – Абакан, 1990.
13. Глаголев, В. В. Александр Александрович Кенель. Биография // К 100-летию со дня рождения А. А. Кенеля. Педагогические чтения. – Абакан, 1999.
14. Советская Хакасия. – 1960. 4 ноября.

¹ НАРХ. Ф. 606. Д. 9. Оп. 1. Д. 9. Л. 1–5.

² Премия утверждена Постановлением Президиума Верховного Совета Республики Хакасия от 07.10.1992 № 121-П.

ИЗ ЖИЗНИ СИБИРСКОГО КУПЦА 1860-х ГГ.: К БИОГРАФИИ ИВАНА МИХАЙЛОВИЧА БАШУРОВА

Комлева Е. В.

УДК 929

В статье представлены новые материалы о жизни енисейского купца И. М. Башурова, которые позволяют получить представление о развитии бизнеса рядовых членов сибирского купечества, осветить трудности, с которыми им приходилось сталкиваться, а также дополнить существующие представления об истории повседневности сибирского города середины XIX в.

Ключевые слова: **Сибирь, город, купечество, повседневность, торговля, быт.**

Изучение повседневной жизни городского населения Сибири пореформенного периода – одно из активно разрабатывающихся направлений в современной отечественной историографии [1, 2, 3, 4 и др.]. Сохранилось немало интересных источников, которые проливают свет на уклад хозяйства и быта сибиряков из разных социальных слоев, включая купечество. Один из них – отложившееся в фондах Государственного архива Красноярского края дело о несостоятельном должнике енисейском купце И. М. Башурове, включающее фрагменты переписки последнего со своими заимодавцами и часть описи его имущества¹. Благодаря этому документу, никогда ранее не использовавшемуся исследователями, можно получить представление о том, как развивался бизнес рядовых членов сибирского купечества, с какими трудностями им приходилось сталкиваться, выявить существовавшие предпочтения горожан в одежде и еде, детали внешнего вида и интерьера городского дома середины XIX в.

Иван Михайлович Башуров обладал известной в Енисейске фамилией, однако прямых родственных связей между ним и двумя проживавшими в городе купеческими кланами Башуровых установить не удалось. Родился он в 1827 г., а в 1857 г. объявил капитал в 2400 р. по 3-й гильдии; в 1863 г. состоял кандидатом в товарищи директора правления Енисейского городского банка [5, с. 98–99].

Став купцом, И. М. Башуров занялся коммерцией – держал лавку с товарами, в которой, как и подавляющее большинство сибирских куп-

цов, торговал с помощью приказчиков самыми разными товарами: мануфактурой, одеждой, промышленными изделиями, продуктами питания. Составленные в январе 1869 г. две описи находившегося в лавке имущества («товары и другие предметы») включали 1857 наименований. По ассортименту предлагавшихся товаров можно судить о запросах и вкусовых пристрастиях жителей Енисейска середины XIX в.: например, из посуды у Башурова можно было приобрести рюмки (по 3 к.), «блюздо стеклян» (5 к.), «кукшин медной желтой» (1 р.), «флягу медну» (1 р.), «бутыль ведерну» (30 к.), «бутылки малинки» (по 25 к.), «сковороды железные большие и малые» (по 10 к.), из предметов домашнего обихода – «ланпу» (1 р. 50 к.) и к ней стекла (по 10 к. каждое), «замок винтовой» (15 к.), «ящик жестяной» (1 р.), «ящик со стеклами для мелочей» (1 р.). Из декоративных предметов предлагались «картины бумажны» (по 1 к.), обои (20 к. «кусок»). Что касается одежды, то в лавке продавались «кушак иркушенковый» (30 к.), перчатки лайковые (пара по 7 к.), пуговицы «сертучные» («партище»² по 3 к.) и «рубашные»; за 20 к. можно было купить «троску камышеву». Всегда актуальные в условиях Сибири «пимы с начесом» стоили 40 к. за пару, а «носки шерстяные» – 12 к. В лавке Башурова по 1 р. за фунт предлагалась также «усовая кость» (т. е. китовый ус) – материал, использовавшийся для изготовления дамских корсетов, мебели, щеток и пр. Популярностью пользовались и «трубки тобольские» (по 5 к.). Из продуктов питания упоминались мятное

¹ ГАКК. Ф. 51. Оп. 1. Д. 44.

² Партище (в источнике «партище») – зд.: набор пуговиц для одного швейного изделия.

печенье (от 5 до 20 к. за фунт), «орехи миндальные» (25 к.), рожки (7 ½ к.), конфеты (29 к.), изюм (20 к.), крупа перловая (15 к.), крупа манная (15 к.), хмель (7 ½ к.). Востребованными были соль (15 к. за фунт) и анис (15 к.), применявшиеся в том числе для заготовки продуктов, которой в Сибири уделяли больше внимания, чем в европейской части страны [4, с. 164].

Многие из приведенных примеров указывают на те изменения, которые произошли в середине XIX в. в образе жизни и манере одеваться сибирских горожан, когда зажиточные слои населения активно усваивали поведенческие нормы дворянства, иногда доходя до абсурда. По свидетельству проживавшей в 1850-х гг. в Енисейске купчихи А. И. Барковой, в то время енисейские богачи «считали величайшим неприличием носить не шелковые или не шерстяные платья, выходя на улицу» [6, с. 175]. Однако при этом в лавке Башурова были представлены и такие товары, как «седелко» (20 к.) «гвоздя подковные» (по 10 к. фунт), «семя разное» (по 10 к. фунт)¹, свидетельствующие о сельскохозяйственных занятиях жителей даже больших сибирских городов.

Товар закупался оптом, а чаще – брался в долг под расписку в крупных торговых фирмах: так, в ноябре 1866 г. И. М. Башуров «принял» из магазина томского торгового дома «Петров и Михайлов» разного товара на 3823 руб. 10 ½ коп. серебром с отсрочкой платежа до 1 мая 1867 г., причем И. М. Башуров был уверен, что «задержки платежа денег нисколько не будет»². Подобная практика получения товаров в долг была широко распространена среди сибирского купечества, а высокую прибыль от перепродажи позволяли обеспечивать существовавшая разница в ценах между разными районами и городами Сибири, а также распространенный среди торговцев в середине XIX в. обычай «запрашивать больше, чем двойные цены, продавать товары с 30–40 % пользы» [7, с. 83–84].

Сохранившиеся материалы указывают на то, что к середине XIX в. непременным атрибутом купеческой коммерции становится тщательное документирование товарооборота. Среди бумаг

И. М. Башурова находились 4 фактурные книги, 4 расчетные книги, книга долговая, 2 тетради «по поверке» товаров³. Конечно, письменная фиксация коммерческих операций не была каким-то новшеством: например, в архиве Красноярских купцов Ларионовых находятся тетради с записями расходов, относящиеся в том числе к 1780-м гг. Однако если на рубеже XVIII–XIX вв. ведение купцами документации встречалось все же не так уж и часто, некоторые из них вообще не владели грамотой: так, в 1776 г. из 42 владельцев капиталов в Енисейске 11 не могли даже расписаться⁴, то со временем в составе сибирского купечества становится все больше образованных людей, применяющих на практике полученные знания.

Во второй половине 1860-х гг. дела И. М. Башурова пошатнулись: пытаясь спасти положение, он решил прибегнуть к займам. К 1868 г. Башуров оказался должен екатеринбургскому купцу А. Я. Харитонову, колыванскому купцу 1-й гильдии П. В. Михайлову, енисейскому купцу 1-й гильдии Н. Ф. Дементьеву, енисейским купцам 2-й гильдии А. Ф. Калашникову и В. В. Марамыгину, енисейскому купеческому сыну Я. Е. Башурову. Как видим, среди кредиторов И. М. Башурова находились видные предприниматели, причем не только из Енисейска, но и из других городов Сибири и даже с Урала, некоторые из которых одалживали просителю достаточно крупные суммы (А. Я. Харитонов – 484 р., А. Ф. Калашников – 2 тыс. р.)⁵. Все это дает основания предполагать, что поначалу бизнес Ивана Михайловича развивался весьма успешно, и он пользовался хорошей репутацией в деловом мире. Даже в то время, когда начались трудности, И. М. Башуров про себя говорил, что имеет «всегда свой благоприобретенный наличный капитал, о котором и предъявляет ежегодно при записке в гильдию»⁶. Помимо надежной репутации, И. М. Башуров, по всей видимости, обладал и легким, общительным характером, располагавшим к себе собеседников, – ведь в таком случае прибегнуть к помощи сторонних

³ Там же. Л. 98.

⁴ РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Д. 19080. Л. 4 об.

⁵ ГАКК. Ф. 51. Оп. 1. Д. 44. Л. 119, 137.

⁶ ГАКК. Ф. 51. Оп. 1. Д. 44. Л. 21 об.

¹ ГАКК. Ф. 51. Оп. 1. Д. 44. Л. 194–195.

² Там же. Л. 21об.

лиц было гораздо легче. В пользу этого свидетельствует, в частности, и та искренность, которая сквозила в письмах Башурова к одному из заимодавцев.

Первым забившим тревогу оказался известный колыванский и томский купец 1-й гильдии, совладелец торгового дома «Петров и Михайлов» Петр Васильевич Михайлов [8, с. 52], квартировавший в Томске в доме купца И. И. Шумилова. В августе 1867 г. он подал в Енисейский городской суд прошение о взыскании с И. М. Башурова долгов. Правда, сначала это прошение было отклонено на том основании, что истец не указал «места проживания ответчика купца Башурова». Михайлов, признав такое решение суда «совершенно несправедливым», подал повторный иск, на этот раз в Томский окружной суд. Интересно при этом, как он характеризовал Енисейск: «...в Енисейске, не могущем сравниться со столицами, потому что в уездном городке Енисейске все торговцы своим согражданам наперечет известны¹. Действительно, еще не так давно – в 1810–1830-х гг. – для того, чтобы адресат получил послание, достаточно было просто указать, например: «в Красноярске г-ну Красноярскому купцу Ларионову» или «господину Александру Алексеевичу Сколкову, Красноярскому купецкому сыну, в Иркутск»². Что касается Енисейска, расцвет которого пришелся на XVIII в., то в 1860-х гг. он тем не менее все еще оставался одним из крупнейших городов Сибири с многочисленным и богатым купечеством: в начале 1860-х гг. в Енисейске проживало 5359 чел. обоюбого пола, в том числе 74 семьи купцов и почетных граждан [9, с. 30–31, 52–53]. Даже в конце XIX в. Енисейск, по словам современников, по праву мог быть назван первым городом Енисейской губернии по своему торговому значению [10, с. 84].

Вместо обещанных денег И. М. Башуров прислал П. В. Михайлову 6 «собственноручных» писем с просьбой об отсрочке платежа или приеме не всей суммы долга. В одном из писем Иван Михайлович, надеясь вызвать сострадание, писал о начале своего купеческого дела: «Скажу вам душевно об упадке дел своих, торго-

вать начал я почти на чужие деньги, по доверию добрых людей, хоть родитель несколько помогал, но, признаться сказать, более стеснял, да и средства его были небольшие, однако добрые люди знали, [что] при тогдашней торговле я все-таки несколько понажил». Среди причин финансового кризиса И. М. Башуров указывал на строительство дома и упадок торговли: «...назад же тому 9-ть лет соблазнился строить дом – деньжонки водились, чего не строить. Как выстроил, денег-то затратил дивно, к тому же торговля стала год от году упадать, а расход начал увеличиваться, я и позавлекся»³.

Постройка собственного дома была делом и правда крайне хлопотным и дорогостоящим. Надо сказать, что Енисейск в середине XIX в. был единственным из других уездных городов Енисейской губернии, в котором в середине XIX в. каменные здания считались десятками, а не единицами (в 1847 г. в городе находилось 23 каменных обывательских дома и 1041 деревянный [11, с. 8–9]), а современники считали, что Енисейск был «по строению один из лучших уездных городов Сибири» [12, с. 213]. От времен былого процветания здесь оставались каменные двухэтажные купеческие особняки, построенные еще в XVIII в. Правда, обедневшие потомки умерших или разорившихся владельцев этих домов вынуждены были перебираться на жительство в нижние этажи, а верхние сдавать внаем [6, с. 177–178]. В середине XIX в. на улицах Енисейска можно было встретить и дома нуворишей, разбогатевших в годы золотой лихорадки, однако «они все поражали своей невзрачностью и заставляли удивляться, как эти богачи, проживая тысяч по 30-ти в год [...] выпивая в одно лето по 1200 бутылок шампанского [...] так мало заботились о своих жилищах и комфорте [...] странно было видеть в этих домах море вина, страсбургские пироги, самородки в виде пресспапье...» [6, с. 177–178].

Усадьба рядового купца в середине XIX в. состояла из деревянного или каменного двухэтажного дома и хозяйственных строений во дворе («три амбара, подвал, стая для скота и сеновал»)⁴. Более успешные дельцы оставляли

¹ ГАКК. Ф. 51. Оп. 1. Д. 44. Л. 21.

² Там же. Ф. 796. Оп. 1. Д. 4482. Л. 6 обл.; Д. 4502. Л. 2 об.

³ ГАКК. Ф. 51. Оп. 1. Д. 44. Л. 22.

⁴ ГАРК. Ф. 173. Оп. 1. Д. 612. Л. 5.

своим потомкам в наследство не только дом, но целый комплекс построек. Вот как, например, в 1872 г. описывал свою недвижимость красноярский мещанин, а в недавнем прошлом – купец 2-й гильдии М. И. Попов: «...каменный двухэтажный дом и два таковых же флигеля с усадебною землею [...], доставшиеся мне по наследству после смерти отца моего [...] из числа их один, состоящий на особой усадебной земле [...] каменный двухэтажный флигель с подвалами, небольшим деревянным домом и усадебною землею [...] ценою за четыре тысячи пятьсот рублей»¹.

По всей видимости, И. М. Башуров выстроил себе прекрасный особняк стоимостью около 10 тыс. руб. – когда он впоследствии надумал «меняться домами» с Ефремом и Яковом Башуровыми, то надеялся в результате этой сделки получить «придачу около 5000 руб.»². Имеющиеся в нашем распоряжении материалы, к сожалению, не позволяют детально характеризовать дом И. М. Башурова – известно лишь, что «находящееся при нем имущество» оценивалось на 4303 руб. 55 ¼ к., в том числе: «жеребец бурой» 4 лет (30 руб.), 2 «каната судовы старые» (10 руб.), 12 «кресел, обитых терновой материей» (40 руб.), «оголов, при ней шлея, узда, седелко» (15 руб.)³.

Оказавшись в затруднении и поняв, что не сможет в срок погасить все свои долги, И. М. Башуров хотел «объявить несостоятельность» и «покорнейше» просил П. В. Михайлова «взять 50 коп. за рубль или, по крайней мере, 2000 руб., не затягивая вдале до того обстоятельства, которого дела нескоро вырешаются»⁴. Правда, иногда брезжила какая-то надежда исправить положение: в мае 1867 г. И. М. Башуров писал, что «наперво, слава Богу, мои дела направляются, некоторые здешние кредиторы согласились и отсрочили, надеюсь, что и с недошедшими сроками тоже согласятся». Кроме переговоров с кредиторами об отсрочке долга, Иван Михайлович решил расстаться с выстроенным домом, что также должно было покрыть часть долгов

В мае 1867 г. он уведомлял П. В. Михайлова, что «с сею почтою посылаю две тысячи руб.

через Евграфа Петровича Мезенцова, по получении коих прошу покорнейше возвратить мою расписку с надписью; а также прошу вашего великодушия не сердиться, конечно, досадно и прискорбно мне самому; но не с нами одними такие дела случаются, если Господь направит дела мои благополучно, то я вас не забуду». И так, вместо того, чтобы выслать всю сумму долга в Томск на имя Михайлова, как последний настаивал в своей телеграмме, Башуров через томского мещанина Е. Мезенцева 30 мая «внес в магазин товарищества вместо 3823 руб. 10 ½ к. только две тысячи рублей серебром, с надписью на расписке и получением от магазина особого удостоверения». Что касается оставшейся суммы, то в письме от 17 июля И. М. Башуров с горечью сообщал: «...высылки денег сделать я не могу, потому что в настоящее время не имею [...] прошу вас всепокорнейшее возыметь маленькое терпение и снисхождение [...] есть люди и злонамеренные, сделки делают, да и платят по 25 коп. за рубль, и то проходит без уголовности [...] Господь, может быть, как-нибудь дело мое оправдает без уголовности». А 24 июля он добавлял: «...высылки денег до вырешения мены домами с г. Башуровым я никак не могу сделать, потому что не имею по случаю худой торговли, постараюсь вырешить всевозможно поскорее с г. Башуровым, как только придется, и с вами отделаться [...] как-нибудь бы перевернулся, да отделался – и теперь не песни пою, а с сожалением расстаюсь с устроенным своим гнездышком». Однако время шло, а дела Башурова никак не улучшались. В своем последнем письме Михайлову от 17 сентября он писал: «...честь имею покорнейше вас просить насчет остального моего кредита повременить или подождать до личного моего приезда к вам в Томск, в ноябре м[еся]це намерен я приехать, как наивозможно, постараюсь я с вами покончить...»⁵.

Несмотря на все уверения Башурова в своей искренности, Михайлов находил в сложившейся ситуации лишь злой умысел, полагая, что Башуров «по справедливости, совести и даже самому закону» не имел права «производить покупку и вводить в заблуждение товарищества магазин распиской и уверениями в имении своего налич-

¹ ГАКК. Ф. 161. Оп. 2. Д. 3. Л. 37

² Там же. Ф. 161. Оп. 2. Д. 3. Л. 22.

³ Там же. Ф. 51. Оп. 1. Д. 44. Л. 21 об.

⁴ Там же.

⁵ ГАКК. Ф. 51. Оп. 1. Д. 44. Л. 22–22 об.

ного капитала» и что за всем этим стоит «явное заранее обдуманное намерение к насильственному и самоуправному завладению оставшей по расписке суммы 1823 руб. 10 ½ к.»¹.

В результате И. М. Башуров был объявлен несостоятельным должником, а его имущество передавалось в ведение конкурсного управления – нижней ступени коммерческого суда, в задачи которого входила организация распродажи имущества должника для погашения задолженности [13, с. 218]. Кураторами конкурсного управления назначались енисейские купцы В. В. Марамыгин, Я. Е. Башуров, председателем – Н. Ф. Деметьев². Поскольку все члены конкурсного управления были заинтересованными лицами, то они самым тщательным образом учитывали имущество И. М. Башурова: в опись вносились даже такие, казалось бы, совсем негодные к употреблению вещи, как «бутыль изломана» (оцененная в 30 к.), «чашка изломана» (5 к.), «шаль гарусная избита мышами» (4 р.), 21 фунт «орехов негодных» (52 ½ к.), «шапка трипова испорчена» (50 к.), «ботинки съедены мышами» (35 к.)³. О работе этих людей можно судить и по словам 2-й гильдии купеческого сына Якова Ефремовича Башурова, который вскоре решил отказаться от своей должности, ссылаясь на то, что «около 20 дней время провел совершенно даром, и даже вместе с приказчиком своим, и упустил очень много торговли по своим торговым делам, и еще даже состою в общественной службе в Енисейском общественном банке кандидатом товарища директора, и заведываю казначейской частью»⁴. Из жалобы Я. Е. Башурова видны существовавшие в деятельности купцов приоритеты: главное, чтобы не было нанесено урона торговым делам, исполнение же любой службы по выбору воспринималось как крайне обременительное.

Таким образом, сохранившееся дело о несостоятельном должнике И. М. Башурове освещает почти 10-летний период жизни этого человека, приходившийся на конец 1850-х – 1860-е гг.: начало купеческого бизнеса, попытку устойчиво встать на ноги и банкрот-

ство, случившееся от желания жить не по средствам и неопытности. Рассматриваемые материалы позволяют говорить о таких характерных для середины XIX в. нормах ведения коммерции, как наличие широких деловых связей и распространение взаимного кредитования в купеческой среде, хорошо поставленное документирование товарооборота. Приводящиеся в деле Башурова подробности о продававшихся в Енисейске продуктах питания, предметах домашнего обихода, одежде, о существовавших ценах дополняют существующие представления об истории повседневности сибирского города. При этом в жизни горожан прослеживаются две тенденции: с одной стороны, к середине XIX в. необратимый характер приняло стремление зажиточных слоев горожан усваивать поведенческие стереотипы, присущие дворянству европейской России, с другой – сибирский город все еще сохранял полуаграрный характер, когда значительная часть населения занималась хлебопашеством, огородничеством и скотоводством.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гончаров, Ю. М. Семейный быт горожан Сибири второй половины XIX – начала XX в. – Барнаул, 2004.
2. Гончаров, Ю. М. Очерки истории городского быта дореволюционной Сибири (середина XIX – начало XX в.). – Новосибирск, 2004.
3. Бойко, В. П. Купечество Западной Сибири в конце XVIII – XIX в.: очерки социальной, отраслевой, бытовой и ментальной истории. – Томск, 2007.
4. Кискидосова, Т. А. Повседневная жизнь горожан Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX века. – Абакан, 2012.
5. Быконя, Г. Ф., Комлева, Е. В., Погребняк, А. И. Енисейское купечество в лицах (XVIII – начало XX в.). – Новосибирск, 2012.
6. Баркова, А. И. Воспоминания о сибирской золотопромышленности // Сибирский сборник. – СПб., 1887.
7. Чукмалдин, Н. М. Записки о моей жизни. – М., 1902.
8. Разумов, О. Н., Киселев, А. Г. Михайлов Петр Васильевич // Энциклопедический словарь по

¹ ГАКК. Л. 23.

² Там же. Ф. 51. Оп. 1. Д. 44. Л. 77.

³ Там же. Л. 192 обл.

⁴ Там же. Л. 81 об.

- истории купечества и коммерции Сибири: в 2 т. – Новосибирск, 2012. – Т. 1.
9. Комлева, Е. В. Енисейское купечество (последняя четверть XVIII – первая половина XIX века). – М., 2006.
 10. Латкин, Н. В. Енисейский округ и золотопромышленность // Живописная Россия. Т. XII. Ч. I. Восточная Сибирь. – СПб., 1895.
 11. Статистические таблицы о состоянии городов Российской Империи. – СПб., 1852.
 12. Кривошапкин, М. Ф. Енисейский округ и его жизнь. Т. 1. – СПб., 1865.
 13. Киселев, А. Г. Фирма на рынках Западной Сибири в конце XIX – начале XX в.: дис. д-ра ист. наук. – Омск, 2011.

Н. Н. КОЗЬМИН И ИЗУЧЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО СТРОЯ ОРХОНСКИХ ТЮРКОВ VI–VIII ВВ.

Тишин В. В.

УДК 929

В статье рассматриваются взгляды Н. Н. Козьмина на древнетюркское общество VI–VIII вв. Ученый рассматривал его в контексте проблемы феодальных отношений у кочевников, которые, по его мнению, не отличались от западно-европейского феодализма. Н. Н. Козьмин имел планы заниматься разработкой проблем общества орхонских тюрков и далее, но не успел реализовать эти планы.

Ключевые слова: **Николай Николаевич Козьмин, тюрки, кочевники, общественный строй, феодализм, историография.**

Имя Н. Н. Козьмина, выдающегося исследователя Сибири, историка, этнографа, краеведа, длительное время оставалось малоизвестным в науке. Забвение его научного наследия непосредственно связано с трагической судьбой самого ученого: в 1938 г. он был репрессирован и погиб. Лишь в последние годы появляются работы, позволяющие должным образом оценить вклад ученого в науку и понять место его работ в историографии ряда вопросов, связанных с историей и этнографией Сибири [1; 2; 3; 4, с. 38–46]. Мы хотели бы остановиться на разработке Н. Н. Козьминым проблемы общественного строя древних тюрков VI–VIII вв.

Ученый коснулся вопросов, связанных с древнетюркским обществом, в контексте работы над проблемой феодализма у кочевнических народов, широкая дискуссия вокруг которой развернулась в советской историографии с начала 30-х гг. XX в. [4, с. 39–40]. Основным своим оппонентом Н. Н. Козьмин видел Б. Я. Владимирцева, автора классического труда «Общественный строй монголов», незавершенного ввиду ранней смерти автора в 1931 г., но опубликованного в

1934 г. В том же 1934 г. вышли две работы самого Н. Н. Козьмина: книга «К вопросу о турецко-монгольском феодализме» и статья «Классовое лицо «атысы» Йоллыг-тегина, автора орхонских памятников», призванные доказать существование феодализма в кочевнических обществах, в т. ч. у орхонских тюрков [5; 6]. Характерно, что сама книга была, судя по всему, написана еще в 1931 г., но издана лишь в 1934 г., поскольку в письме М. И. Азадовскому от 3 июля 1934 г. ученый сам говорит, что написал ее в 1931 г. и «три года добивался издания» [7, с. 266]. Наиболее подробно свой взгляд на проблему феодализма у орхонских тюрков ученый изложил именно в статье, но судя по тому же письму, у него были планы в большей степени заняться орхонским материалом. Так, в книге он отмечает необходимость отдельного исследования «классовой борьбы, в результате которой пало государство т. н. «голубых турков», а затем их эпигонов – орхонцев или... <...> «утукэнцев»» [5, с. 74], но даже если этому и была посвящена последующая статья, в том же письме М. И. Азадовскому он

упоминает, что «хотелось бы написать орхонца Тоньюкука» и не только про него [7, с. 266].

Как Б. Я. Владимирцов, так и Н. Н. Козьмин являлись специалистами т. н. «старой», дореволюционной научной школы и были вынуждены адаптировать свою исследовательскую методiku под марксистскую теорию. Если Б. Я. Владимирцов, рано умерший и не увидевший выхода в свет своей работы, не имеет прямого отношения к тому, какое он оказал влияние на всю марксистскую историографию, поскольку это в большей степени связано с интерпретацией взглядов ученого его последователями [4, с. 42–43; 8, с. 21], то Н. Н. Козьмин увлекся марксизмом всерьез.

Прежде он мог бы быть причислен к сторонникам «родовой теории». Так, например, П. Т. Хаптаев в докладе 1934 г. цитирует принадлежащий перу Н. Н. Козьмина текст из сборника «Бурято-монгольская автономная область ДВ» (Чита, 1923, С. 17): «Зажиточный хозяин обязывался степным обычаем притти на помощь буряту, лишившемуся вследствие внезапного несчастья или неудачи скота. Он ему давал дойных коров, вообще живой инвентарь на поправку... «Улусно-родовая община», по терминологии Щапова, была в 60–70-е годы XIX в. не отмершим пережитком, а живым общественным организмом, где все члены чувствовали себя как бы членами семьи. Среди бурят не было нищих. Всякий мог притти в любой дом и участвовать в еде наравне с членами семьи» (цит. по: [9, с. 21]). Ср. тем не менее уже его выступление на дискуссии по феодализму у бурят в июле 1934 г. в Улан-Удэ, где это же сообщение он объясняет так: «<...> ...в условиях натурального хозяйства богатч не особенно ценит свое не приносившее дохода имущество. Собственник при натуральном хозяйстве легко делится своим имуществом с бедными людьми. Феодал окружает себя бесчисленной челядью и, конечно, делает это не бескорыстно. Прежде всего он получает выгоду в том, что эта челядь дает ему вооруженных людей. Затем она создает ему почет, блеск, влияние. Но он кормит ее безвозмездно. Всех, кто нуждается, он тоже может накормить; гости не переводятся у феодалов» [9, с. 56].

На той же дискуссии Н. Н. Козьмин заявил: «Мои ошибки, которые я и признал, заключались

вовсе не в том, что я отрицал классовое расслоение, а в неправильных методологических установках, в силу которых я не усваивал в борьбе классов того методологического значения, которое отводится ей в марксистско-ленинском учении» [9, с. 57; 1, с. 89], а в письме к М. К. Азадовскому от 19 июля 1934 г. Н. Н. Козьмин писал: «Я недооценивал прежде марксистского методологического устоя – классовой борьбы. Конечно, классовая борьба и есть история человечества за исторический период жизни... <...> Я перевожу историю Центральной Азии на марксистские рельсы. Есть уже ряд очерков, набросков...» [1, с. 89, 98, прим. 41; 7, с. 270]. При этом сам Н. Н. Козьмин критикует работу Б. Я. Владимирцова лишь за то, что тот переоценивал значение родовых пережитков у монголов [5, с. 10–11]¹.

Интересно также то, что сам Б. Я. Владимирцов видел основой феодализма у монголов далеко не землю. Как сообщал в июне 1934 г. Н. Н. Козьмин: «<...> ...Когда в последней нашей беседе с покойным академиком Владимирцовым я коснулся этой темы, он мне сказал, что основу для зарождения и развития феодальных отношений в Монголии он видит в наличии крупного скотоводства. В этом им усматривалось основное отличие монгольского кочевого феодализма от западно-европейского: последний базировался на крупном землевладении, второй – на крупном скотоводстве» [9, с. 59]. Н. Н. Козьмин же, напротив, считал, что «это не какая-либо особая общественная формация... а просто феодализм. Можно даже не прибавлять термина «кочевой» или «азиатский» [4, с. 41; 18, с. 19; 15, с. 73], и в его основе лежат такие же отношения земельной собственности.

Работа о феодализме у тюркских и монгольских кочевников Н. Н. Козьмина основана на анализе широкого сравнительно-исторического и этнографического материала. Кочевнические общества, в т. ч. древние тюрки, характеризовались как классовые, им были свойственны земельные отношения, в сущности, не отличавшиеся от западноевропейского феодализма. У орхонских тюрков существовало четкое разде-

¹ Н. Н. Крадин приписывает Н. Н. Козьмину высказывание, передаваемое им, однако, со слов Н. Я. Марра [14. С. 44; 12. С. 9].

ление на два противоборствующих класса: беки, феодалы со структурированной иерархией, и «черный» народ, неопределенная масса, выполнявшая различные повинности (*кара будун*) [15, с. 14, 22–23, 56–57; 9, с. 62], которых при этом в одном месте он именует «крестьянством», помимо их борьбы с беками, отмечая у последних внутреннюю борьбу крупного землевладения с мелким [5, с. 74]. Тюркскую титулатуру Н. Н. Козьмин трактовал как феодальную лестницу [5, с. 61; 9, с. 62–63]. Отмечая и некоторую роль рабства и пережитки (именно пережитки, как он специально обратил внимание) «патриархально-родовых отношений и общинных хозяйственных порядков», Н. Н. Козьмин все характеризовал «общий строй хозяйственных и социальных отношений задолго до образования Монгольской империи» как феодально-крепостнический [5, с. 43, 44].

Н. Н. Козьмин критиковал попытки В. В. Бартольда и П. М. Мелиоранского видеть у тюрков патриархально-родовой строй и стремление видеть демократические тенденции в политике кагана, сравнивая их взгляды с концепцией Л. Кауна [5, с. 20, 22–23, 139–140 прим. 20; 6, с. 269, 270]. По его мнению, в «турецком обществе» следует ясно говорить о противостоянии «турецкого феодального дворянства» и всего («черного») народа, *кара будуна*, процессах далеко шедшего социального расслоения и захвата земель социальной верхушкой [6, с. 261, 270]. Именно для феодалов, а не народа и были написаны орхонские тексты [6, с. 261, 270]. Беги, по его мнению, – это «однородная компактная группа», вся территория государства распределена между бегами «разной хозяйственной и политической мощи», каган же – самый сильный бег, распределял земли, но фактически «первый среди равных»; каган окружен *огланами* и *огушами* (дружинниками и вассалами) [6, с. 270]. По мнению ученого, в тюркском обществе существовали рабы и крестьяне (*кул*, *кара будун*), говорить о родовом строе нет никаких оснований [6, с. 270].

Падение первого Тюркского каганата Н. Н. Козьмин объяснял борьбой феодальных интересов. Торговый капитал китайцев обострял социальные антагонизмы, в результате борьбы

часть бегов ушла к китайцам [6, с. 271]. Китайцы дали им земельные наделы, но не оставили их на старых землях, переселили; другая же часть бегов скрылась в горах, откуда начали предпринимать попытки восстановить свои владения [6, с. 272]. Во главе них стал Кутлуг, владлец поместья на Алтае (*так!*), имевший сначала 17, потом 70 вассалов, упомянутых в Хошо-Цайдамских стелах [6, с. 273].

Йоллыг-тегин, автор Хошо-Цайдамских текстов, бывший, по мнению ученого, аталыком, опекуном малолетних сыновей Кутлуга, являлся представителем феодальной аристократии, связывавшей свои интересы с правящей династией [6, с. 263–264]¹. В текстах он выдвигает политическую линию своего течения: он призывает строить государство из поместий, ему противостоят стремящийся к независимости крупный феодал Тоньюкук, его линия – создать «федерацию независимых владений» [6, с. 273, 276].

В рецензии на книгу Н. Н. Козьмина В. А. Казакевич обозначил ряд общих вопросов по исследованию общественных отношений у кочевников. Он критически отозвался о концепции С. П. Толстова о рабовладении у кочевников, ставя ему в укор «механистическую интерпретацию учения Маркса о пяти антагонистических формациях» [10, с. 112]. Среди общих вопросов он поставил вопрос о необходимости более тщательной разработки социальной терминологии: так, например, он указал, что нужен более внимательный анализ терминов «юрт», «инджи», «улус», «эль», чтобы решить проблемы о формах землевладения и землепользования в Центральной Азии [10, с. 114]. Что касается орхонских тюрков, то В. А. Казакевич упрекал Н. Н. Козьмина в недооценке роли рабства в их общественной жизни: по его мнению, «грандиозное строительство орхоно-уйгурского и монгольского периодов» создано руками рабов, а также они обеспечивали земледельческие работы, хотя он и объективно признавал недостаток источникового материала. В целом же он соглашался с мнением А. Н. Бернштама в том, что рабство было укладом в феодальном кочевническом обще-

¹ Примечательно, что отчасти интерпретацию Н. Н. Козьмина разделил турецкий историк И. Кафесоглу [22. S. 127 dipnot 412].

стве, а не формацией [10, с. 115]. Он критиковал Н. Н. Козьмина за сравнение «турок» VII–VIII вв. и монголов XIII–XIV вв., уподобляя его Л. Кауну [10, с. 115–116].

Критика в рецензии Н. Смирнова была направлена больше на монгольский материал, тем не менее он достаточно определенно высказал свой взгляд на социально-экономические процессы в кочевнических обществах. Н. Смирнов согласился с критикой Н. Н. Козьминым представителей «родовой теории» (Н. Я. Бичурин, В. В. Бартольд, П. М. Мелиоранский, Б. Я. Владимирцов), упрекая их за «отсутствие точного анализа хозяйственных и общественных взаимоотношений как внутри рода, так и между родовыми группами, что и приводит их к ошибочным выводам» [11, с. 141–142]. Помимо критических замечаний в адрес Н. Н. Козьмина из-за недостаточного изучения К. Маркса, Н. Смирнов также упрекал Н. Н. Козьмина в отсутствии последовательного изложения, голый схематизм, в частности, что тот «берет как равнозначные различные исторические эпохи, например, турецкую VII–VIII вв. (используя «орхонские надписи») и монгольскую XII–XIII вв. и с одинаковым успехом черпает в них нужную для своей схемы аргументацию», а между тем, по мнению самого Н. Смирнова, «общественный строй турок VIII в. существенно отличался от монгольского общественного строя XIII в., а оба они – от западноевропейского соответствующих эпох» [11, с. 141]. Именно это Н. Смирнов видел главным недостатком книги – отсутствие «динамики развития феодальных отношений на соответствующих исторических этапах» [18, с. 142], ведь сам Н. Смирнов считал, что создание империи Чингисхана завершило «огромный» социальный процесс распада родовых отношений и ознаменовало утверждение феодальной формации [11, с. 143].

Подобное высказанному обоими рецензентами замечанию о неучете динамики социальных отношений различных эпох мы найдем также у современного исследователя творчества Н. Н. Козьмина [2, с. 107; 3, с. 16]. Характерно, что при этом сам Н. Н. Козьмин критиковал выступление П. Т. Хаптаева о формах феодальной эксплуатации у кочевников за то, что «у

докладчика нет четкости в отношении периодов; хронологическая перспектива представляется далеко не выдержанной», «он часто берет за одну скобку свидетельства разных эпох», «историческая перспектива не всегда соблюдается» [9, с. 58, 60].

Н. Н. Козьмин отстаивал высокий уровень развития сибирских народов в историческую эпоху. Так, в выступлении на дискуссии по феодализму у кочевников в начале июня 1934 г. в Улан-Удэ он говорил: «...я всегда указывал, что сибирские народы пережили в прошлом чрезвычайно сложную историю. Они входили в состав государств, довольно высоко стоявших в культурном и хозяйственном отношении, поэтому нельзя рассматривать народы, переживавшие эту сложную историю, как каких-то первобытных младенцев, вышедших только что из колыбели» [9, с. 53] (ср.: [1, с. 89]). И в другом месте: «Нужно категорически сказать, что исторических материалов, относящихся к тем стадиям общественного развития, которые характеризуются укладами доклассовой общественной структуры, мы для турок, монголов и тунгусов не найдем. Все эти группы народов жили на исторической памяти в условиях классового общества. Исторические материалы, относящиеся к ним, отображают сложную классовую структуру, сложные классовые отношения» (цит. по: [1, с. 89]; см.: [9, с. 61]). По мнению А. М. Решетова, «не исключено, что такие взгляды сложились у Н. Н. Козьмина под влиянием М. Н. Покровского» [1, с. 89, 98, прим. 40]. Надо отметить, что во введении к своей книге о феодализме у тюрков и монголов (с. 9) Н. Н. Козьмин довольно восхищенно упоминает о работах М. Н. Покровского в области русской истории. Судя по всему, Н. Н. Козьмин вполне разделял его взгляды. Так, подобная мысль о не менее развитом характере культуры «сибирских инородцев» была высказана им в письме М. И. Азадовскому от 3 июля 1934 г., в котором, например, про енисейские рунические эпитафии он восхищенно высказался следующим образом: «Совсем в стиле той эпохи, из которой вышли александрийцы, Экклезиаст и пр.» [7, с. 266]. Н. Н. Козьмину как культурному человеку, патриоту Сибири было чуждо пренебрежительное отношение к коренным народам

региона. По-видимому, это отразилось и на его видении социальной истории.

Характерно, что Л. П. Потапов, писав в 1952 г. об «антинаучных построениях и взглядах некоторых авторов» по истории народов Сибири, прямо назвал Н. Н. Козьмина «последователем М. Н. Покровского», также указав на него как на «родоначальника «теоретического» национализма у некоторых сибирских народностей» [12, с. 230]. Ср. подобный упрек в национализме в другой работе Л. П. Потапова [1, с. 86, 97 прим. 20; 3, с. 16].

Что касается собственно древних тюрков VI–VIII вв., то, несмотря на ряд грубых фактических ошибок, основанных на недостаточном знании источников или невнимательном отношении к конкретно-историческому материалу, часть из которых позже была отмечена оппонентами [13, с. 215–218; 14, с. 270, 333, прим. 19], а также искусственный характер построений в его интерпретации [15, р. 333–334], работы Н. Н. Козьмина имели важное значение для разработки теории землепользования у кочевнических народов. Так или иначе, как отметил Н. Н. Крадин, «по иронии судьбы именно взгляд Козьмина на феодализм у номадов впоследствии стал господствующим в советской историографии» [8, с. 19].

Характерно, что А. Н. Бернштам, в работах которого проблема общественно-экономического строя Тюркского каганата разрабатывалась специально в эти годы специально [16; 17; 18], упрекал Н. Н. Козьмина прежде всего в модернизации общественных отношений у кочевников [19, с. 87, прим. 2]. При этом сам А. Н. Бернштам обошел вопрос о земельных отношениях, по-видимому, не придав ему большого значения: «если номинально земля считалась собственностью рода, то фактически она эксплуатировалась бегом, ибо его стада были наиболее многочисленными в данной кочевой общине» [20, с. 93]. Более осторожно, признавая отсутствие источниковых данных, он пишет об этом в монографии, упоминая также работу Н. Н. Козьмина [21, с. 125].

Сам Н. Н. Козьмин свои задумки по изучению древнетюркского общества реализовать не успел. Ему было необходимо поработать, как он писал в июле 1934 г. М. И. Азадовскому, в

библиотеке Азиатского музея (тогда уже Института востоковедения АН СССР) [7, с. 266]. Но в последующий период его заняли другие дела, в августе же 1937 г. он был арестован, а через год умер в тюремной больнице [1, с. 93]. Проблеме общественного строя древних тюрков VI–VIII вв. была посвящена диссертация А. Н. Бернштама, защищенная в 1935 г. [22], изданная в качестве монографии только в 1946 г. [20]. Несомненная важность этой работы в том, что, во-первых, в ее основе лежит непосредственный анализ древнетюркских рунических текстов, во-вторых, это до сих пор единственное монографическое исследование общественно-экономических отношений в Тюркском каганате.

ЛИТЕРАТУРА

1. Решетов, А. М. Николай Николаевич Козьмин: основные направления научной деятельности // Репрессированные этнографы / Сост. Д. Д. Тумаркин. 2-е изд. – М., 2002. Вып. 1.
2. Кузьмин, Ю. В. Н. Н. Козьмин – историк, этнограф, краевед // Иркутское краеведение 20-х: взгляд сквозь годы: материалы региональной научно-практической конференции «Золотое десятилетие» иркутского краеведения: 1920-е годы», Иркутск, 11–13 января 2000 года. Т. 2. / Ред. кол. А. С. Маджаров и др. – Иркутск, 2000.
3. Кузьмин, Ю. В. Николай Николаевич Козьмин : исследование жизни и творческой деятельности // Проблемы экономической, политической и культурной независимости Монголии : материалы «Круглого стола» 22 декабря 2001 г., посвященного 90-летию независимости Монголии и 80-летию Монгольской революции 1921 г. – Иркутск, 2001.
4. Крадин, Н. Н. Кочевники Евразии. – Алматы, 2007.
5. Козьмин, Н. Н. К вопросу о турецко-монгольском феодализме / Предисл. М. Гудошникова. – М., 1934.
6. Козьмин, Н. Н. Классовое лицо «атысы» Йоллыгтегина, автора орхонских памятников // Сергею Федоровичу Ольденбургу. К пятидесятилетию научно-общественной деятельности. 1882–1932: сб. ст. / Отв. ред. И. Ю. Крачковский. – Л., 1934.

7. Литературное наследство Сибири. Т. I. Горький и Сибирь. Забытое и найденное. Письма ученых-сибиреведов и писателей М. К. Азадовскому / Ред. кол. Н. Ф. Бабушкин, Е. И. Беленький, А. В. Высоцкий, Н. Н. Яновский. – Новосибирск, 1969.
8. Крадин, Н. Н., Скрынникова, Т. Д. Империя Чингисхана. – М., 2006.
9. К истории Бурято-Монголии. Материалы дискуссии, состоявшейся в июне 1934 г. в Улан-Удэ / Предисл. А. В. Шестакова; под ред. А. В. Шестакова и А. И. Ломакина. – М.-Л., 1935.
10. Казакевич, В. А. Проф. Н. Н. Козьмин Проблемы истории Монголии и Южной Сибири в новом освещении. [Рец. на] К вопросу о турецко-монгольском феодализме, ОГИЗ, Москва – Иркутск, 1934 // Советская этнография. – 1934. – № 5.
11. Смирнов, Н. О феодализме у кочевых народов ([Рец. на] Проф. Н. Н. Козьмин, К вопросу о турецко-монгольском феодализме. ОГИЗ, Москва – Иркутск, 1934) // Историк-марксист. – 1935. – № 2–3 (42–43).
12. Потапов, Л. [П.] [Рец. на] История Бурят-Монгольской АССР. Т. 1 // Советская этнография. – 1952. – № 3.
13. Бернштам, А. Н. Новые работы Н. Козьмина о древнем турецком обществе // Проблемы истории докапиталистических обществ. – 1935. – № 1–2.
14. Гумилев, Л. Н. Древние тюрки. – М., 1993.
15. Kafesoğlu İ. Türk Milli Kültürü. 4. baskı. – Istanbul, 1997.
16. Бернштам, А. Н. Родовая структура Ту' Гю VIII в. (к исследованию памятника Кюль-тегина) // Из истории докапиталистических формаций: сборник статей к сорокалетию научной деятельности Н. Я. Марра. – М.-Л., 1933 (Известия ГАИМК. Вып. 100).
17. Бернштам, А. Н. Происхождение тюрков // Проблемы истории докапиталистических обществ. – 1935. – № 5–6.
18. Бернштам, А. Н. К вопросу о возникновении классов и государства у тюрков VI–VIII вв. н. э. // Вопросы истории доклассового общества: сборник статей к 50-летию книги Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». – М.-Л., 1936.
19. Бернштам, А. [Н.] Проблема распада родовых отношений у кочевников Азии // Советская этнография. – 1934. – № 6.
20. История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства. – М.-Л., 1939. Ч. III–IV.
21. Бернштам, А. Н. Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрков VI–VIII вв. Восточно-тюркский каганат и кыргызы. – М.-Л., 1946 (Труды института востоковедения. Т. XLV).
22. Бернштам А.[Н.] Социально-экономический строй древнетурецкого общества VI–VIII вв. н. э. Турки в Монголии. Тезисы кандидатской диссертации. – Л., 1935.

АННОТАЦИИ К СТАТЬЯМ НОМЕРА (на английском языке)

Ugdyzhekov E. V.

MANICHAISM IS A MARK OF CONTACTS OF MEDIEVAL POPULATION OF THE KHAKASS-MINUSINSK DEPRESSION

In article are considered different approaches to the study of the influence of Manichaeism on the world outlook, traditions and culture of the medieval population of Khakassko-Minusinsk basin. For a broader understanding of Manichaeism as a religion, as a sect the opinion of philosophers, Manichaean, Christian theologians is considered.

Keywords: Manichaeism, Khakassko-Minusinsk basin, religion, sect, world outlook, southwest Asia.

Soyegov M.

THE ANCIENT KYRGHYZ (KHAKAS) AND OGHUZ (TURKMEN),

according to «Oghuzname» and Chinese sources the article by comparing the data sources were available to new issues of coverage selected stories of the ancient ancestors of the modern Turkmen and Khakass nations. On the basis of previous publications performed undertaken to enter into scientific use the new translation of the Chinese source, talking about the ancient Kyrgyzs.

Key words: ancient Turkic history, Mao-Dun/Oghuz-han, Hunns, Oghuz, Kyrgyz, translation sources.

Kabzhanov A. T.

TENGRISM IS A PRIORITY BASIS OF THE KAZAKHS' CULTURAL SELF-IDENTIFICATION

The article is devoted to the issues of cultural identity of Kazakhs as representatives of the Turkic ethnic group originally preaching Tengriism. The analysis on Kazakhs' world outlook shows that tengriism has been and remained dominant despite evident islamic motifs.

Key words: tengriism, cultural identification, national identification, mentality, religion, «aruakh», neophyte, khanafitskiimazkhab, Islam, Sufism, shezhire.

Ōsawa Takashi

PRELIMINARY READING OF THE OLD TURKIC RUNIC INSCRIPTION ON THE HARP TYPED MUSICAL INSTRUMENT FROM THE NORTHWESTERN MONGOLIA

This paper aims to interpret the Old Turkic text, that is consisting of 20 lines on the body and neck of the harp typed musical instrument with the horse-head that was found discovered from the cave grave of the ZhargalantKhairkhan Mountains of Khovd province from Northwest Mongolia in 2008. On the author's philological investigation in Bonn historical museum on November 2012, this runic text can be carved for Bodunčar that is the grandfather of this runic scribe. In my opinion, Bodunčar served the Yenisei-Kirghiz Kaghan not only as brave warriors, but also as player of a harp of in his lifetime. From the track of runic scripts under black girdle of the horse-neck, it seems after his death, his grandson reused this instrument as a memento of the dead. From the anthropological analysis of skull of the dead, he must have been dead in the 26 year old for the reason such as sickness or injury of war in the northwest Mongolia. From the historical point of view, until 839 year CE, Khovd area has been ruled under the Kaghan of the Old Uighur Empire, so this rock grave seems to be constructed around the middle of the 9th century CE.

Key words: musical instrument, runic writing system, harp, linguistic analysis, Northwest Mongolia.

Samrina E. V.

COLLECT OF YASAK IN KHAKASS-MINUSINSK REGION IN THE XVII CENTURY AND ITS GROWTH FACTORS

This article analyzes the reasons for the growth of fur tax with indigenous Khakass-Minusinsk region in the XVII century. Among the main factors the author identifies unsystematic tax of yasak, the competition for the right Russian burg to collect of yasak and abuse official.

Key words: tribute, furs, back taxes, abuse, burg, the magistrates, the indigenous population.

Shulbayev V. K.

TO HISTORICAL OUTLINES OF THE DEVELOPMENT OF PRODUCTION INDUSTRY IN KHAKASSIA. THE SOVIET PERIOD (1920–1940s).

In the work peculiarities of the production development on the territory of the region in the 1920-1940s are shown on the basis of materials of National archives of the Republic of Khakassia and published literature.

Rich natural and mineral resources and vehicle accessibility to them in the recently formed Khakass autonomous region became the main factors of location here large and middle enterprises of gold mining, ore mining, forest and wood-working, food industry of national economic significance. The results of systematic geologic-investigative works, performed on its territory served as the most important preconditions of the development of production industry.

In the work transformation stages of small backyard enterprises into large and middle enterprises of local production industry, which were producing goods for organizations and population of the region, are observed along with the consideration of the development process of enterprises of the Soviet significance.

Key words: development of production industry in Khakassia, geologic-investigative works, mineral resources, mineral deposits, a mine, mining administration, gold extraction administration, timber mill, gold mining, ore mining, forest and wood-working, food industry, processing industry, production industry of the Soviet significance, production work associations, integrated industrial plant, local production industry, gold extraction and mining communities.

Stepanov M. G.

CRIMINAL PROSECUTION OF THE SOVIET CITIZENS ON POLITICAL GROUNDS IN THE 1939 – 1941S (BY THE EXAMPLE OF THE KHAKASS AUTONOMOUS REGION)

In the article on the basis of archival documents shows the process of prosecution residents Khakass Autonomous Region in 1939–1941.

Key words: stalinism, political repression, terror, «counter-revolutionary crimes», historiography, Khakassia.

Kiskidosova T. A.

INTERACTION OF A FAMILY AND SCHOOL IN EDUCATIONAL PROCESS IN CITIES OF KHAKASSIA (THE SECOND HALF OF THE 1940–1950S)

The article is devoted to the problem of interaction between families and schools in the cities of Khakassia in the postwar period. On the basis of a wide range of sources it is shown that the weak link between school and family contributed to the growth of neglect and delinquency among children. The author comes to the conclusion that the involvement of parents in the educational process has been slow and had a number of difficulties.

Key words: family, school, city, Khakassia, parents, pupils, teachers.

Drozdov A. I.

THE ECONOMIC REFORM OF THE 1965TH: PLANS AND RESULTS (BASED ON MATERIALS OF KHAKASSIA)

In the article analyzes the progress of economic reform A. N. Kosygin during the Eighth Five-Year Plan on materials Khakassia Autonomous Region.

Key words: late industrial modernization, economic reform, industry, agriculture, Khakassia.

Krivosnogov V. P.

DESCENDANTS OF THE MELETSKY TATARS

At the present time descendants of a native Turkic-speaking ethnic group under the name «the Meletsky Tatars» live in the North of Tyukhtetsky district of the Krasnoyarsk region. For the recent 100-150 years the number of the group was constantly reducing. Now on the main ethnic territory it is 168 persons. Till the beginning of the XXIst century they had been called officially as «the Khakass». At the present day they have got a status of an especial aboriginal small-numbered people under the name «The Chulyms». In recent times self-consciousness of this people has strengthened in some measure. For example the majority of persons of mixed parentage used to prefer writing themselves as the Russians but now many mestizos started to call themselves as the Chulyms. But assimilative processes in the sphere of language and culture have not stopped. At the present almost nobody speaks the Chulym language. Ethnic peculiarities in material and spiritual culture receded into the past. Breaching of endogamy happened. The number of national-mixed marriages exceeded the number of mono-national ones. Miscegenation intensively takes place. The majority of the Meletsky Chulyms consider that there is an impending danger of disappearance through assimilation of them by the Russians.

Key words: the Meletsky Tatars, the Chulyms, modern ethnic processes, language and cultural assimilation, national-mixed marriages, breaching of endogamy, miscegenation.

Zlotkovskij V. I.

THE RESULTS OF RE-ELECTION OF A CITY COUNCIL MEMBER AS A FACTOR OF EVALUATION OF THEIR ACTIVITY DURING THE FIRST ELECTION TERM (BASED ON THE EXIT POLL, HELD ON THE 8TH OF SEPTEMBER, 2013 IN KRASNOYARSK)

In this article, basing on the result of the exit poll held on the 8th of September, 2013 during the election of Krasnoyarsk city council member in single-mandate district #2, the social portrait of voters, candidates' supporters, their motivation, periods of taking electoral decisions, relations between voting for parties' lists and candidates are analyzed. The conclusion about dependency of re-election of the acting member on the evaluation of their activity during reported period is made.

Key words: exit poll, city council members' elections, candidates' supporters' social portrait.

Anayban Z. V.

THE SPECIFICS OF MIGRATION PROCESSES IN CONTEMPORARY TUVA ABSTRACT

The article analyzes the current specifics and main tendencies of migration in the Tuva Republic. The study is based on official statistical materials. The analysis showed that one of the specific features of current migration processes in Tuva Republic is the long-term negative balance of migration. It is characteristic that the non-native population is mainly oriented towards leaving the republic, whereas the Tuvans move to rural areas or towns within the republic. The specifics of internal migration is that people migrate more and more actively to rural areas.

Key words: Tuva, Tuvans, Russians, specifics of migration processes, urban to rural migration, migration mobility.

Kimeev V. M., Terentyev V. I.

THE IDENTIFICATION OF THE TURKIC PEOPLES' SOCIOCULTURAL TRANSFORMATIONS IN SOUTHERN SIBERIA AND THE HERITAGE CONSERVATION PERSPECTIVES IN THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY

The paper analyses modern theoretical approaches to comprehend a nature of the Turkic ethnic groups revitalization processes in Southern Siberia, that dominate among national elite representatives. The practical way of an ethnocultural heritage conservation is proposed through ecomuseum creating in aborigines' locations. This variant is the most logical and productive to avoid constructivist national political discourse and to optimize state national policy.

Key words: sociocultural transformations, national political discourse, traditional culture, heritage, ecomuseums, Southern Siberia.

Tuguzhekova V. N.

S. P. ULTURGASHEV IS AN ORGANIZER, TEACHER, SCHOLAR, PUBLIC PERSON.

In the article a biography of Stepan Pavlovich Ulturgashev, an organizer of a humanitarian science and higher professional education in Khakassia, scholar, public person is under consideration. A great attention is paid to the work of S. P. Ulturgashev as the Director at Khakass Research Institute of Language, Literature and History.

Key words: Abakan State Teacher Training Institute, Khakass RILLH, teacher, scholar, organizer of a science, higher professional education.

Dankina N. A.

ACADEMIC SECRETARIES OF KHRILLH

In the article a biography of KhRILLH academic secretaries for the period of its existence since 1944 till the present time is performed. A brief characteristics of their scientific interests is given. Academic secretaries' role in organization of a humanitarian science in Khakassia is shown.

Key words: academic secretary, humanitarian science, history of Khakassia, the Khakass language, academic council.

Barabash V. P.

ALEXANDER KENEL AT LENINGRAD CONSERVATORY: ORIGINS OF PROFESSIONALISM.

The article is devoted to the conservatory period of life of the first professional composer, conductor, folklorist, teacher, enlightener, public person of Khakassia A. A. Kenel. The author analyses his stages of getting a musical education at famous educational institutions and displays A. A. Kenel's ambience, which influenced on his dedication to music and composition bloomed into the purpose of life.

Key words: A. A. Kenel, music, composer, courses of music, conservatory, teachers, friends, Khakassia.

Komleva E. V.

FROM THE LIFE OF SIBERIAN MERCHANT IN THE 1860S: TO IVAN M. BASHUROV'S BIOGRAPHY

New materials about the life of Yeniseisk merchant Ivan Bashurov has been presented. It allows to describe the development of business of the ordinary Siberian merchants, to reveal difficulties with which they had to deal, and also to enrich the existing ideas about the everyday life of Siberian citizens in the middle of 19th century.

Key words: Siberia, city, merchantry, everyday life, commerce, household.

Tishin V. V.

N.N. KOZMIN AND THE STUDY OF THE SOCIAL SYSTEM OF ORKHON TÜRKES OF 6TH – 8TH CENTURIES

The article deals with the N.N. Kozmin's view on the society of the Old Türks of 6th – 8th centuries. The researcher considered it in context of the problem of nomadic feudal system, which, in his view, was not differ from the feudalism in Western Europe. N.N. Kozmin had planned to study the Old Türkic society deeply, but he had never realized it.

Key words: Nikolay Nikolaevich Kozmin, Turks, nomads, social system, feudalism, historiography

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Анайбан Зоя Васильевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН

Барабаш Валентина Петровна – кандидат исторических наук, директор Красноярского краевого колледжа культуры и искусства

Данькина Надежда Анатольевна – кандидат исторических наук, ученый секретарь ГБНИУ РХ «ХакНИИЯЛИ»

Дроздов Алексей Ильич – кандидат исторических наук, доцент ХГУ им. Н. Ф. Катанова

Злотковский Владимир Ильич – докторант Института социально-политических исследований РАН

Кабжанов Акылбек Тайбулатович – кандидат юридических наук, доцент Карагандинского университета «Болашак» (Республика Казахстан)

Кимеев Валерий Макарович – доктор исторических наук, профессор Кемеровского государственного университета, директор экомuzeя-заповедника «Тюльберский город», e-mail: kimeev@mail.ru

Кискидосова Татьяна Александровна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ГБНИУ РХ «ХакНИИЯЛИ»

Комлева Евгения Владиславовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории СО РАН, e-mail: feodal@history.nsc.ru

Кривоногов Виктор Павлович – доктор исторических наук, профессор Сибирского федерального университета (СФУ)

Осава Такаши – профессор Университета г. Осаки (Япония)

Соегов Мурадгелди – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Национального института рукописей Академии наук Туркменистана

Степанов Михаил Геннадьевич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ГБНИУ РХ «ХакНИИЯЛИ», доцент ХГУ им. Н. Ф. Катанова

Терентьев Владислав Игоревич – старший научный сотрудник музея-заповедника «Томская писаница», e-mail: vead33@bk.ru

Тишин Владимир Владимирович – аспирант отдела Востока Института востоковедения РАН, e-mail: tinij-511@mail.ru

Тугужекова Валентина Николаевна – доктор исторических наук, профессор ХГУ им. Н. Ф. Катанова, директор ГБНИУ РХ «ХакНИИЯЛИ»

Угдыжеков Эдуард Валерьянович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ГБНИУ РХ «ХакНИИЯЛИ»

Шулбаев Валерий Константинович – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник ГБНИУ РХ «ХакНИИЯЛИ»

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

(ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ И СООБЩЕНИЯМ)

Научный журнал «Научное обозрение Саяно-Алтая» выходит 2 раза в год.

Предоставляемые в журнал статьи должны излагать новые, еще не опубликованные результаты гуманитарных исследований по направлениям:

- отечественная история;
- археология;
- этнография, этнология и антропология, культурология;
- историковедение и методы исторического исследования;
- историография отечественной истории;
- история и структура языка;
- языковые связи;
- ономастика;
- литературоведение;
- фольклористика;
- персоналии.

Принимаются статьи, документальные публикации, материалы обзорного и информационного характера, рецензии.

Автор представляет:

- заверенную рецензию доктора или кандидата наук по специальности;
- статью в файле в формате Microsoft Word (кроме Word-2007) (файлы с расширением doc или rtf);

– идентичный текст в печатном виде;

– краткую аннотацию (700–850 знаков с пробелами) на русском и английском языках, которая должна включать: фамилию автора, название, цель статьи, характеристику проблемного поля, перечень основных проблем, затронутых в статье, основные научные результаты, ключевые слова (не более 10).

Титул статьи должен содержать фамилию, имя, отчество, должность, ученую степень, место работы, служебный адрес, электронную почту, индекс УДК. Объем статьи не должен превышать 0,5 п. л. (20 тыс. знаков) с учетом пробелов, примечаний и объема аннотации, а также таблиц и рисунков, объем информационных заметок и рецензий – 0,2 п. л.

Статья оформляется со следующими параметрами:

- стандартный набор шрифтов Windows, кегль 14;
- если автор использует дополнительные шрифты, не входящие в основной набор Windows, эти шрифты должны быть записаны в электронном виде и переданы со статьей;
- межстрочный интервал – 1,5;
- не использовать макросы и стилевые оформления Microsoft Word;
- поля: сверху и снизу – 2 см, слева – 3, справа – 1,5 см.

Фамилия, имя, отчество автора и расположенный под ними заголовок должны быть написаны строчными буквами, жирным шрифтом и выровнены по центру страницы. Сведения об авторе размещаются под заголовком с правой стороны. Ниже следует аннотация с ключевыми словами на русском языке, под ними – фамилия, имя, отчество автора, заголовок, аннотация и ключевые слова на английском языке.

Текст статьи начинается на этой же странице.

Список литературы оформляется в конце статьи:

– названия работ приводятся в порядке упоминания;
– ссылки в тексте на упомянутые труды оформляются в квадратных скобках [1], при необходимости с указанием страницы [1, с. 21].

– сноски пояснительного характера, а также ссылки на архивы, рукописные собрания даются постранично с использованием последовательной нумерации (1... 10 и т. д.), причем в тексте статьи номер сноски печатается в верхнем регистре;

– в публикациях документов могут быть использованы буквенные постраничные ссылки.

Графики и диаграммы предоставляются отдельными файлами, выполненными в Microsoft Excel 6.0/ 7.0/97/2000; иллюстрации в формате JPG.

От автора к публикации принимается не более одного материала в год. Рукописи, не удовлетворяющие указанным выше правилам, а также не принятые к публикации, авторам не возвращаются. Плата с аспирантов за публикацию не взимается. Статьи, поступившие в редакцию, проходят экспертизу членов редколлегии и при необходимости направляются на внешнее рецензирование. Мотивированный отказ в публикации отправляется автору по электронной почте после заседания редколлегии по очередному номеру. Корректурa не высылается. Гонорар за публикуемые материалы не выплачивается.

Полная текстовая версия выставляется <http://www.haknii.ru>

Рукописи направлять по адресу: 655017, Абакан, Щетинкина, 23.

Редакция журнала «Научное обозрение Саяно-Алтая».

E-mail: khaknauka@mail.ru

Научное издание

Выпуск 1 (07)

Серия: История

НАУЧНОЕ ОБОЗРЕНИЕ САЯНО-АЛТАЯ

Редакторы:

Е. В. Чезыбаев, В. В. Чезыбаева

Компьютерная верстка *Е. В. Чезыбаева*

Макет подготовлен
ГБУ РХ «Хакасское книжное издательство»,
655017, г. Абакан, ул. Щетинкина, 75-18н,
Тел./факс: (3902) 244-354, 243-039
E-mail: izdatel@sibnet.ru

Подписано в печать 23.12.2014.
Формат 60x84/8. Печ. л. 13,75.
Гарнитура Liberation. Печать офсет.
Тираж 300 экз. Заказ № 142.

Отпечатано в типографии ГБУ РХ
«Хакасское книжное издательство»,
655017, г. Абакан, ул. Советская, 173